

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
STATE
UNIVERSITY
BULLETIN

Linguistics
and Intercultural Communication

Linguistique
et communication interculturelle

Linguistik
und interkulturelle Kommunikation

Lingüística
y Comunicación Intercultural

Linguistica
e comunicazione interculturale

Лингвистика
и меѓукултурна комуникација

Lingvistika
a mezikulturni komunikace

Lingwistyka
i Komunikacja Międzykulturowa

Лингвистика
и междукултурна комуникация

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в 1946 году

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

19

Л
ИНГВИСТИКА
И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ

№ 4 • 2021

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
факультет иностранных языков и регионоведения МГУ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Геккель Роберт (Goeckel Robert), доктор, профессор политологии и международных отношений, Университет штата Нью-Йорк, Колледж в Дженесео, США; **Илсон Роберт (Ison Robert)**, профессор, почетный научный сотрудник Университетского колледжа Лондона; Лондон, Великобритания; **Ратмайр Ренате (Rathmayr Renate)**, доктор, профессор в отставке, бывш. зав. кафедрой иностранных языков и деловой коммуникации Института славянских языков Венского университета экономики и бизнеса. Вена, Австрия; **Джек Ричардс (Richards Jack C.)**, доктор наук, почетный профессор факультета педагогики Сиднейского университета (Австралия); почетный профессор факультета педагогики университета Окленда (Новая Зеландия); **Сассекс Роланд (Sussex Roland)**, почетный профессор, кафедра прикладной лингвистики, факультет языков и сравнительно-культурных исследований, Университет Квинслэнда. Брисбан, Австралия; **Чжэн Тиву (Zheng Tiwu)**, директор Института мировой литературы Шанхайского университета иностранных языков, член президиума МАПРЯЛ, почетный член Союза писателей России, почетный доктор ИДВ РАН. Шанхай, КНР; **Ян Кэ (Yan Ke)**, профессор, директор Института европейских языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли. Гуанчжоу, КНР

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Тер-Минасова С.Г. (главный редактор), доктор филологических наук, профессор, президент факультета иностранных языков и регионоведения, зав. кафедрой теории преподавания иностранных языков; **Молчанова Г.Г. (зам. главного редактора)**, доктор филологических наук, профессор, и.о. декана факультета иностранных языков и регионоведения, зав. кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Загрязкина Т.Ю. (отв. секретарь)**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французского языка и культуры

Члены редколлегии:

Запольская Н.Н., доктор филологических наук, доцент; **Захаров В.В.**, доктор исторических наук, профессор; **Комарова А.И.**, доктор филологических наук, профессор; **Левицкий А.Э.**, доктор филологических наук, профессор; **Милославский И.Г.**, доктор филологических наук, профессор; **Павловская А.В.**, доктор исторических наук, профессор; **Полубиченко Л.В.**, доктор филологических наук, профессор; **Прошина З.Г.**, доктор филологических наук, профессор; **Раевская М.М.**, доктор филологических наук, доцент; **Робустова В.В.**, кандидат филологических наук, доцент; **Сафонова В.В.**, доктор педагогических наук, профессор; **Шевлякова Д.А.**, доктор культурологии, доцент

Редактор И.В. Краснослободцева

Адрес редакции:

119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13/14, корп. В, каб. 238.
Тел.: 8-495-734-03-10. Факс: 8-495-932-88-67. E-mail: vestnik19@yandex.ru
Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации № 016651 от 7 октября 1997 г.

Подписано в печать 29.01.2022. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,5. Уч.-изд. л. 10,7. Тираж 120 экз. Изд. № 11861. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».

410 004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.

E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

Традиции и современные тенденции культуры

<i>Павловская А.В.</i> Пандемия COVID-19 и особенности национального карантина	9
<i>Калуцков В.Н.</i> «Письма Русского путешественника» Н.М. Карамзина: литературно-географические аспекты	26
<i>Жбанкова Е.В.</i> Польская художественная интеллигенция в борьбе с нацизмом в годы Второй мировой войны	38
<i>Карташева Н.В.</i> Российская неакадемическая этнография второй половины XIX в. как источник изучения культурного наследия коренных народов Сибири	47
<i>Глазова Е.А.</i> Французская реклама в контексте культурного разнообразия	59
<i>Сиднева С.А.</i> Опыт реконструированной традиции в карнавальном обряде салентийских греков “La Morte te lu Paolinu”.	68
<i>Царегородцева Г.И.</i> Влияние советского фактора на работу англо-американской комиссии по расследованию ситуации в Палестине (1945–1946)	77
<i>Карелина Н.А., Френк Г.Ю.</i> Роль культурного наследия Первых наций в развитии аборигенного туризма в Канаде (на примере провинции Онтарио)	86

Язык и межкультурная коммуникация

<i>Раевская М.М.</i> Дискурс власти в современном мире: социально-ориентированная коммуникация испанской монархии	93
<i>Ахренова Н.А.</i> Особенности репрезентации концепта Covid-19	108
<i>Смирнова В.Е.</i> Языковая репрезентация представлений французов об этничности народов России (на материале воспоминаний французских авторов XVI–XVII вв.)	122

Теория и практика перевода

<i>Полубиченко Л.В.</i> Межсемиотический перевод в семиотически гетерогенных текстах	130
--	-----

У Айжун, Сюй Тинсю. Числительные в произведениях китайской литературы: функции и проблемы перевода на русский язык (на материале сборника повестей Би Фэйюя «Лунная опера») 146

Учебные программы

Едличко А.И. Программа лекционного курса «Языковая ситуация и языковая политика в европейских странах» 157

Теория языка и речи

Аббасова У.В. Вставные конструкции и инверсия как своеобразные «сигнализаторы» эмотивности художественного текста (на примере романа Чингиза Абдуллаева «Суд неправых») 170

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация» в 2021 г. 180

CONTENTS

Tradition and Modern Trends in Culture

- Pavlovskaya A.V.* The COVID-19 Pandemic and Peculiarities of the National Quarantine 9
- Kalutskov V.N.* “Letters of a Russian Traveler” by N.M. Karamzin: Literary and Geographical Aspects 26
- Zhbankova E.V.* Polish Artistic Intelligentsia in the Fight Against Fascism During the Second World War 38
- Kartasheva N.V.* Russian Non-Academic Ethnography of the Second Half of the 19th Century as a Source for the Study of the Cultural Heritage of the Indigenous Peoples of Siberia 47
- Glazova E.A.* French Advertising in the Context of Cultural Diversity . . . 59
- Sidneva S.A.* Experience of the Reconstructed Tradition in the Carnivarite of the Salentine Greeks “La Morte Te Lu Paolinu” 68
- Tsaregorodetseva G.I.* The Impact of the Soviet Factor on the Work of the Anglo-American Commission for the Investigation of the Situation in Palestine (1945–1946) 77
- Karelina N.A., Frenk G.Yu.* The Role of First Nations’ Cultural Heritage in the Development of Aboriginal Tourism in Canada (On The Example of Ontario) 86

Language and Intercultural Communication

- Raevskaya M.M.* The Discourse of Power in the Modern World: Socially Oriented Communication of the Spanish Monarchy 93
- Akhrenova N.A.* Representational Peculiarities of the Conceptual Sphere COVID-19 108
- Smirnova V.E.* Linguistic Representation of the French Ideas About the Ethnicity of the Peoples of Russia (a Case Study of the Memoirs of French Authors of the XVI–XVII Centuries) 122

Theory and Practice of Translation

- Polubichenko L.V.* Intersemiotic Translation in Semiotically Heterogeneous Texts 130

Wu Ai-rong, Xu Tingxiu. Numerals in Chinese Literature: Functions and Problems of Translation into Russian: on the Collection of Bi Feiyu's Novellas 'The Moon Opera' 146

Training programs

Edlichko A.I. The Syllabus of the Lecture Course "Linguistic Situation and Language Policy in European Countries" 157

Theory of Language and Speech

Abbasova Ulviya Vagif. Parenthetical Insertions and Inversion as Special "Signals" of the Emotiveness of the Artistic Text (On the Example of Chingiz Abdullayev's Novel "The Court of the Wrongs") 170

The Index of Articles and Materials Published in the Journal "Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication" in 2021 180

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КУЛЬТУРЫ

А.В. Павловская

ПАНДЕМИЯ COVID-19 И ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО КАРАНТИНА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена проблемам изучения своеобразия поведения разных народов в условиях кризиса, вызванного пандемией COVID-19. Один из главных ударов был нанесен по глобализации, и как идее, и как процессу. Расширение и ускорение ее в последние годы было очевидно, в том числе и в области культуры и повседневной жизни. Важнейшая проблема, связанная с глобализацией, ее влияние на национальное (региональные) культуры: уничтожает ли она местные традиции, привычки и образ жизни, или обогащает их новыми возможностями. Пандемия наглядно продемонстрировала живучесть национальных традиций, менталитетов и особенностей поведения. В условиях серьезного кризиса стало очевидно, что за внешним единообразием материальной культуры сохраняется национальное своеобразие. Проявилось это в самых разных сферах в том числе и в том, как разные народы реагировали на карантин и ограничения, вызванные пандемией, а также в особенностях тех мер, которые предпринимались различными государствами. Материалом для исследования послужили в первую очередь данные средств массовой информации и интернета, статистические сведения, данные ряда научных и общественных организаций. Дополнительным материалом стали результаты опроса, проведенного автором среди студентов МГУ имени М.В. Ломоносова в январе-феврале 2021 г.

Ключевые слова: Пандемия COVID-19; карантин; национальные менталитеты; национальный характер; традиционные культуры.

Кризис, вызванный пандемией COVID-19, охватил весь мир, никто не остался в стороне. Даже на Антарктиде, продержавшейся дольше других континентов, были выявлены случаи заболеваний. Еще не так давно мир казался относительно стабильным и устойчи-

Павловская Анна Валентиновна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: annapav1@mail.ru).

вым. Пандемия нанесла серьезный удар по самым разным сферам жизни человека: экономике, политике, международным отношениям, образованию, культуре. С одной стороны, все страны оказались втянутыми в решение общих проблем, единых для всех. С другой, отчетливо проявились и региональное своеобразие, шаткость того глобального мира, который еще совсем недавно казался незыблемым. Проявились национальные особенности и в том, как разные народы реагировали на карантин и ограничения, вызванные пандемией. А также в тех мерах, которые предпринимались различными государствами. Это и можно назвать «национальными особенностями карантина».

Безусловно, далекоидущие обобщения, сделанные на основании обрывочного материала, почерпнутого преимущественно из СМИ и онлайн опросов, представляются несколько поверхностными. Огромную роль в каждом обществе в отношении к пандемии играли социальные, возрастные, гендерные и другие факторы. Однако, определенные заключения все-таки возможны, в первую очередь, о коллективных особенностях отношения людей к карантинным мерам, их поведении в условиях строгих запретов, а также о различиях в тех мерах, которые предпринимало то или иное государство. Все это явилось своеобразным отражением национального мировосприятия, отношения к жизни, особенностей общественных отношений, коллективного поведения, то есть в некоторой степени особенностей национального характера [теория вопроса см., Загряжская, 2020; Шевлякова, 2017; Агапова, 2016; Ariely, 2012; Gellner, 1983; László, 2013; Smith, 1991; West, Smith, 1997].

Относительно масштабные исследования проводились различными научными организациями. Например, в Великобритании, Институтом глобального здоровья (University College London) было опрошено около 14 тысяч участников из 13 стран с целью изучения особенностей поведения населения в период пандемии. Результаты исследования, порой, казались неожиданными. Например, выяснилось, что жители Испании и Италии с большей вероятностью следовали предписаниям и оставались дома, чем жители Швеции и Сингапура¹. Это при том, что коллективизм первой группы и стремление к общественной жизни широко известны, в то время как жители Швеции отличаются значительно большим индивидуализмом. Однако, вероятно, противоречия здесь нет, скорее закономерность. Жители коллективистских культур склонны к тому, чтобы

¹ Institute of Global Health Innovation. URL: <https://ichpanalytics.imperialcollegehealthpartners.com/t/BDAU/views/YouGovICLCOVID-19BehaviourTracker/4Allbehaviorvertime?%3Aiid=1&%3AisGuestRedirectFromVizportal=y&%3Aembed=y> (дата обращения: 02.10.2021).

поступать «как все», с оглядкой на соседей, мнение которых крайне важно, в большей степени склонны доверять и средствам массовой информации, и правительству. В то время как шведы отличаются независимостью взглядом, чтут свободу поведения, поступают в соответствии со своими личными представлениями о жизни. Мультикультурный Сингапур, с изначально малайским населением, ныне преобладающим китайским, с важной составляющей из «индийцев» и европейцев, представляет интересный сюжет для отдельного исследования.

Европа в целом проявила себя достаточно законопослушно, как и следовало ожидать. Однако, и здесь проявились свои особенности. Итальянцы, первые принявшие удар пандемии, изначально отнеслись к проблеме достаточно спокойно, это отмечают все наблюдатели и СМИ, жизнь продолжалась, несмотря на запреты, со всеми элементами «сладкой жизни», тем более что февраль и март знаменуют приближение тепла и увеличение роли общественной жизни. Однако стремительно возрастающая смертность и новости о кризисе здравоохранения, заставили, с одной стороны, правительство устроить меры, с другой, напугали местное население, почувствовавшее свою незащищенность. Психологическую травму, нанесенную итальянцам разрывом общественных связей и коренным изменением образа жизни на столь длительный период, еще предстоит оценить, однако страна послушно подчинилась правилам.

Противостояния и противоречия в стране оказались вполне предсказуемы. В Сицилии, «горячей точке» страны, начались погромы, в основном выразившиеся в грабежах магазинов, также подняла голову организованная преступность, называемая «мафией». Обострилось противостояние между центральной и региональными властями, а также столь свойственный итальянской культуре регионализм. Понятие «*campanilismo*», означающее узкий местный патриотизм, сугубо итальянское. Происходит от «*campanile*» – колокольня. Подобного рода колокольни стоят на центральных площадях небольших городков. Особые отношения объединяют всех жителей, находящихся в пределах территории, куда проникает звук колокола. По-русски хорошим эквивалентом является выражение «со своей колокольни». Отрезанные не только от других стран и народов, но и от других регионов Италии, жители страны особенно остро ощутили свое «местечковое» единство.

Поддерживают боевой дух итальянцев тоже вполне «национальным» образом. Видеоролики в ютубе показывают, как самолеты итальянских воздушных сил высоко в небе оставляют след в виде итальянского флага под арию *Nessun dorma* из оперы Пуччини Турнадот в исполнении знаменитого Паваротти. Многочисленные

личные записи в интернете свидетельствуют о том, что многие жители поддерживали силы самодетельным пением любимых арий с балконов домов. Любовь к классической музыке у итальянцев в крови².

Французы, как и итальянцы, сначала обрадовались возможности отдохнуть на природе, еще в начале марта парки, пляжи, улицы были заполнены народом. Властям пришлось пойти на беспрецедентные меры, что прекратить этот «праздник непослушания». Можно сказать, что фактически страну посадили под «домашний арест». Далось это нелегко, но сегодня именно во Франции, пожалуй, самые строгие карантинные меры. Помимо закрытых баров и ресторанов, запрета на приветственные поцелуи при встрече и прочие общественные ограничения, в зимний период французы особенно тяжело пережили закрытие горнолыжных курортов: горные лыжи здесь давно стали национальной страстью, частью культуры, включающей и спорт, и отдых, и слияние с природой, и опять-таки социальное действие в виде знаменитых *après-ski* (дословно от французского «после лыж»). Чтобы как-то компенсировать потерю многие французы перешли на беговые лыжи. А также обиделись на австрийцев и швейцарцев, которые, хотя и с ограничениями, но свои лыжные курорты открыли.

Увы, и эта страна не показала общенационального единства: многие парижане, отправившиеся пережить карантин в регионы, были встречены крайне недружелюбно, как потенциальные носители вируса, еще и скупающие продукты в местных магазинах. Обострились и неутрачиваемые социальные противоречия: жителей «неблагополучного» парижского пригорода Сен-Дени полиция буквально силой загоняла в их тесные многоквартирные дома³.

Схожая ситуация и в другой романской стране – Испании. Закрытие Мадрида на карантин испанцы восприняли как каникулы и

² How to survive coronavirus: Italy shows the world. URL: <https://www.unicef-irc.org/article/1967-how-to-survive-coronavirus-italy-shows-the-world.html> (дата обращения: 03.10.2021); What the Plague Can Teach Us About the Coronavirus. The New York Times. March 1, 2020; В Италии назревают бунты и погромы. Коммерсант. 30 марта 2020; Covid: How are European countries tackling the pandemic? BBC 4 февраля 2021. URL: <https://www.bbc.com/news/explainers-53640249> (дата обращения: 03.10.2021).

³ В Италии назревают бунты и погромы. Коммерсант. 30 марта 2020; Covid: How are European countries tackling the pandemic? BBC 4 февраля 2021. URL: <https://www.bbc.com/news/explainers-53640249> (дата обращения: 03.10.2021); Из дома под расписку на час в день. 26.03.2020. русская служба BBC. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-52043344> (дата обращения: 03.10.2021); French skiers swerve Covid in cross-country boom. BBC 5.02.2021. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-55902315> (дата обращения: 03.10.2021).

отправились отдыхать на природу. В итоге меры ужесточили, закрыли всю страну, и жители засели по домам⁴.

И в Европе есть свои бунтари, хотя и относительные. Привыкшая к особому статусу Швейцария, не вошедшая в числе прочего в Европейский союз, позволила себе открыть зимние горнолыжные курорты и даже открыла свои границы (без карантина) для жителей Европы и ряда других стран. Конечно, рестораны здесь открыты только в отелях для постояльцев, масочный режим (маска обязательна даже на открытых подъемниках) и дистанцирование соблюдаются строго, однако, подобный «бунт» вызвал негодование по всей стосковавшейся по зимнему отдыху Европе.

Страсти разгорелись перед Рождеством. Франция выразила свое возмущение и ввела усиленный контроль на границах, чтобы предотвратить выезд своих граждан на отдых, а Италия и Германия потребовала общеевропейского соглашения о закрытии всех горнолыжных курортов. Однако Швейцария проявила упорство, объявив немцев «заносчивыми» и «много себе полагающими», напомнила, что Швейцария не подчиняется правилам Евросоюза и не собирается «реагировать на давление со стороны других стран». Надо ли говорить, что поведение Швейцарии вызвало горячую поддержку на горнолыжных курортах Европы, которые стремительно разоряются: мэр одного из французских городков даже украсил мэрию швейцарскими флагами.

Австрия попыталась пойти на компромисс: открыть подъемники, но оставить закрытыми отели и рестораны, то есть услуги курортов доступна только жителям близлежащих деревень. В результате остались недовольны все, а представитель австрийской ассоциации канатных дорог обвинил правительство в безответственности, так как люди во время катания не смогут получить даже горячие напитки, чтобы согреться⁵.

Однако главными европейскими бунтарями оказались шведы. Запертые в своих домах весной 2020 г. люди всего мира с интересом, кто-то с завистью, кто-то с осуждением, рассматривали фотографии, на которых пестрая толпа спокойно шествовала по столичным улицам, расслабленные люди грелись на солнышке в уличных кафе, веселые компании гуляли в парке и т.д. Именно Швеция, единственная среди своих демократических собратьев, выступила в защиту права человека на свободу, в том числе свободу выбора, сделала

⁴ Изолирован весь мир: откровения очевидцев пандемии. 11.04.2020. Здоровье.Mail.ru.

⁵ Coronavirus: Defiant ski nations bid to save winter season. BBC News, Vienna and Grindelwald. 5 December 2020. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-55181518> (дата обращения: 03.10.2021).

ставку на сознательность своих граждан, распространив рекомендации, выполнение которых было добровольным. Правительство направило усилия на разъяснительную работу, стимулирование личной ответственности индивидуумов за свое здоровье и здоровье окружающих, а не обязательные ограничения и запреты.

Споры разгорелись нешуточные. Официальная европейская позиция была однозначной: Швеция представляет угрозу человечеству, так как не принимает строгих мер против опасного вируса. Она может не только погубить своих сограждан, но и всех остальных, если станет новым источником распространения заразы. Эту позицию разделяли все государства, жители которых были отправлены на строгий карантин. Были и те, кто горячо поддержали независимость шведов в принятии решений. Однако «шведская модель» не сработала. Сначала король Швеции Карл XVI Густав заявил перед Рождеством 2020 г. о том, что страна «потерпела поражение» в борьбе с Ковид-19, вызвав удивление общественности: король славится тем, что никогда не говорит на политические темы. Правда, он всего лишь выразил сочувствие тем, кто потерял своих близких, однако заявление было воспринято как признание ошибочности шведского пути. С начала 2021 г. в стране были приняты законы, позволяющие объявить экстренные меры в период эпидемии, некоторые строгости были введены, например запрет на продажу алкоголя после 20.00 и ограничение в ресторанах до четырех человек за одним столом, однако о всеобщем карантине речи пока не идет. И все-таки противостоять общеевропейскому влиянию, как показала ситуация с пандемией, оказалось не так уж просто. Шведы стали чуть ли не изгоями в Европе (хотя одновременно и героями для свободолюбивого, или, по мнению многих, безответственного меньшинства)⁶.

Остальные северные страны Европы повели себя вполне предсказуемо. Финны послушно и флегматично приняли все требования и ограничения, кроме закрытия игровых автоматов их общественная

⁶ Covid: How are European countries tackling the pandemic? BBC 4 февраля 2021. URL: <https://www.bbc.com/news/explainers-53640249> (дата обращения: 03.10.2021); King of Sweden on the coronavirus pandemic: 'We have failed'. The Local. 17 December 2020. URL: <https://www.thelocal.se/20201217/king-of-sweden-on-the-coronavirus-pandemic-we-have-failed> (дата обращения: 03.10.2021); Coronavirus lockdowns are still a step too far for Sweden. Legal measures now in place but public yet to be convinced. The Irish Times. Feb 2, 2021. URL: <https://www.irishtimes.com/opinion/coronavirus-lockdowns-are-still-a-step-too-far-for-sweden-1.4473119> (дата обращения: 03.10.2021); Coronavirus: Sweden's new COVID lockdown law takes effect. URL: <https://www.dw.com/en/coronavirus-swedens-new-covid-lockdown-law-takes-effect/a-56185101> (дата обращения: 03.10.2021).

жизнь, похоже, не сильно изменилась. В Норвегии же рекордно взлетели продажи алкоголя, а после введения более строгих мер в январе этого года, предусматривающих закрытие магазинов по продаже алкогольных напитков, газеты мира наполнились снимками бескрайних очередей: люди, соблюдая социальную дистанцию, терпеливо часами стояли в магазин, который не был отнесен к разряду жизненно важных. Через несколько дней власти возобновили продажу алкоголя, осознав, что такой запрет может создать большие проблемы в стране, создать дополнительный сильный стресс ⁷.

Вполне определенная картина национального поведения во время карантина и отношения к пандемии сложилась в США. Индивидуализм, свободолюбие, нежелание следовать требованиям и ограничениям, защита своих прав с оружием в руку, часто в буквальном смысле, – эти особенности неожиданно проявились в стране, где, казалось бы, с законами «Дикого Запада», точнее, беззаконием, давно покончено. Резкий протест вызвало требование обязательного ношения масок, вплоть до того, что некоторые штаты были вынуждены заменить его на добровольное. Протест против масок стал в Соединенных штатах своеобразным символом борьбы за гражданские права и личные свободы. Не обошлось и без политики: сторонники демократов в своем большинстве поддерживают необходимость ношения маски, большинство республиканцев – нет. Нередко посетители магазинов и кафе на требование надеть маску в помещении, достают оружие. Более того, случаи применения оружия далеко не единичны: один человек погиб во время перестрелки из-за «масочного конфликта» в Лос-Анджелесе; охранник в магазине в штате Мичиган был застрелен после того как потребовал надеть маску при входе; в Калифорнии толпа протестующих против ношения масок ворвалась в супермаркет, выкрикивала лозунги, взывала к патриотизму и оскорбляла законопослушных покупателей в масках, обзывая их «нацистами в масках» и пытаясь толкать их торговыми тележками ⁸.

⁷ Norway widens capital region's lockdown to combat pandemic. Reuters. January 24, 2021. URL: <https://www.reuters.com/article/health-coronavirus-norway-idUSL8N2JZ0KK> (дата обращения: 03.10.2021); Norway to start gradual easing of capital region's lockdown on February 3. Saturday, 30 Jan 2021. URL: <https://www.malaymail.com/news/world/2021/01/30/norway-to-start-gradual-easing-of-capital-regions-lockdown-on-february-3/1945461> (дата обращения: 03.10.2021); What alcohol sales and bans during the pandemic teach us about localisation. February 24, 2021. URL: <https://livingword.co.uk/what-alcohol-sales-and-bans-during-the-pandemic-teach-us-about-localisation/> (дата обращения: 03.10.2021).

⁸ Coronavirus: Why are Americans so angry about masks? BBC News. 20 July 2020. URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-53477121> (дата обращения: 03.10.2021); US family 'murdered shop guard for enforcing mask policy' BBC News. 5

Такого рода абсурдных и чудовищных историй по все стране множество. Это не просто хулиганство, это позиция. Многие считают маски не эффективными в борьбе с коронавирусом и частью мирового заговора. Другие не верят в пандемию вообще. Но для большинства маски – знак несвободы и насилия государства над личностью. «Принятие личных решений – это американский путь, я готов соблюдать дистанцию, если вам хочется, но я не потерплю, чтобы государство приказывало мне носить маску», заявил в уличном интервью молодой житель Флориды. Член конгресса США из штата Огайо заявил, что ношение маски – это неуважение к богу, так как человек создан по его образу и подобию. Долгое время в бытность свою президентом демонстративно не носил маску и Дональд Трамп. В штате Оклахома из-за протестов и столкновений были вынуждены отменить обязательное ношение масок. На сайте городской администрации появилось сообщение: «Грустно и неприятно, что те, кто отказывается и угрожает, настолько зациклены на себе, что не желают элементарно проявить уважение и доброту к другим».

Культивируемый в США индивидуализм в эпоху пандемии сыграл со страной злую шутку. Это с грустью признают многие из тех, кто пытается ввести карантинные меры в стране. Директор одного из медицинских учреждений Лос-Анджелеса разъяснит: «Мы страна людей, живущих по принципу – добейся всего сам, мы страшные индивидуалисты и нам трудно представить, что мы должны отказаться от того, что мы считаем нашим законным правом – поступать так, как мы считаем нужным» (или делать то, что мы хотим, ближе).

Ей вторит директор Национального института аллергии и инфекционных болезней: «Личные права – наше национальное кредо, то, что отличает США от большинства других стран... У нас есть мэры и губернаторы, которые говорят правильные слова, но дух индивидуализма в нашей стране делает нас глухими к словам властей. Поезжайте в Корею или Японию, там если власти что-то сказали – все сделали. Независимость – черта американского характера, но она осложняет введение общественных мер»⁹.

May 2020. URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-52540266>; Los Angeles Times, January 4, 2021 (дата обращения: 03.10.2021).

⁹ «Грустно и неприятно»: американцы схлестнулись из-за масок. 15.01.2020. Газета.Ру; Covid in California: The state is struggling to contain the virus BBC News, Los Angeles. 15 January 2021. URL: <https://www.bbc.com/news/election-us-2020-55578098> (дата обращения: 03.10.2021); The battle over masks in a pandemic: An all-American story. The Washington Post. June 20, 2020.

Интересно, что сходная ситуация была в США в 1918 г., в период так называемой испанки. На самом высшем уровне высказывалось мнение о том, что маски не помогают, что они не пропускают свежий воздух и солнечные лучи, полезные для здоровья, что введение полицейских мер нарушит права граждан и т.д. И все-таки жесткие меры, за нарушение которых были предусмотрены высокие штрафы, а в некоторых случаях и тюремное наказание, были введены и только так удалось заставить население соблюдать масочный режим¹⁰.

Дело не только в масках. Не соблюдаются и другие меры безопасности, введенные правительством, причем весьма агрессивно. Так, эпизод в штате Массачусетс, одном из самых спокойных и «образованных» (с точки зрения количества и значимости учебных заведений) штатов, проиллюстрировал, что право на свободу и индивидуализм являются важнейшей частью общенациональных ценностей. Однако индивидуализм обернулся эгоизмом. Пресса описывает скандал в одном из кафе по продаже мороженого, открытом после карантина. Озверевшая толпа осаждала это мирное учреждение с такой яростью, что его пришлось закрыть, теперь уже по воле хозяйина. Посетители не только не соблюдали никаких мер безопасности – ношения масок и социальную дистанцию – но и оскорбляли сотрудников, игнорируя их замечания и требуя немедленного обслуживания. Владелец заведения сообщил журналистам, что за все 19 лет, которые он содержит кафе, это был самый ужасный день, что люди одичали и утратили навыки социального общения, думали только о себе и не заботились об окружающих.

Что тогда и говорить о штате Северная Каролина, известном своим бунтарством еще со времен Гражданской войны в США. В кафе-бутербродную Subway, работающую согласно правилам карантина только навынос, вошли 11 мужчин с большими ружьями. На требование удалиться, вооруженные манифестанты ответили отказом и демонстративно съели сэндвичи в помещении кафе. Протест, по их словам, направлен против нарушения поправки к конституции, в которой говорится о свободе собраний, что касается, по их мнению, и встреч с друзьями, и занятий спортом, и посещения кафе¹¹.

Движение «сопротивления» карантинным мерам охватило значительную часть населения США. В Южной Дакоте длительное

¹⁰ The San Diego Union Tribune. August 15, 2020. URL: <https://www.sandiegouniontribune.com/news/health/story/2020-08-15/1918-flu-mask-tickets> (дата обращения: 03.10.2021).

¹¹ С бранью и оружием: как в США осаждают рестораны. 15.05.2020. Новости Mail.ru.

время не подчинялся правилам практически весь штат, от губернатора республиканца, отказывавшегося вводить масочный режим в штате, до местного населения, которые полностью игнорировало требования карантина: рестораны были набиты народом, устраивались общественные собрания, праздновались пышные свадьбы. Только резкое увеличение смертности от коронавируса вынудило власти ввести карантин в штате. Хотя подчиняются ему далеко не все, губернатор по-прежнему считает, что это «личное решение» каждого¹².

Безусловно, в США значительная часть населения поддерживает карантинные меры и выполняет требования, вызванные пандемией. Однако протестующих и несогласных с требованиями очень много. Напомним также, что США – абсолютный лидер по числу заболеваний.

Своеобразная ситуация сложилась в Индии. Безусловно, страна с такой высокой концентрацией населения, экономическими проблемами, скученностью городского населения, не могла не войти в число лидеров по количеству заболевших. Региональное своеобразие и здесь имеет место. Во-первых, для наведения порядка применяются исключительно жесткие меры: фотографии индийских полицейских, разгоняющих толпу дубинками, регулярно публикует вся мировая пресса. Во-вторых, большую роль играет вера в магию, пандемия воспринимается как высшая кара, а карантинные меры, как завуалированные священные ритуалы. Так, в идее изоляции находят аналогию с той магической чертой, которую обозначил Лакшмана, один из героев древнего эпоса «Рамаяна», которую нельзя преступать, ибо она защищает от злых сил; аплодисменты врачам – с магическим шумом, который опять же отгоняет зло, а лепестки роз, которые вертолеты страны рассыпали 3 мая над больницами и национальными мемориалами Нью-Дели, с праздником в честь Вишну, которому традиционно подносят именно в этот день цветы и цветочные лепестки. Ну и наконец, в Индии пандемия вызвала некоторый подъем сельского хозяйства, на что власти возлагают определенные надежды в плане подъема экономики. Миллионы городских мигрантов были вынуждены вернуться в родные деревни. Те, кто дошли, а путь для большинства был пеший, с семьями и под палящим солнцем, вынужденно влились в ряды сельскохозяйственных рабочих, что привело к подъему сельского хозяйства и заставило правительство обратить более пристальное

¹² The Washington Post December 9, 2020. URL: <https://www.washingtonpost.com/nation/2020/12/09/south-dakota-mitchell-covid-masks/?arc404=true> (дата обращения: 03.10.2021).

внимание на улучшение жизни в деревнях и развитие сельской местности в целом¹³.

В Танзании руководство страны утверждает, что лучшие средства против вируса – народные, которыми «так богата страна», вроде смузи из лайма и имбиря или традиционных паровых бань. В июне 2020 г. правительство объявило, что пандемия здесь побеждена. Вакцинацию не проводят, считая прививки обманом белых людей, а свою позицию – противостоянием западному империализму¹⁴.

Наконец, особо хотелось бы выделить две страны – Россию и Китай, в данном случае мы располагаем дополнительным материалом в виде анкетирования студентов¹⁵. Известно, что в Китае оперативно ввели жесточайшие карантинные меры. Регионы, города, деревни страны были жестко изолированы. Университетские кампусы, согласно информации, полученной от студентов, были закрыты и даже пищу поставляли организованно. Заборы и запреты, вот то, что коротко характеризует карантин в стране.

У населения предпринятые меры не вызвали противодействия и были практически полностью поддержаны. Эту точку зрения разделили все студенты, единогласно заявившие, что строжайшие меры – ограничение передвижения, закрытие школ и вузов, ношение масок, соблюдение социальной дистанции были абсолютно необходимы. Некоторые пытаются объяснить свою позицию тем, что Китай столь густонаселенная страна, что без подобных мер кризис было бы невозможно преодолеть. Другие объясняют это духом коллективизма: несмотря на личные неудобства, такие меры необходимы не только для себя, но и для других. Все считают правительственные меры эффективными и действенными, многие с гордостью пишут о том, что ситуация в их регионе уже нормализовалась и вернулась к обычному ритму.

¹³ Индийское чудо. Как дубинки и магия помогают в борьбе с инфекцией миллиарду людей. Огонек. 12 мая 2020; The Lockdown in India Reveals the Nation Has Lost Its Soul. July 03, 2020. URL: https://www.fairobserver.com/region/central_south_asia/avay-shukla-india-lockdown-news-coronavirus-pandemic-migrant-laborers-walking-home-27928/ (дата обращения: 03.10.2021); Agriculture Is India's Ray of Hope in Time of Crisis. December 3, 2020. URL: https://www.fairobserver.com/region/central_south_asia/devinder-sharma-india-agriculture-reform-farmer-protests-covid-19-migrant-workers-economic-recovery-news-16551/ (дата обращения: 03.10.2021).

¹⁴ Coronavirus in Tanzania: The country that's rejecting the vaccine. BBC 6.02.2021. URL: <https://www.bbc.com/news/world-africa-55900680> (дата обращения: 03.10.2021).

¹⁵ Анкетирование проводилось в январе-феврале 2021 г. среди студентов МГУ имени М.В. Ломоносова. Всего было опрошено 255 российских и 290 китайских студентов.

В обобщенном виде особенности поведения соотечественников во время карантина китайские студенты оценивают и объясняют следующим образом (язык сохранен):

– сильно развитое коллективистское сознание; «Вся страна сотрудничает друг с другом для достижения восходящего и нисходящего эффектов»;

– отношение к свободе: «для нас свобода не в том, чтобы делать, что хотите, а в том, что не вредит и не опасно для окружающих». «В истории Китае наши люди обычно не ценят свободу, традиционные китайцы более стремятся к стабильности и порядку»;

– Общественная система, позволившая в короткие сроки установить жесткий карантин. Отсутствие протестов и демонстраций. «Очень интересно отметить, что если бы другие страны позволили армии и полиции провести блокаду города, это вызвало бы панику и массовые протесты. Китай, напротив, гораздо комфортнее с присутствием военных»;

– общественный контроль. «У китайцев такой характер взаимного надзора». Один из студентов разъясняет: он и его друг живут в деревне, если он тайно покинет ее, чтобы съездить в Ухань или «посмотреть пейзаж», его друг сообщит об этом властям. «Трудно сказать, за себя ли он, за семью, за деревню и страну, или за то, что он стоит на высоком моральном уровне, чтобы найти человека, который не следует правилам». В других странах таких «активных людей» меньше, считает студент;

– поддержка идеи сильной централизованной власти. «китайские люди предпочитают такое сильное центральное правительство, чем федерализм. Особенно во время эпидемии, большинство китайцев считают, что существующее положение отражает необходимое преобладание однопартийной системы»;

– полное доверие к правительству страны. Страна «скорее принесет в жертву экономику, чем позволит этому вирусу нарушить основной общественный порядок и психологию людей», в отличие от других стран, где экономика на первом месте. Самое «невероятное» это то, что «Китай дорожит жизнью каждого, поэтому те, кто заражен новым коронным вирусом, будут быстро вылечены. Те государственные служащие, которые не преуспевают в работе по профилактике эпидемий, вскоре потеряют свои должности и работу, поэтому они смогут только более строго выполнять задачи по профилактике эпидемий»;

– нет предубеждения к людям, которые носят маски, которое существует в других странах, наоборот, это поддерживается, как признак заботы о других людях;

– дисциплинированность китайцев, серьезное отношение к эпидемии, выполнение требований и предписаний, доверие к врачам;

– жертвенность: «Не только медицинские работники, но и люди всех профессии и специальности охотны всем пожертвовать для борьбы против эпидемии»;

– деловая практичность: «китайские люди не долго горевали, а сразу начали действовать для решения актуальной проблемы».

В целом опрос китайских студентов, проведенный анонимно, показал удивительное единодушие опрашиваемых, твердую позицию и полное согласие с государственной политикой. Собранные ответы много говорят не только об особенностях коллективного поведения во время кризиса, но и об особенностях национального менталитета вообще.

В России ситуация сложилась иная. Несоблюдение карантинных мер – явление обычное, чем дальше от столичных регионов, тем заметнее. Только штрафы, наложенные на магазины, заставили их владельцев строго требовать ношения масок (до социальной дистанции в стране почти никто не снизошел). В небольших магазинчиках еще и часто извинялись за требование, объясняя его не необходимостью соблюдения карантина, а боязнью штрафов. Российское «авось» проявило себя во всей красе. Безусловно, была значительная категория граждан, которые безукоризненно выполняли все требования, испугавшись страшной болезни. Но в основном отношение было достаточно легкомысленным.

Пышным цветом расцвели суеверия, теории заговоров, народные средства, слухи о некомпетентности врачей, недоверие к правительственным мерам, одновременно с паникой и навязчивой идеей о сокрытии подлинной информации от населения (половина считала, что цифры смертности занижены, чтобы скрыть свою беспомощность, а другая, что завышены, чтобы развести панику и ввести полицейские меры).

Неожиданным последствием карантина в России стала повышенная тяга к природе и загородной жизни. Она всегда была, своеобразное наследие относительно недавнего крестьянского прошлого страны: страсть к дачам, огородам, участкам для посадки картошки, разведению садов, борьбе за урожай. Пандемия всколыхнула любовь к «земле» с новой силой. Цены на загородные дома подскочили, эти при общем-то кризисе. Участились случаи переездов из города в деревню на постоянное жительство, тем более что возможности работы онлайн позволяют сохранять ее и живя вне города.

Мнение большинства российских студентов сводится к тому, что карантинные меры были необходимы. При этом 5% считает, что

они были недостаточно строгими, а 12%, что они были слишком строгими или не нужны вообще. При этом подавляющее большинство полагает, что они плохо исполнялись и что отсутствовал контроль за их исполнением. Есть и такие, которые считают, что в России было необходимо введение режима чрезвычайной ситуации, только это могло бы обуздать население и остановить распространение инфекции. Лишь 6% считают, что «все было сделано правильно».

К числу особенностей поведения во время карантина в России, отразивших косвенным образом черты национального характера и менталитета, российские студенты относят следующие:

- недальновидность и легкомысленное отношение россиян к проблеме (и к жизни в целом). «Многие запреты были проигнорированы и люди продолжали ходить друг к другу в гости, собираться вместе в больших компаниях и гулять по улицам. Если бы каждый житель Москвы строго соблюдал все правила и ограничения – статистика распространения инфекции выглядела бы совершенно по-другому». «Люди пренебрегали, и до сих пор пренебрегают средствами индивидуальной защиты, многих больше пугает возможность получить штраф, нежели заболеть и/или заразить окружающих, что мы можем наблюдать при взгляде на большую часть населения, не натягивающих свои маски выше подбородка»;

- крайности: половина считала, что ситуация раздута и преувеличена, а вторая, что недооценена. «Любопытно, что и тех и других не устраивали действия властей: некоторые люди, относящиеся к первой группе, считали, что ограничения должны быть еще более строгими (что, например, необходимо введение режима ЧС); представители же второй группы были против каких-либо карантинных мер»;

- недоверие к правительству и принимаемым мерам;

- вера в «теорию заговора» в самых разных формах. «Народ, искренне верящий во вселенский заговор и махинации правительства, долгое время игнорировал угрозу, пока не ощутил все на собственной шкуре»;

- недоверие к официальной информации и доверие к разного рода сомнительным информационным источникам и публичным персонажам;

- упрямство, нежелание следовать законам и указаниям. «Русские держатся даже тогда, когда этого делать не следует, а именно когда необходимо обращаться к врачам и подчиняться указаниям правительства, а то самое чувство справедливости привело к словам “я имею право” и к нарушению ограничений».

Опрос российских студентов продемонстрировал недовольство практически всех карантинными мерами в стране, необходимость которых признается большинством. Одни винят государство в отсутствии должного контроля и разумных шагов по предотвращению пандемии, другие – неразумность и легкомысленность населения, не исполняющего требования. Многие считают российской бедой и то и другое. В целом, по мнению студентов, карантин в основном выявил негативные стороны и русского характера, и современной ситуации в стране. Один из студентов выразил это следующим образом (язык сохранен): «Русские известны своей стойкостью и упрямостью, что довольно часто было полезно и помогало в различных ситуациях. Кроме того, обостренное чувство справедливости и понимание “справедливо то, что заслуженно” – яркая черта русского характера. Сегодня же это пошло только во вред... На мой взгляд, национальные особенности в России привели скорее к более негативным последствиям и ухудшили положение России в период распространения COVID-19».

Интересно сравнить и то, чего больше всего не доставало студентам во время вынужденного сидения дома. Результат неожиданный, лишний раз показывающий, что любые обобщения в вопросах национального характера всегда относительны. Дисциплинированным коллективистам китайцам больше всего не хватало «свободы», некоторым еще и масок, хотя часть все-таки написала, что хватало всего (вероятно, поняв вопрос в материальном смысле). А вот свободолюбивым и легкомысленным российским эгоистам в подавляющем большинстве случаев не хватало общения, друзей, родственников, «живых» занятий в университете, лишь в редких случаях путешествий и природы, и никто не упомянул свободу.

В задачи в статье не входит оценка действий по борьбе с коронавирусом, только анализ поведения жителей разных регионов мира. Картина получается пестрая, в некотором роде напоминающая популярные в СССР «международные анекдоты», где представитель каждого народа ведет себя в соответствии с популярными национальными стереотипами. Даже стереотипы, как известно, отражают часть реальности. В этом случае мы имеем дело с историей, которая творится на наших глазах. И собранные данные – не веселая шутка, а трагические события, которые происходят в настоящее время. Пандемия наглядно продемонстрировала национальные особенности поведения людей в момент кризиса. Вероятно, и поиски выхода из кризиса, а он, безусловно, окажется затяжным, необходимо искать исходя из особенностей того или иного региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аганова В.Н.* К вопросу о культурных ценностях и способах их передачи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4. С. 107–114.
2. *Загряжкина Т.Ю.* «Веки идентичности» в межкультурном и языковом аспектах (от Прованса к Окситании) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 24–38.
3. *Шевлякова Д.А.* Предметные области в изучении национальной идентичности (на примере Италии) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. С. 101–110.
4. *Ariely G.* Globalisation and the decline of national identity? An exploration across sixty-three countries // *Nations and Nationalism*. 2012. № 18 (3). С. 461–482.
5. *Gellner E.* *Nations and Nationalism*. Ithaca, New York, 1983.
6. *László J.* *Historical Tales and National Identity: An introduction to narrative social psychology*. Routledge, 2013.
7. *Smith A.* *National Identity*. University of Nevada Press, 1991.
8. *West B., Smith Ph.* Natural Disasters and National Identity: time, space, and mythology // *Journal of Sociology*. 1997. № 33 (2). С. 205–215.

Anna V. Pavlovskaya

THE COVID-19 PANDEMIC AND PECULIARITIES OF THE NATIONAL QUARANTINE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article deals with the study of behaviours peculiar to different peoples during the crisis caused by the COVID-19 pandemic. The pandemic delivered a heavy blow to globalisation, both as a concept and a process. Its expansion and acceleration have been obvious in the recent years, including in the fields of culture and everyday life. One of the major questions raised by globalisation deals with its impact on the national (regional) cultures: does it destroy the local traditions, customs and lifestyles, or does it enrich them with new opportunities? The pandemic has clearly demonstrated resilience of national traditions, mentalities and distinctive behaviour patterns. In the time of a serious crisis it has become evident that national distinctness is preserved behind the external uniformity of the material culture. It has manifested itself in different areas, including in how different nations reacted to the pandemic-related quarantine and restrictions, and what steps their governments took. This study is predominantly based on media reports, web resources, statistical information, and data issued by a number of research and non-governmental organisations. As an additional source, it uses findings from a survey conducted by the author among the students of the Lomonosov Moscow State University in January-February 2021.

Key words: COVID-19 Pandemic; Lockdowns; National Mentalities; National Characters; Tradition.

About the author: *Anna V. Pavlovskaya* – Dr. habil. in History, Professor, Head of the Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: annapavl@mail.ru).

REFERENCES

1. Agapova V.N. 2016. K voprosu o kul'turnyh cennostyakh i sposobah ih peredachi [Revisiting Cultural Values and The Means of Its Reproduction]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 107–114. (In Russ.)
2. Ariely G. 2012. Globalisation and the decline of national identity? An exploration across sixty-three countries, *Nations and Nationalism*, no. 18 (3), pp. 461–482.
3. Gellner E. 1983. *Nations and Nationalism*. Ithaca, New York, The Cornell University Press.
4. László J. 2013. *Historical Tales and National Identity: An introduction to narrative social psychology*. Routledge.
5. Shevlyakova D.A. 2017. Predmetnye oblasti v izuchenii nacional'noj identichnosti (na primere Italii) [Subject Areas in the Study of National Identity (On the Example of Italy)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 101–110. (In Russ.)
6. Smith A. 1991. *National Identity*. University of Nevada Press.
7. West B., Smith Ph. 1997. Natural Disasters and National Identity: time, space, and mythology. *Journal of Sociology*, no. 33 (2), pp. 205–215
8. Zagryazkina T.Yu. 2020. “Vekhi identichnosti” v mezhkul'turnom i yazykovom aspektah (ot Provansa k Oksitanii) [“Milestones of Identity” in the Intercultural and Language Aspects (From Provence To Occitania)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 24–38. (In Russ.)

В.Н. Калуцков

**«ПИСЬМА РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»
Н.М. КАРАМЗИНА:
ЛИТЕРАТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ¹**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье «Письма Русского путешественника» Н.М. Карамзина исследуются с литературно-географических позиций. Это означает, что литературное путешествие рассматривается как способ литературного освоения пространства.

Литературное путешествие Карамзина характеризуется как светское паломничество, в котором святые места замещаются «несвятыми» – природными, историческими, культурными, литературными. Автор сменил устоявшиеся векторы культурных оценок, рассматривая Европу не как «рай» и не как «ад», а как равное России культурное пространство.

«Записки» убедительно демонстрируют, что литературное путешествие имеет циклическую структуру и четковидную пространственную организацию, которое включает линейное пространство придорожных ландшафтов и ядерное пространство остановок, которые следует рассматривать как вход в другую культуру.

К важным атрибутам литературного путешествия относятся небольшая скорость движения, позволяющая «считывать» эстетику и структуру культурного придорожного ландшафта, и невысокий темп самого путешествия, оптимально сочетающий остановки и проезды, что позволяет гармонизировать восприятие и образы новых стран и местностей.

Ключевые слова: литературная география; литературное путешествие; четковидная пространственная организация литературного путешествия; культурный придорожный ландшафт; литературное место; Н.М. Карамзин.

Калуцков Владимир Николаевич – доктор географических наук, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: v.kalutskov@yandex.ru).

¹ Исследование выполнено при поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (грантовый проект «Первый литературный атлас России: важнейшие литературные места, ландшафты, путешествия и образы») и Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Не будет преувеличением утверждать, что в России первым литературным путешествием в современном его понимании и образцом для многих последующих путешествий явились «Письма Русского путешественника» Н.М. Карамзина.

В 1789 г. Н.М. Карамзин отправляется в Европу и после посещения Германии, Швейцарии, Франции и Британии в 1790 г. возвращается в Россию. Первая неполная журнальная публикация «Писем» относится к 1791–1792 гг., а полное издание вышло в 1801 г. [Грихин, 1983].

Уже через несколько лет после публикации «Писем» в 1803–1804 гг. В.Л. Пушкин совершает, по сути, паломничество по следам Карамзина; в 1839 г. М. Погодин поверяет свои личные впечатления при поездке в Европу с карамзиновскими; тоже делает и Ф.М. Достоевский; и даже у Маяковского в стихотворение «Прощание» прочитываются карамзиновские коннотации в отношениях с Парижем [Лотман, Успенский, 1987].

В чем причины столь устойчивого успеха произведения в русском обществе? Прежде, чем ответить на этот вопрос, рассмотрим научные подходы, сложившиеся при исследовании литературных путешествий, и затем дадим определение литературному путешествию.

Подходы к исследованию литературных путешествий. При исследовании литературных путешествий оформилось несколько научных подходов.

В рамках литературоведческого подхода обсуждается правомерность отнесения литературного путешествия к особому жанру литературы; при этом некоторые литературоведы в силу разноплановости материала считают, что «путешествие» (как бы путешествие) представляет собой литературный прием, удобную мотивировку для связывания воедино словесной мозаики [Гуминский, 1987: 125]. Применительно к путешествию Карамзина фундаментальное исследование исторического и политического контекстов в сочетании с культурологическим и лингвистическим анализом выполнено Ю.М. Лотманом и Б.А. Успенским [Лотман, Успенский, 1987].

Попытку геопоэтического взгляда на путешествие Карамзина, опираясь на представления о метафизике пространства, предпринял А. Балдин [Балдин, 2009].

С позиции литературной географии литературные путешествия рассматриваются как **способ литературного освоения, постижения пространства** [Калуцков, 2015; 2016]. В связи с этим в концептосферу литературного путешествия включаются такие понятия, как

путь, дорога, маршрут, транспортное средство, придорожный ландшафт, пейзаж, место, географический образ.

«Письма» Карамзина – *новый тип литературного путешествия*. Итак, в чем причины устойчивого успеха «Писем» в русском обществе? Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский, основательно исследуя творчество Карамзина, выделяют несколько важных граней творческого подхода Карамзина.

Во-первых, в **двуединстве** самих «Писем», имея в виду не только двуединую авторскую позицию («европеец» – для русского читателя и «русский» – для иностранца), но и «умственный» характер самого путешествия. Действительно, Н.М. Карамзин проехал по странам Европы, застал Францию в период Великой французской революции, посетил многие культурные центры, встречался с выдающимися деятелями. Но «Письма» нельзя отнести к путевым заметкам (никаких реальных путевых писем не существовало); они представляют собой **литературное произведение в жанре путевых заметок, созданное на основе реального путешествия**: «Итак, перед нами **имитация писем** (выделено мной. – *В.К.*) частного лица, «русского путешественника», неприятельно описывающего свои дорожные впечатления» [Лотман, Успенский, 1987: 580]. При этом мы имеем дело с очень сложным многоуровневым произведением, обличенным в форму путеводителя по Европе, но также включающим глубинные философские, мировоззренческие и политические идеи, не всегда заметные для неподготовленного читателя.

Вместе с тем при рассмотрении произведения Ю.М. Карамзина **с позиции литературной географии**, имитационный характер «Писем» оказывается не столь существенен. Действительно, дорожных писем не было, но реальное путешествие было совершено. И это путешествие оказалось насыщено разнообразными впечатлениями и личностными географическими открытиями. В таком контексте можно утверждать, что литературное путешествие Карамзина **не имитация, а реальность**, реальность, пережитая, осмысленная и облеченная в яркую литературную форму.

Во-вторых, опираясь на традиции русских паломнических странствий, с одной стороны, и традиции поездок в Европу, заложенные Петром Великим, с другой, Карамзин не следуя им, создает **образец путешествия нового типа**.

У Карамзина, как отмечают исследователи, был свой литературный образец для подражания – «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» Лоренса Стерна [Лотман, Успенский, 1987; За-

мятин, 2017]. Но это принципиально разные литературные путешествия. И не только потому, что Россия и Европа – разные культурные миры, хотя сам Карамзин придерживался другой точки зрения, но главное то глубокое воздействие, которое «Письма» оказали на российское общество и новый предложенный автором подход поведения русского путешественника в Европе.

Как показал Ю.М. Лотман, в XVIII в. в русском обществе «путешествие за благодатью сменилось путешествием за Разумом, знанием, просвещением» [Лотман, 1965: 562]. При таком мировоззренческом развороте до работы Карамзина своя земля воспринималась как погруженная во тьму, свет в которую (с помощью западного просвещения!) нужно занести извне. Не случайно, по мнению Ю.М. Лотмана, такой взгляд на Запад у многих русских западников порождал завышенные ожидания, что в результате знакомства с Европой реальной приводило к горьким разочарованиям. В «Письмах русского путешественника» преодолевается подобное уничижительное отношение к своей стране, а Россия и Запад не противостоят друг другу. Карамзин показывает, что Россия есть Европа, а русский путешественник предстает в Европе в качестве просвещенного европейца, а не дикаря-москвиты [Лотман, 1965].

Применительно к нашей теме это означает, что путешествие по Европе для русского человека – это не паломничество по «святым европейским местам», а прежде всего светское путешествие, расширяющее кругозор русского европейца. Такова новая – карамзинская – модель поведения и отношения к европейским ценностям, модель, которую можно интерпретировать как взвешенно патристическую – без неоправданного возвеличивания, но и без унижения и отрицания Европы.

«Внутренние» литературные путешествия Карамзина. «Внутри» литературного путешествия Н.М. Карамзина мы обнаруживаем еще два литературных путешествия – это путешествия героя по литературным местам Руссо. «Внутренние» литературные путешествия представляют собой еще один важный опыт и поведенческий образец, который требует осмысления.

Первое из них было совершено по местам действия романа Руссо «Новая Элоиза».

«В пять часов утра вышел я из Лозанны с весельем в сердце – и с Руссою «Элоизою» в руках. Вы, конечно, угадаете цель моего путешествия. Так, друзья мои! Я хотел видеть те прекрасные места,

в которые бессмертный Руссо поселил своих романических любовников»². Далее пешком он идет до селения Веве, где с томиком в руках осматривает первое литературное место, место несостоявшегося самоубийства литературного героя. При этом, глядя на берега и скалы Женевского озера, он читает соответствующие им страницы текста и сопереживает душевному состоянию героев: «Вы можете иметь понятие о чувствах, произведенных во мне сими предметами, зная, как я люблю Руссо и с каким удовольствием читал с вами его “Элоизу”!»³

О том, что это принципиальный для Карамзина **метод путешествия – прогулка с книгой в литературных местах** – подтверждает и сам автор: «... как приятно читать здесь все его несравненные идиллии и поэмы, читать **в тех местах, где он сочинял их** (выделено мной. – В.К.)!»⁴ В связи с этим и мемориальные, и ассоциативные литературные места Карамзин непременно посещает с книгой автора. Под мемориальными литературными местами понимаются места, связанные с биографией писателя; ассоциативные литературные места представляют собой локализованные литературные образы [Калуцков, 2016].

«Отдохнув в трактире и выпив чаю, пошел я далее по берегу озера, чтобы видеть главную сцену романа, селение Клари»⁵. Карамзин описывает реакцию жителей на многочисленных литературных туристов: «Многие из тамошних жителей знают «Новую Элоизу» и весьма довольны тем, что великий Руссо прославил их родину, сделав ее сценой из своего романа». И далее: «Один старик показывал мне тот лесок, в котором, по Руссову описанию, Юлия поцеловала в первый раз страстного Сен-Прё...»⁶ Осмотрев все связанные с романом литературные места в окрестностях Клари, путешественник возвращается в Веве.

Второе «внутреннее» путешествие наш путешественник совершил также в Швейцарии по мемориальным литературным местам Руссо; это была поездка на Бильское озеро с островом Святого Петра, где Руссо в изгнании прожил несколько лет. При его посещении Карамзин делает ценное для литературной географии наблюдение, он свидетельствует о символическом процессе переименования острова Святого Петра: «Сей остров... называется ныне по большей

² Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1983. С. 200.

³ Там же. С. 201.

⁴ Там же. С. 172.

⁵ Там же. С. 201.

⁶ Там же. С. 203.

части Руссовым»⁷. Но десакрализации и новой сакрализации места все же не произошло: на современных картах по-прежнему пишется старое название.

Литературно-географические уроки Карамзина. Художественное произведение Н.М. Карамзина, сохраняя все черты путеводителя по Европе, демонстрирует целый ряд фундаментальных литературно-географических теоретико-методологических измерений литературного путешествия.

1. После Карамзина литературное путешествие можно характеризовать как **светское паломничество**, в котором святые места замещаются «несвятыми» – природными, историческими, культурными, литературными. Очевидно, что паломническая традиция в России сохраняется, но она занимает свое место среди других типов путешествий.

2. Литературное путешествие всегда обладает **семантическим измерением**, содержит культурную оценку территории путешествия, которая зависит от авторской позиции и от его отношения к территории путешествия. Например, в названии книги «Путешествие к дикарям» прочитывается и собственная завышенная культурная оценка, и низкий культурный статус (по мнению автора) территории путешествия. Карамзин, напомним, рассматривает Европу не как «рай» и не как «ад», а как равное России культурное пространство.

3. **«Культурно-географическое открытие» в литературном путешествии.** География любого путешествия – это география нового, это череда «географических открытий». Но применительно к литературному путешествию понятие «географическое открытие» нужно определять не с позиции исторической географии (кто первым приплыл и первым описал новую территорию), а с позиции культурной и литературной географии.

Не так важно, что Колумб открыл Америку, если Вы туда едете впервые «открывать» свою Америку. Культурный контекст заключается в том, что Вы одновременно открываете для себя и американскую культуру. С позиции культурной географии сущность географического открытия для путешественника заключается, во-первых, в открытии новых культур, а не новых земель. А, во-вторых, географическое открытие нужно рассматривать как персонафицированный акт, элемент личного опыта, experience. Таким образом, для путешественника географическое открытие представ-

⁷ Там же. С. 238.

ляет собой личностное (субъективно-объективное) культурно ориентированное действие. Действительно, личный опыт ничем нельзя заменить. Об этом же писал В.В. Маяковский: «Мне необходимо ездить. Общение с живыми вещами заменяет мне чтение книг».

Представление о географическом открытии с позиции литературной географии меняет стратегию поведения путешественника. Здесь возможно два подхода.

Первый связан с проверкой своих впечатлений с образами выбранного автора, поскольку литературное путешествие, особенно совершенное выдающейся личностью типа Карамзина, задает культурные образцы и нормы восприятия страны и ее мест. Соответственно, при несовпадении образов рождаются личностные географические открытия.

Второй подход заключается в сравнении двух и более литературных путешествий в страну (особенно, если они совершены по одной исторической дороге и их маршрут совпадает). Во этом случае нет необходимости в физической поездке, возможно виртуальное литературное путешествие и выявление географических открытий у более позднего автора.

Путешествия по одному историческому пути или дороге⁸, совершенные в разное время и разными авторами дают ценный материал для выявления культурно-географических открытий у разных путешественников. Мы узнаем о культурных и технических изменениях страны, ее меняющихся образах, «открытых» разными литераторами, а также об изменении подходов в самом литературном путешествии и о разных мировоззренческих позициях у разных авторов.

Важнейшим результатом культурно-географического открытия в путешествии являются новые образы, новое видение давно «открытой» страны или города. Перефразируя известное выражение, можно утверждать: «Нельзя дважды совершить одно и тоже путешествие (тем более литературное путешествие): и я не тот, и страна другая».

4. В принципиальном плане любое литературное путешествие имеет **циклическую** трехчастную **структуру**: герой покидает дом

⁸ Под историческим путем понимается «транзитное пространство (своеобразный коридор или полоса), по которому в течение длительных периодов исторического времени происходило перемещение людей и товаров, обеспечивающих взаимодействие между городами, странами, народами. Исторические дороги – жестко локализованные в пространстве линейные коммуникации, в течение многих лет обеспечивавшие перемещение людей и товаров из одних регионов, городов, сельских поселений в другие» [Веденин, 2020: 53].

(усадебу, город, страну), путешествует по чужбине и возвращается домой. Как видим, цикличность путешествия «обеспечивается» идеей дома в узком и расширительном ее понимании. Подобной структурой обладают «Письма», «Путешествие в Арзрум» Пушкина, «Фрегат «Паллада» Гончарова и многие другие произведения.

Вместе с тем при картографировании некоторых текстов литературных путешествий, например, поэмы Твардовского «За далью даль», обнаруживается их **линейная**, нециклическая структура. Это связано с тем, что авторы таких произведений описывают не весь цикл путешествия, а только его часть. В этих случаях идея дома частично или полностью выносится за рамки литературного текста.

5. «Записки» демонстрируют нам **четковидную пространственную организацию путешествия**; оно включает **линейное пространство** придорожных ландшафтов и **ядерное пространство** остановок.

Пространство движения путешественника линейно; оно включает в себя **дорогу и придорожный ландшафт с пейзажными впечатлениями**. Однообразный придорожный ландшафт зимней России хорошо представил А.С. Пушкин: «Ни огня, ни черной хаты, / Глушь и снег... Навстречу мне / Только версты полосаты / Попадают одна...»

При невысокой скорости передвижения в карете пространство придорожного ландшафта внимательно обзревается Карамзиным, и эти наблюдения тщательно фиксируются. Хотя впечатления от картин местности у автора эмоционально окрашены, любой географ или регионовед без труда «считает» по ним территориальную структуру культурного ландшафта.

Вот структура разнообразного прусского ландшафта: «То обширные поля с прекрасным хлебом, то зеленые луга, то маленькие рощи и кусты, как будто в искусственной симметрии расположенные представлялись глазам нашим. Маленькие деревеньки вдали составляли также приятный вид»⁹ [Карамзин, 1983: 39]. А вот – описание польского культурного ландшафта: «Впрочем, дорога не скучная: везде видишь плодоносную землю, луга, рощи; там и сям маленькие деревеньки или врозь рассеянные крестьянские домики»¹⁰. Не впечатлил автора однообразный хуторской эстонский ландшафт: «Что принадлежит до местоположений, то в этой стороне смотреть не на что. Леса, песок, болота; нет ни больших гор, ни

⁹ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1983. С. 39.

¹⁰ Там же. С. 37.

пространных долин. Напрасно будешь искать и таких деревень, как у нас. В одном месте видишь два двора, в другом три, четыре и церковь»¹¹ [там же: 33].

Такое полное восприятие окружающего ландшафта зависит не только от подготовленности и наблюдательности путешественника, но и от **скорости его движения**. Путешествие в конном экипаже позволяло это делать. При большой скорости передвижения, как показал А.С. Пушкин, целостное восприятие придорожного ландшафта разрушается, а на смену ему приходит бриколажное мелькание отдельных предметов:

Пошел! Уже столпы заставы
Белеют: вот уж по Тверской
Возок несется чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах¹².

Не менее важен для восприятия придорожных пейзажей невысокий **темп самого путешествия**, гармонично сочетающий остановки и переезды: «В день **переездаем** (переездаем, а не проезжаем. – В.К.) обыкновенно ... верст семьдесят»¹³.

Пространство остановок путешественника носит ядерный характер, в центре него может находиться город, небольшое селение, постоянный двор и даже ненаселенное место. В структуре путешествия стационарное пространство играет важную роль: именно через него осуществляется **вход в другую культуру**.

На остановках пейзажное восприятие страны уходит на второй план и сменяется внедорожным – преимущественно социо- и этнокультурным восприятием. Через остановки путешественнику «открывается» страна, формируется ее образ. Возможно, поэтому для западных путешественников Россия и называлась Московской, по-

¹¹ Там же. С. 33.

¹² Пушкин А.С. Евгений Онегин // Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 5. М., 1964. С. 156–157.

¹³ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1983. С. 37.

сколько образ страны формировался прежде всего через восприятие важнейшего города страны. Нередко одна остановка во время путешествия становится главным географическим фоном разворачивания литературного сюжета как, например, в «Ревизоре». Напомним, что действие «Ревизора» начинается с придорожного события – карета ломается на мосту, но основное действие происходит в типичном уездном русском городе.

В городах, сельской местности и на природе Карамзин предпочитает передвигаться **пешком**. Это позволяет ему не только любоваться прекрасными видами, но и постоянно общаться с людьми – чиновниками, военными, крестьянами.

Следовательно, к важным для Карамзина атрибутам путешествия относятся **небольшая скорость движения**, позволяющая «считать» эстетику и структуру культурного придорожного ландшафта, и **невысокий темп самого путешествия**, оптимально сочетающий остановки и переезды, что позволяет гармонизировать восприятие и образы новых стран и местностей.

Таким образом, спустя два века Карамзин преподносит нам новые «уроки», актуальные и для наших дней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Балдин А.* Протяжение точки: литературные путешествия. Карамзин и Пушкин. М., 2009.
2. *Веденин Ю.А.* Место исторического пути в культурно-ландшафтном пространстве Русского Севера: по следам Александра Шренка // *Наследие и современность.* 2020. № 3 (4). С. 52–72.
3. *Веденин Ю.А.* География наследия. Территориальные подходы к сохранению и изучению наследия. М., 2018.
4. *Грихин В.А.* Европа глазами русского путешественника // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1983. С. 5–24.
5. *Гуминский В.М.* Открытие мира или Путешествия и странники. М., 1987.
6. *Замятин Д.Н.* Паганель в зазеркалье: географические образы путешествий в русской литературе // *Гунны в Париже: к метагеографии русской культуры.* СПб., 2017. С. 204–217.
7. *Калуцков В.Н.* Литературная география как научный предмет и как учебная дисциплина // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2015. № 4. С. 67–79.
8. *Калуцков В.Н.* Концептуальные основы литературной географии // *Уральский исторический вестник.* 2016. № 2 (51). С. 118–125.
9. *Лотман Ю.М.* О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // *Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та.* 1965. Вып. 181. С. 210–216 (Труды по знаковым системам. Т. 2).
10. *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской литературы // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1987. С. 525–607.

Vladimir N. Kalutskov

“LETTERS OF A RUSSIAN TRAVELER” BY N.M. KARAMZIN: LITERARY AND GEOGRAPHICAL ASPECTS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

In the article the author examines the geoliterary aspects of “The Letters of a Russian Traveler” by N.M. Karamzin. This means that travel writing is seen as a way of literary exploration of space. Karamzin’s literary journey is characterized as a secular pilgrimage, in which holy places are replaced by cultural ones – natural, historical, cultural, and literary. The author changed the established vector of cultural assessments, considering Europe not as “paradise” and not as “hell”, but as a cultural space equal to Russia. “Notes” convincingly demonstrates that literary travel has a cyclical structure and a clear-cut spatial organization, which includes the linear space of roadside landscapes and the nuclear space of stops, which should be considered as an entrance to another culture. Important attributes of literary travel include a low speed of movement, which allows you to “read” the aesthetics and structure of the cultural roadside landscape, but also a low pace of the journey itself, which optimally combines stops and crossings, which allows you to harmonize the perception and images of new countries and localities.

Key words: literary geography; literary travel; clear-cut spatial organization of literary travel; cultural roadside landscape; literary place; N.M. Karamzin.

About the authors: *Vladimir N. Kalutskov* – Dr. habil in Geographical Sciences, Professor of the Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: v.kalutskov@yandex.ru).

REFERENCES

1. Baldin A. 2009. *Protivazheniye tochki: literaturnyye puteshestviya. Karamzin i Pushkin* [The extension of a point: literary journeys. Karamzin and Pushkin]. Moscow. (In Russ.)
2. Vedenin Yu.A. 2020. Mesto istoricheskogo puti v kulturno-landshaftnom prostranstve Russkogo Severa: po sledam Aleksandra Shrenka [The place of the historical path in the cultural and landscape space of the Russian North: in the footsteps of Alexander Schrenk]. *Naslediye i sovremennost*, no. 3 (4), pp. 52–72. (In Russ.)
3. Vedenin Yu.A. 2018. *Geografiya naslediya. Territorialnyye podkhody k sokhraneniyyu i izucheniyu naslediya* [Heritage geography. Territorial approaches to the preservation and study of heritage]. Moscow. (In Russ.)
4. Grikhin V.A. 1983. *Evropa glazami russkogo puteshestvennika* [Europe through the eyes of a Russian traveler]. In Karamzin N.M. *Pisma russkogo puteshestvennika*. Leningrad, pp. 5–24. (In Russ.)
5. Guminskiy V.M. 1987. *Otkrytiye mira ili Puteshestviya i stranniki* [Discovery of the world or Travel and Wanderers]. Moscow. (In Russ.)

6. Zamyatin D.N. 2017. Paganel v zazerkalye: geograficheskiye obrazy puteshestviy v russkoy literature [Paganel through the Looking Glass: Geographical images of travel in Russian literature]. *Gunny v Parizhe: k metageografii russkoy kultury*. Saint Petersburg, pp. 204–217. (In Russ.)
7. Kalutskov V.N. 2015. Literaturnaya geografiya kak nauchnyy predmet i kak uchebnaya distsiplina [Literary geography as a scientific subject and as an academic discipline]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 67–79. (In Russ.)
8. Kalutskov V.N. 2016. Kontseptualnyye osnovy literaturnoy geografii [Conceptual foundations of literary geography]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, no. 2(51), pp. 118–125. (In Russ.)
9. Lotman Yu.M. 1965. O ponyatii geograficheskogo prostranstva v russkikh srednevekovykh tekstakh [On the concept of geographical space in Russian medieval texts]. *Uchen. zap. Tartusk. gos. un-ta. Vyp. 181*, pp. 210–216 (Trudy po znakovym sistemam. Vol. 2.). (In Russ.)
10. Lotman Yu.M., Uspenskiy B.A. 1987. «Pisma russkogo puteshestvennika» Karamzina i ikh mesto v razvitii russkoy literatury [“Letters of a Russian traveler” by Karamzin and their Place in the Development of Russian Literature] In Karamzin N.M. *Pisma russkogo puteshestvennika*. Leningrad, pp. 525–607. (In Russ.)

Е.В. Жбанкова

ПОЛЬСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В БОРЬБЕ С НАЦИЗМОМ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Особый интерес исследователей в настоящее время вызывают темы, связанные с историей Второй мировой войны, в особенности касающиеся проблемы «художественная интеллигенция и война». Не подлежит сомнению, что с точки зрения регионоведения данная проблема является актуальной, так как она способствует дальнейшей разработке как теоретических и методологических подходов к ней, так и пополнению фактологических знаний об особенностях решения ее в различных регионах. В данной статье проблема раскрывается на примере вклада польской художественной интеллигенции в борьбу с нацизмом в годы Второй мировой войны. Польша была полностью оккупирована и подчинена правилам, установленным германской оккупационной администрацией. Именно на ней опробовались и отработывались нормы «нового порядка», которые потом вводились и в других странах, в том числе и на оккупированных территориях СССР. 12 октября 1939 г. в правительственном бюллетене Третьего рейха было опубликовано распоряжение об учреждении генерал-губернаторства на восточных частях польских земель, тогда как западные были просто присоединены к рейху. Была также официально сформулирована программа в области культуры для поляков. Она фактически сводилась к уничтожению польской национальной культуры. Многие деятели искусства Польши в годы Второй мировой войны были связаны с движением Сопротивления. Они внесли свой вклад в борьбу, создавая произведения изобразительного и театрального искусства, музыки и кино. В тяжелых нелегальных условиях был даже восстановлен процесс обучения молодежи всем видам искусства в заботе о послевоенном развитии национального художественного творчества.

Ключевые слова: художественная интеллигенция; война; борьба; Сопротивление; фашизм; национальное искусство.

В год 75-летнего юбилея окончания Великой Отечественной и Второй мировой войн необходимо еще не раз посмотреть на события той эпохи, хотя о них написано множество томов. Уже нет, казалось

Жбанкова Елена Васильевна – доктор исторических наук, профессор, профессор факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: evzhbankova@mail.ru).

бы, тем, которых не изучили бы исследователи. Однако многие вопросы все же являются недостаточно освещенными и поэтому привлекают внимание.

Особенно это касается проблемы «художественная интеллигенция разных стран мира и война». Для современного регионоведения данная тема является весьма актуальной, так как позволяет на многие проблемы, затрагиваемые современной наукой, посмотреть с иной точки зрения [Павловская, 2007].

Новизна исследования определяется изменениями в точке зрения на советско-польские отношения во Второй мировой войне. Советская историография и историография социалистической Польши однозначно сходились во мнении на дружеском характере этих отношений и несомненности освободительной миссии Красной Армии, а проблема «война и художественное творчество» в тот период была одной из самых распространенных.

В последние годы исследовательские акценты кардинальным образом меняются. Основное внимание уделяется негативным сторонам советско-польских отношений в годы Второй мировой войны (деятельности антикоммунистического польского подполья и партизанских отрядов, армии Андерса, «Катынскому расстрелу» и т.п.).

В этой связи вопросы польского художественного творчества во время оккупации остаются вне поля зрения современных исследователей. Хотелось бы напомнить о вкладе польской художественной интеллигенции в общее дело Победы над нацизмом, независимо от конъюнктурных политических и военных проблем.

Теоретико-методологической базой статьи являются классические важнейшие принципы исторической науки и межкультурной коммуникации: объективность, историзм, комплексный подход, а также опора на широкий спектр взглядов на культуру в целом и национальную культуру в частности. В связи с этим исследование базируется на комплексном анализе явлений, относящихся к понятию «художественное творчество и война» на основе междисциплинарного подхода, на убежденности в органической взаимосвязи явлений культуры в их историческом развитии, в контексте неразрывности предвоенной, военной и послевоенной культуры. С этим тесно связаны принципы преемственности в развитии культуры, традиции и новаторства, а также принцип плюрализма в концептуальных подходах к изучению явлений культуры.

Автор опирается на принцип системного подхода к анализу фактов на примере конкретных историко-бытовых явлений. Исходя из этого, в работе были использованы следующие методы: исторический, позволяющий оценить роль польского искусства в конкретной

социокультурной ситуации; биографический, позволяющий с помощью привлечения биографических данных отдельных личностей рассмотреть их вклад в практическую реализацию художественного творчества в годы Второй мировой войны и пр.

На сегодняшний день нам немного известно о процессах, происходивших в художественной культуре Польши в 1939-45 гг. Связано это, в первую очередь, с непростыми отношениями, исторически сложившимися между нашими странами. Однако проблема понимания состояния духа польского общества в годы войны сегодня чрезвычайно важна, так как именно Польша первой подверглась нападению, и позднее другие страны, втянутые в войну, пытались по возможности ориентироваться на ее опыт.

На оккупированной немцами территории Польши был установлен «новый порядок». 12 октября 1939 г. германский правительственный бюллетень провозгласил учреждение генерал-губернаторства на польских землях, а 31 октября в Лодзи генерал-губернатором Гансом Франком в присутствии рейхминистра Геббельса была сформулирована программа в области культуры для поляков [Теплиц, 1971: 102].

Программа по сути своей сводилась к уничтожению польской национальной культуры. На западных территориях, которые были просто присоединены к Третьему рейху, полякам воспрещалось проведение каких-либо мероприятий на родном языке, не разрешалось слушать музыку отечественных композиторов, читать польски.

На территории генерал-губернаторства не только разрешалось, а даже поощрялось проведение мероприятий на польском языке (демонстрация кинофильмов и театральных спектаклей), которые не выходили бы за рамки «примитивного развлечения». Оккупационные власти ничего не имели против фарсов и мелодрам самого низкого качества, особенно приветствовалось наличие в них ярко выраженных эротических мотивов.

Организационно всеми мероприятиями в области культуры в генерал-губернаторстве ведало Главное отделение пропаганды в правительстве генерал-губернаторства, в котором были отделы и секции, занимавшиеся различными отраслями культурной жизни. Согласно его распоряжениям, зрители строго делились на немецких и польских. Поляки не имели права смотреть немецкие киножурналы новостей дня и просветительные фильмы, но могли смотреть такие немецкие картины, в которых наглядно демонстрировалось могущество немецкого оружия. Немцы, что явилось юридическим курьезом, тоже не могли смотреть фильмы, предназначенные для поляков [Садуль, 1957: 2007].

Деятели искусства Польши по-разному реагировали на начало войны, оккупацию и новую «культурную программу». Кто-то эмигрировал во Францию, Англию, США, СССР и продолжал там свою творческую деятельность. Кто-то стал сотрудничать с оккупантами. Некоторые люди из этой категории были расстреляны за предательство польскими партизанами по приговору партизанских отрядов. После войны оставшиеся в живых вместе с немцами предстали перед судами особых комиссий. В каких-то случаях комиссии признали, что люди работали в немецких культурно-массовых учреждениях по особому поручению Сопrotивления. Остальные были приговорены к тюремному заключению.

Многие деятели искусства Польши в годы Второй мировой войны были связаны с движением Сопrotивления. Среди членов знаменитой группы «Вавер», действовавшей в Варшаве, было много людей искусства. Партизанские акции «Вавера» и других групп участников Сопrotивления имели в связи с этим специфические формы. Это, например, пение политических куплетов и «уличных песенок» в общественных местах. За исполнение песни на мелодию известного народного кувяка «Отчего же ты, дивчина, стоишь под кленом?» со словами «Отчего же ты, Гитлер, застрял под Москвою?» неминуемо следовал расстрел на месте. На немецких плакатах и лозунгах переиначивались надписи. Менялось несколько слов, даже букв, и уже вместо «Германия побеждает на всех фронтах» возникло «Германия повержена на всех фронтах» (siegт менялось на liegt). Hitler менялся на Nusler (живодер) и др. [Уразова, 1979: 174]

На улицах разбрасывались листовки с карикатурами знаменитых художников – участников Сопrotивления: С. Томашевского (подпольная кличка «Медза»), Х. Хмелевского (“Yes”), М. Калужного («Сук»), А. Вилла (“Was”) и др. В труднодоступных местах на импровизированных виселицах вешались мастерски выполненные куклы, изображающие Гитлера, Геббельса, Франка. Иногда эти куклы были в человеческий рост, иногда достигали в высоту нескольких метров. Есть кадры польской кинохроники, запечатлевшие подобного «висельника» [Теплиц, 1971: 109].

На стенах немецких учреждений делались издевательские рисунки углем, мелом или плохо смываемыми красками. Наиболее яркими были работы художника, входившего в группу «Вавер» под псевдонимом «Франек». Он работал в несколько приемов, проходя по одним и тем же улицам и быстро дорисовывая заранее начатые карикатуры. Ему принадлежит идея «знака черепахи», подхваченная затем и другими художниками. «Знак черепахи» – призыв поляков к саботажу, к нарочито медленной работе в немецких учреждениях. Подлинное имя «Франека», его судьба никому не известны.

Существовали и другие формы подпольной борьбы участников Сопrotивления. Одной из наиболее ярких было устройство бойкотов немецким кинотеатрам. Орган Сопrotивления «Информационный бюллетень» писал 30 января 1941 г.: «Каждый порядочный поляк должен помнить, что в наши дни любой кинотеатр – это немецкий форпост. Непременным долгом каждого является полный бойкот кинотеатров». На стенах домов появились надписи: «Только свиньи сидят в кино!» [Теплиц, 1971: 113].

В кинотеатрах, где шли фильмы «для немцев» разливались едкие зловонные жидкости и даже совершались вооруженные налеты. К примеру, 17 января 1943 г. были осуществлены такие налеты на три немецких кинотеатра в Варшаве.

Театральные деятели выработали свои формы борьбы. По заданию Сопrotивления Союз артистов польской сцены (ЗАПС) категорически запретил членам Союза принимать участие в выступлениях театров, находящихся под контролем гитлеровцев, и обязал артистов регистрироваться у властей в качестве представителей других профессий [Шидловский, 1972: 73].

Если легальная деятельность творческой интеллигенции была практически невозможной, то это не означало, что развитие польской культуры остановилось или было ограничено лишь теми формами, которые помогали вооруженной борьбе. Эволюция польской художественной культуры в годы Второй мировой войны показывает, что каждый вид искусства по-прежнему развивался по присущим каждому специфическим творческим законам, а также то, что искусство отвечало не только сиюминутным требованиям времени, а пыталось заглянуть в отдаленное послевоенное будущее.

Так, созданный в 1940 г. Тайный театральный совет («Тайна рада театральна» – ТРТ), в состав которого входили известные деятели театра Леон Шиллер, Эдмунд Верцинский, Богдан Коженевский, Стефан Ярач и др., не только поддерживал контакты с многочисленными конспиративными театральными труппами, рассеянными по стране, но и обсуждал различные теоретические и организационные вопросы, касающиеся становления театра в послевоенной Польше. По его поручению в самый разгар войны архитектор Зигмунт Скибневский создал проект Института театра [Шидловский, 1972: 91].

Еще в 1939 г. была сформирована организация движения Сопrotивления деятелей музыкального искусства. В ее задачи входил контроль за развитием музыки в годы войны и подготовка послевоенного восстановления музыкальной культуры. Для этой цели были созданы специальные комиссии: концертная – по созданию репертуара для партизанских отрядов; по организации подпольной типо-

графии для печатания нот; по восстановлению филармонии и оперного театра; по подготовке молодых кадров (комиссия обучения); помощи остро нуждающимся и скрывающимся от преследования музыкантам и др.

Примером деятельности концертной комиссии могут послужить большие концерты «запрещенной» польской музыки (в 1942 г. отмечалось 130-летие Шопена и пятилетие смерти Кароля Шиманского). Эти концерты помогали полякам не терять связи с корнями своей великой национальной культуры [Волинский, 1974: 52].

Деятели изобразительного искусства прятали произведения живописи, пытаясь сохранить их от уничтожения. Две организации «Сообща» (“Spotem”) и Главный опекунский совет (“PRG”), кроме этой деятельности, скрывали самих художников от оккупантов, выкупали их, старались обеспечить им защиту, помочь деньгами. Такую помощь получили многие. В том числе известный скульптор А. Карны, живописцы Т. Чижевский, Я. Цибис и др. [Уразова, 1979: 167].

Несмотря на все попытки спасти людей искусства от гибели, польская художественная культура за годы Второй мировой войны понесла невосполнимые потери. Многие представители художественной интеллигенции теряли веру в себя и кончали жизнь самоубийством, умирали от голода и лишений в тюрьмах и лагерях, гибли от рук партизан за сотрудничество с оккупантами, о чем уже говорилось выше. Поэтому, несмотря на тяжелые нелегальные условия, был восстановлен процесс обучения молодежи всем видам искусства, чтобы хоть как-то восполнить потери.

С 1943 г. Антони Богдзевич – руководитель центра нелегальной деятельности кинематографистов – начал вести конспиративные курсы для кинооператоров. Именно на этих курсах были проведены первые съемки скрытой камерой, запечатлевшие на киноплёнке сцены из жизни оккупированной Варшавы.

Еще в 1939 г. началось обучение актерскому искусству в конспиративном Государственном институте театрального искусства, ректором которого была Ядвига Турович. Многие известные актеры послевоенного театра были воспитанниками этого института. В 1939–1941 гг. действовала школа-студия под руководством Иво Галла, в эти годы и позже работали курсы обучения актерскому мастерству в Кракове и Люблине [Театральный календарь, 1990: 83].

В 1940 г. удалось добиться разрешения оккупационных властей на открытие музыкальной школы. Под вывеской «музыкальной школы» скрывалась настоящая консерватория, во главе которой стоял один из крупнейших польских педагогов и композиторов

Казимеж Скорский. В консерватории обучалось 500 студентов по различным музыкальным дисциплинам.

В годы войны открывались тайные художественные мастерские, как например, в Варшаве под вывеской «Профессионального торгового училища». В ней обучалось до 50 человек. Директор этой мастерской Ю. Богданович был расстрелян в 1943 г., но ее деятельность не прекратилась. Одаренную молодежь конспиративно обучали крупные художники: скульптор Ф. Стрынкевич, живописцы Ф. Коварский, С. Познанский и др.

Развитие польской художественной культуры не прекращалось и за пределами страны. Режиссер Эугениум Ценкальский в Англии выпустил несколько фильмов в возглавляемом им бюро кинематографии. В создаваемой на территории СССР армии генерала Андерса было образовано военное бюро пропаганды и просвещения, а в нем киносектор, где начали работать эмигрировавшие в СССР польские кинематографисты. Киноработники, не покинувшие СССР с армией Андерса, позднее вошли в киногруппу «Чолувка», образованную в 1-й пехотной дивизии имени Тадеуша Костюшко Войска Польского. «Чолувка» запечатлела на киноплёнке сражения на польской земле.

Польские театры работали в Англии, США, Франции и Румынии, а также на территории СССР – в Белостоке, Гродно, Вильнюсе и Львове. Театральные коллективы создавались при польских добровольческих военных соединениях в Англии, на Ближнем Востоке, в Африке. В июне 1943 г. при 1-й дивизии имени Тадеуша Костюшко был образован театральный коллектив, возглавленный ставшим позднее знаменитым Владиславом Красновецким. Другой коллектив был собран в декабре 1943 г. при 2-й дивизии имени Я. Домбровского.

Влияние польских художников заметно ощущалось на изобразительном искусстве Англии в годы войны. В это время там жил и работал Ф. Топольский – один из лучших графиков мира. В августе 1944 г. при Главном политическом управлении Войска Польского возникла мастерская политического плаката. По характеру оперативной работы она во многом напоминала советские «Окна ТАСС». Связано это было с тем, что некоторые выдающиеся польские плакатисты были сторонниками советской школы политического плаката. Влодзимеж Закшевский, например, был с 1939 г. в Советском Союзе и вернулся в Польшу лишь только после ее освобождения [Уразова, 1969: 62].

В одной статье невозможно подробно раскрыть процессы, происходившие в польском искусстве периода Второй мировой войны. В целом, вклад деятелей польской культуры в общую победу над

врагом неоспорим и значителен. В годы войны была доказана жизнестойкость национальной культуры, ее устремленность в будущее. Художественное творчество помогло всему польскому народу выстоять в неравной борьбе с врагом и дало ему право по-прежнему гордиться особым местом, занимаемым польским искусством в общей мировой культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вольнский Э.И.* Кароль Шимановский (1882–1937). Краткий очерк жизни и творчества. Л., 1974.
2. *Павловская А.В.* Состояние и перспективы развития специальности «Регионоведение» на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2. С. 9–35.
3. *Садуль Ж.* История киноискусства от его зарождения до наших дней. М., 1957.
4. Театральный календарь 1990 г. Л., 1990.
5. *Теплиц Е.* История киноискусства. М., 1971.
6. *Уразова Л.Н.* Польский плакат. М., 1969.
7. *Уразова Л.Н.* Польские художники-реалисты. М., 1979.
8. *Шидловский Р.* Театр в Польше. Варшава, 1972.

Elena V. Zhbankova

POLISH ARTISTIC INTELLIGENTSIA IN THE FIGHT AGAINST FASCISM DURING THE SECOND WORLD WAR

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Of a special interest to contemporary researchers are the topics related to the history of the second world war, especially concerning the “artistic intellectuals and the war”. No doubt that from the point of view of regional studies, this issue is relevant because it contributes to the further development of theoretical and methodological approaches to it, and the replenishment of factual knowledge about the features of tackling it in different regions. In this article, the issue is dealt with on the example of artistic contribution of the Polish intelligentsia in the struggle against fascism during the second world war. Poland was fully occupied and subject to regulations established by the occupying forces. It was in that country that the rules of the “New Order” were tried and tested, later to be introduced in other countries, including the occupied territories of the USSR. In October 12, 1939 in the Gazette of the Third Reich was published a decree on the General government in the Eastern parts of the Polish lands, while the Western ones were annexed to the Reich. The official programme in the field of culture for the Poles was also officially announced. It was actually aimed at the destruction of the Polish national culture. Many of the artists of Poland during the second world war were connected with the Resistance movement. They contributed to the struggle, creating works of fine and performing arts, music and cinema. In difficult illegal conditions there was even

restored the process of teaching all types of art to young people by way of caring about the post-war development of national art creativity.

Key words: artistic intelligentsia; war; struggle; Resistance; fascism; national art.

About the author: *Elena V. Zhbankova* – Dr. habil in History, Professor, Professor at the Department of Foreign Languages and Regional Studies of Lomonosov Moscow State University (e-mail: evzhbankova@mail.ru).

REFERENCES

1. Voly`nskij E`.I. 1974. *Karol` Shimanovskij (1882–1937). Kratkij ocherk zhizni i tvorchestva*. [Karol Szymanowski (1882–1937). A brief outline of life and work] Leningrad. (In Russ.)
2. Pavlovskaya A.V. 2007. Sostoyanie i perspektivy` razvitiya special`nosti “Regionovedenie” na fakul`tete inostranny`x yazy`kov i regionovedeniya MGU imeni M.V. Lomonosova [Sadul` Zh. 1957. *Istoriya kinoiskusstva ot ego zarozhdeniya do nashix dnei*] [The history of cinema from its inception to the present day]. Moscow. (In Russ.)
3. *Teatral`ny`j kalendar` 1990 g.* [Theater Calendar 1990]. 1990. Leningrad. (In Russ.)
4. Teplicz E. 1971. *Istoriya kinoiskusstva* [The history of cinema]. Moscow. (In Russ.)
5. Urazova L.N. 1969. *Pol`skij plakat* [Polish poster]. Moscow. (In Russ.)
6. Urazova L.N. 1979. *Pol`skie xudozhniki-realisty`* [Polish realist artists]. Moscow. (In Russ.)
7. Shidlovskij R. 1972. *Teatr v Pol`she* [Theater in Poland]. Varshava. (In Russ.)

Н.В. Карташева

**РОССИЙСКАЯ НЕАКАДЕМИЧЕСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Последние десятилетия XIX в. в России ознаменовались заметным ростом так называемой неакадемической этнографии. В этот период все чаще авторами этнографических описаний народов России становятся не профессиональные ученые, а учителя, врачи, чиновники, священнослужители, политические ссыльные. Созданные ими тексты (документальные и художественные) представляют собой чрезвычайную ценность для изучения духовного наследия народов России. В статье дается определение и обосновывается правомерность использования термина «неакадемическая этнография», а также обозначаются методологические аспекты и перспективы использования неакадемической этнографии для изучения традиционных культур коренных народов Сибири. Выделены две наиболее обширные группы источников – миссионерские дневники и этнографические сочинения, написанные политическими ссыльными. Показана необходимость дискурсивного подхода к их изучению и значимость рассмотрения внетекстовых феноменов: коллективной идентичности авторов указанных сочинений, их поведенческой практики, идеологического смыслового поля, внутри которого формируется авторская позиция и целеполагание непрофессиональных этнографов и др. Очевидно, что научный потенциал обозначенных источников весьма значителен, но для его актуализации требуется привлечение современных исследовательских методов.

Ключевые слова: православная миссия; народничество; политическая ссылка в Российской империи; неакадемическая этнография; дискурс-анализ; религиозный дискурс; миссионерские дневники; коренные народы Сибири.

Понятие «неакадемическая этнография», вынесенное в заглавие статьи, представляет собой собирательное обозначение этнографических источников, авторы которых не являлись профессиональными исследователями, этнографами, и по своему социальному статусу

Карташева Наталья Валерьевна – кандидат культурологии, доцент, зав. кафедрой сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: natkartasheva@gmail.com).

су не принадлежали каким-либо академическим институтам. Можно, также уточнить, что представители «неакадемической этнографии» не считали создание этнографических текстов своей основной деятельностью, а писали их «попутно», оказавшись в ситуации близкого контакта с этническими культурами и испытывая к ним интерес. Применительно к XIX в. установить четкие границы между «академической» и «неакадемической» этнографией в России достаточно затруднительно, так как именно в это время происходит институционализация отечественных социальных наук. Однако существование обширного корпуса этнографических текстов, написанных людьми с совершенно определенной профессиональной принадлежностью к неакадемическим сферам, позволяет нам настаивать на объективной обоснованности предлагаемого термина.

Заметим, что отсутствие терминологической закреплённости понятия «неакадемическая этнография» не исключает его использования в современном научном пространстве. Чаще всего он встречается как обозначение новых направлений в современных этнографических и антропологических исследованиях, связанных с появлением таких феноменов, как цифровая антропология или социальные сети. Существует также представительный ряд исследований «этнографического письма», рассматривающих различные неакадемические источники – художественные тексты, публицистические выступления, путевые заметки в контексте этнографического знания. Так, можно упомянуть книгу Kirin Narayan “*Alive in the writing: crafting ethnography in the company of Chekhov*”, в которой автор пишет об особой «этнографической чувствительности» автора «Острова Сахалин», и упоминает о других «литературных этнографах» и «склонных к этнографии публицистах» (“*the literary ethnographers, and the ethnographically inclined nonfiction writers*”) [Narayan, XIII]. В контексте нашей темы необходимо упомянуть и труды голландской исследовательницы Maryse Kruithof, изучающей этнографический потенциал сочинений голландских миссионеров, осуществлявших свое служение в XIX в. в Индонезии. Исследовательница применяет понятие “*non-academic works*” к миссионерским текстам, описывающим мусульманскую культуру коренного населения Индонезии [Kruithof, 2020: 35]. Несколько чаще встречается эпитет «неакадемический» в антропологических исследованиях. Так, целый ряд публикаций Helena Wulff направлен на рассмотрение антропологии как нарратива, не ограниченного рамками академического письма [Wulff, 2021]. Однако четкой словарной фиксации понятия «неакадемическая этнография» пока не произошло.

Если вернуться к российской неакадемической этнографии, то определение ее границ связано с историей возникновения этногра-

фии «академической», организации первых этнографических экспедиций при Петре I, появления трудов Д. Мессершмидта, В.Н. Татищева, Г.-Ф. Миллера, Я. Линденау, С.П. Крашенинникова, П.И. Рычкова и др. Вопрос о том, можем ли мы применять наименование «неакадемическая этнография» к ранним этнографическим свидетельствам, содержащимся, например, в древнерусских региональных летописях, в «Повести временных лет» или в «Сказаниях о человецах неизвестных в восточной стране» [Токарев, 1966] требует отдельного рассмотрения. Предметом же нашей статьи является феномен неакадемической этнографии, локализованный в историко-культурном контексте пореформенной России, и именно эта задача позволит нам выявить в дальнейшем некоторые дополнительные критерии определения феномена неакадемической этнографии.

Вторая половина XIX в. – уникальный период возникновения новых форм общественной жизни, активного проявления тех идейных векторов, которые обозначили траекторию перехода страны от традиционного к современному укладу. Своеобразие и амплитуда такого рода процессов определялись как обширностью российского культурного пространства, так и аграрным, преимущественно традиционалистским укладом ее культуры. Феномен неакадемической этнографии, существовавший в России и в начале XIX в., именно в пореформенный период получает особое распространение, оказавшись на пересечении нескольких динамических процессов: демократизации общественной жизни, роста интеллектуализма, критического пересмотра колониальной и этнической политики Империи и подъема национального самосознания. Вслед за признанием необходимости глубоких общественных реформ пришло понимание важности изучения того этнокультурного богатства, которым обладала страна, к концу XIX в. достигшая максимальных территориальных параметров в своей истории.

Задача формирования национального единства, неизбежная для страны, вступающей в капиталистический период развития, обнаружила в российском обществе острые противоречия – идейные, классовые, религиозные, этнические. На этом фоне происходило формирование гражданского сознания, возникали и получали оформление демократические и просветительские идеи, которые воплощались в многочисленных научно-просветительных обществах, церковных историко-археологических комитетах, значительном увеличении числа библиотек и учебных заведений и прочем. Возникает движение областничества, опирающееся в своей идеологии на изучение местных культурных традиций. Развивается деятельность губернских статистических комитетов, переформированных в 1859 г. из административных учреждений в

«официально-ученые», среди их основных задач был и сбор информации о занятиях и образе жизни населения губернии, в том числе сведений этнографических. В 1847–1848 гг. Императорское Русское географическое общество обратилось с призывом к общественности составлять описания быта, обычаев, материальной и духовной культуры разных местностей. Лучшие из большого количества присланных материалов были позднее опубликованы в серии «Этнографических сборников» [Токарев, 1966: 296]. «С резкой активизацией общественной жизни в России осведомленность о жизни местного населения стала рассматриваться как гражданский долг и как вклад в просвещение и благосостояние общества» [Джераси, 2013: 211], дворянская и разночинная интеллигенция все активнее вовлекалась в сбор и фиксацию сведений о народной культуре – как русской, так и иных российских этносов. Происходившие в культуре изменения создавали общественный фон для развития неакадемической этнографии, в том числе на окраинах Российской империи,

Что касается Сибири, то здесь развитие неакадемической этнографии имело свои яркие особенности. С одной стороны, на этой обширной территории обитали многочисленные и разнообразные народы, принадлежавшие к разным языковым семьям и хозяйственно-культурным типам. Их культуры представляли собой богатый и слабоизученный этнографический материал. С другой стороны, для восточных регионов Российской Империи характерны отдаленность и малодоступность аборигенных поселений, а также малочисленность образованного населения, интеллигенции, заинтересованной в изучении этнических традиций. Если же рассматривать наиболее отдаленные районы Восточной Сибири и Дальнего Востока (хотя и в Западной Сибири глухих мест было более чем достаточно), то возможность стационарного изучения культуры наименее изученных этносов была чрезвычайно мала. Врачи и учителя жили в городах, чиновники редко добирались в отдаленные поселения, а если и добирались, то были там ограниченное время и со специфическими задачами, не располагающими к откровенности со стороны населения; военные и представители пенитенциарных структур были обременены служебными обязанностями. Парадоксальным образом наиболее плотно и регулярно с автохтонным населением контактировали представители двух очень разных социальных групп – священники-миссионеры и политические ссыльные. Священнослужители проповедовали, крестили, венчали, отпевали, вели духовные беседы, лечили при необходимости, разрешали споры и конфликты, просвещали – и все это в процессе многодневных и многокилометровых поездок по огромным территориям Якутской, Забайкальской,

Камчатской епархий, круглогодично и в суровых погодных условиях. Они добирались в очень отдаленные места и, порой, были единственными на протяжении нескольких лет русскими, которые общались с автохтонным населением.

Священнослужители, хотя и были подчинены церковной дисциплине, руководствовались своим призванием, своей миссией. В отличие от них, политические ссыльные оказывались в этих отдаленных местах совсем не по своей воле. Как известно, 1860–1870-е годы – это годы ссылки участников различных революционных и террористических организаций, народовольцев, радикально настроенных народников, участников польского восстания 1863–1864 гг. В последние десятилетия века в ссылку отправляли также марксистов, участников левых политических организаций. К началу XX в. в Сибири находилось около 300 тыс. ссыльных [Саломон, 1900: 137].

Политические ссыльные публиковали отдельные статьи в местной и центральной печати, создавали небольшие художественные произведения (самые известные из них – рассказы В.Г. Короленко, написанные им после шести лет, проведенных в якутской ссылке: «Сон Макара», «Убивец», «Соколинец», «Государевы ямщики», «Ат-Даван» и др.)¹. Спектр проводимых ссыльными этнографических наблюдений весьма велик. Это исследования фольклора и религиозных представлений², местных языков³, физической антропологии⁴. Культуру народов крайнего севера Якутии описывали В.И. Иохельсон и В.Г. Богораз. Примечательно, что нередко именно этнография становилась делом всей дальнейшей жизни политического ссыльного и, возвращаясь из Сибири, он становился профессиональным исследователем. Некоторые из ссыльных, чьи первые этнографические опыты созданы в Сибири, в 20-е годы стали основателями советской этнографической школы (Л.Я. Штернберг, В.Г. Богораз).

Основным жанром миссионерской неакадемической этнографии были миссионерские дневники. Малая часть из них была опубли-

¹ Изучение художественных текстов этнографической тематики требует использования особых методов. Здесь мы имеем дело с особой формой «этнографической рецепции» [Забияко, Цмыкал, 2021], художественного этнографизма [Соколова, 2017], транскрипции этнографических фактов в художественные образы и др.

² См.: *Ионов В.М.* Медведь по воззрениям якутов // Живая старина. 1915. Прил. 3. С. 51–58; *Он же.* Дух-хозяин леса у якутов // Сборник МАЭ. 1916. Т. 4. Вып. 1. С. 1–43; *Он же.* К вопросу об изучении дохристианских верований якутов // Сборник МАЭ. 1918. Т. 5. Вып. 1. С. 155–164.

³ См.: *Ястремский С.В.* Грамматика якутского языка. Иркутск, 1900. VIII, 307, III с.; *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка / Акад. наук СССР [2-е изд.]. М., 1958.

⁴ См.: *Геккер Н.Л.* К характеристике физического типа якутов. Иркутск, 1896.

кована, иногда фрагментарно⁵, некоторые дневники были собраны и изданы уже в наше время⁶. На основе миссионерских дневников или параллельно с ними сибирские священнослужители публиковали этнографические заметки в региональной и центральной светской и церковной прессе, и даже издавали этнографические труды отдельными изданиями.

Итак, несмотря на радикальные идеологические различия, полное несоответствие жизненных целей и стратегий, именно священнослужители и политические ссыльные создают в Сибири второй половины XIX в. наиболее обширный корпус этнографических текстов. То, что удалось увидеть, понять и зафиксировать авторам этих сочинений представляет собой неоценимое свидетельство о форме и содержании коллективного опыта коренных народов, многие из которых в силу своей малочисленности и уязвимости перед лицом цивилизации к нашему времени утратили значительную часть своей традиции. Но и те народы, которые, как якуты, смогли многое из своей этнической культуры сберечь, могут найти в этих этнографических текстах ценные свидетельства о предшествующих этапах своей этнической истории.

Однако ситуация с востребованностью этнографических источников конца XIX в. в современных исследованиях достаточно не проста. Во-первых, многие из указанных текстов были опубликованы в дореволюционной печати, либо хранятся в рукописном виде в различных архивах. Многие из архивных документов было утрачено, особенно это касается миссионерских документов. Разумеется, дореволюционные исследования, авторами которых были политические ссыльные, получили в советское время бóльшую известность, чем труды второй указанной нами группы исследователей – миссионеров. Часть работ ссыльных была издана или переиздана в конце 20-х – начале 30-х годов. Однако в наше время многое так и осталось неопубликованным. Что касается миссионерских дневников, то большая их часть не опубликована, они хранятся в региональных архивах, не изучены и даже не описаны. И тем не менее, не только труднодоступность большинства из этих источников является причиной их недостаточной вовлеченности в научный оборот. Мы предполагаем, что материалы неакадемической этно-

⁵ *Вениамин, еп.* Забайкальская духовная миссия 1862-м – 1863 гг. (Письма из Посольского монастыря) // Труды православных миссий Восточной Сибири. Иркутск: издание Иркутского комитета православного миссионерского общества, 1883–1886. Т. 1: 1862–1867 г. 1883. 559 с.; *Аргентов А.* Путевые заметки священника-миссионера Андрея Аргентова. Восточная Сибирь. СПб., 1857; *Венедикт, иеромонах.* У чукчей. ПБ. 1895. № 5. С. 248 – 254 и др.

⁶ Стопами миссионера. Труды Дионисия (Хитрова), епископа Якутского, а затем Уфимского, на миссионерском поприще (в 6 томах). Тверь, 2013; и др.

графии не могут быть адекватно включены в контекст актуальных этнокультурных исследований без привлечения современных исследовательских подходов.

Прежде всего, необходимо рассматривать эти тексты и содержащиеся в них этнографические факты через призму мировоззрения их авторов, с учетом тех ценностей, которые лежали в основе их этнографического интереса. Так, миссионерский дневник – это особый жанр, порожденный, с одной стороны, формальным предписанием фиксировать все обстоятельства выполнения миссии, а с другой стороны – острой потребностью в духовном и интеллектуальном самовысказывании. Автор миссионерского дневника зачастую ведет «внутренний диалог о тех аспектах внешнего мира, которые, по их мнению, соотносились с их духовным миром» [Манчестер, Сдвижков, 2019: 13]. Таким образом, миссионерский нарратив представляет собой уникальное сочетание документального, публицистического, автобиографического начал. Причины появления в миссионерских дневниках значительного объема этнографических материалов также сочетают в себе формальную необходимость фиксации духовного и культурного статуса крещаемых (пасты); желание лучше понять их мировоззрение и согласовать с ним формы своей проповеди; душевное внимание к людям, преображению которых посвящена жизнь миссионера; интеллектуальный интерес к необычным, экзотическим культурам; понимание хрупкости традиционных культур и их абсолютной ценности для человечества. Каритативные мотивы также имели большое значение для пробуждения миссионерского интереса к жизни коренных народов: христианская любовь и искреннее сочувствие к пастве вызвали желание познакомить российское общество с суровыми условиями существования «инородцев», с теми тяготами, которые составляют их повседневный быт.

Политическим ссыльным, без различия их партийной принадлежности, были присущи народническая (в широком понимании этого термина) идеология и позитивистское мышление со свойственной ему верой в универсальность научного метода познания. Несомненно, сыграло свою роль и увлечение новейшими европейскими антропологическими концепциями (Тайлора, Моргана), свойственное в то время российской интеллигенции. Политический ссыльный – приверженец западных идей, социалистических или марксистских, но в любом случае, он мыслит в западноевропейской, просвещенческой парадигме. Кроме того, для человека, попавшего в ссылку, характерны навык напряженной интеллектуальной деятельности и повышенный градус социальной активности. Не только необычность и малоизученность открывшегося этнического мира

сибирских народов, но и их зависимое, «угнетенное» положение и социальная маргинальность коренного населения становились побудительным мотивом к созданию этнографических сочинений. Народничество как «широкое духовное течение, соединимое с довольно разнообразными социально-политическими теориями и программами» [Франк, 1990: 90] сформировало тот идеологический дискурс, в рамках которого создавались этнографические тексты политических ссыльных. И без реконструкции этого дискурса погрешность в понимании этнографической реальности, описанной в этих текстах, будет чрезвычайно высока.

Исследуя тексты, созданные священнослужителями, «необходимо осознать, что священство – это не временный атрибут, не специальность и даже не профессия – это образ жизни, поведения, мышления и мироощущения, который неразрывно связан с догматическим и каноническим сознанием пастыря». «Церковное воспитание и духовное образование, а после и священническая хиротония формируют в человеке определенное сознание» [Малышев, 2019: 49], и мы должны обязательно учитывать, что миссионерские этнографические тексты являются частью религиозного дискурса. Ключевым текстом для этого дискурса является Библия, в этнографических суждениях объективируются значимые для миссионеров идеи библейской истории, концепты спасения, служения, обращения, греха, покаяния и проч. [Гришаева, 2018; Сеницына, 2014]

Однако если мы выйдем за рамки рассматриваемых текстов и проведем анализ их общего историко-культурного контекста, то обнаружим неожиданные сближения народнического и религиозного дискурсов. По свидетельству современной американской исследовательницы Лори Манчестер, православные «клирики, подобно большинству представителей русского образованного общества, находились во второй половине XIX века под сильным влиянием народнических настроений» (Манчестер, 100). Стремление к поиску истины, «горячее желание послужить народу, помочь его культурному и хозяйственному развитию» [Евлогий, 1994: 29], активная жизненная позиция, демократизм, просветительский пафос – качества, отличавшие выдающихся православных священнослужителей рассматриваемого периода. Митрополит Евлогий (Георгиевский) писал в своих воспоминаниях: «сочетание богословских занятий, приуготовлявших нас к пастырству, и социальных идей породило то своеобразное «народничество», к которому и я тяготел тогда всей душой. Народ вызывал во мне глубокую жалость. Меня тревожило, что он пропадает в грязи, темноте и бедности» [Евлогий, 1994: 29]. Примечательно, что среди революционеров было много выходцев

из духовного сословия [Манчестер, 2015], таким образом мы можем не только увидеть неидеологизированное народничество во взглядах священнослужителей, но и обнаружить след религиозного сознания во взглядах политических ссыльных⁷.

Если академические исследования, априори содержащие установку на объективизм и непредвзятость ученого, не свободны от идеологической вовлеченности, и «этнография как наука ... в течение своей почти 200-летней истории всегда была склонна к различным идеологическим коннотациям» [Лозовюк, 2020: 1163], то *неакадемическая* этнография тем более не может быть рассмотрена вне идеологического контекста. Ее авторы не могли не проецировать во внутренних структурах текста свои идеологические воззрения и жизненные ценности [Грецкая, 2020]. Реконструкция идеологического смыслового поля, внутри которого формируется авторская позиция и целеполагание непрофессиональных этнографов, необходима для правильной интерпретации высказанных ими этнографических суждений. Таким образом, материалы неакадемической этнографии, относящиеся ко второй половине XIX в., представляют собой не только информационно насыщенный архив сведений о традиционных культурах коренных народов Сибири, но и уникальный источник реконструкции коллективной идентичности различных социальных групп российского общества, а доминирование неакадемического дискурса (в нашем случае – религиозного и народнического) может быть определено как основной маркер неакадемической этнографии и признак ее отличия от академических исследовательских текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грецкая С.С. Когнитивно-функциональное конструирование поликультурной идентичности в художественном тексте // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 106–115.
2. Гришаева Е.И. Церковные дискурсы и идентичность. Потенциал применения дискурсивных подходов в социологическом изучении религиозных идентичностей в христианских общинах // Вестник РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 1 (11). С. 50–64. doi: 10.28995/2073-6401-2018-1-50-64
3. Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013. С. 548.

⁷ Слушательница лекций Льва Штернберга, бывшего ссыльного, ставшего в 20-е годы профессором этнографии, так описывала его облик: «Перед нами был не профессор высшего учебного заведения, обучающий студентов предмету, а проповедник истины» (Гаген-Торн Н.И. Ленинградская этнографическая школа в 20-е годы: У истоков советской этнографии // Советская этнография. 1971. № 2. С. 134–145).

4. *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни: Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. С. 621.
5. *Забяко А.А., Цмыкал О.Е.* Художественная этнография в лирическом тексте (поэтический этнографизм Лариссы Андерсен) // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 1. С. 45–55.
6. *Лозовюк П.* Между наукой и идеологией. История немецкоязычной этнографии чешских земель // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. doi: 10.21638/11701/spbu02.2020.409
7. *Мальшиев В.С., свящ.* Положение духовного сословия в церковной публицистике середины XIX века: Монография. СПб., 2019. С. 296.
8. *Манчестер Л.* Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М., 2015. С. 448.
9. *Манчестер Л., Сдвижков Д.* Автобиографика и православие в России конца XVII – начала XX века: вера и личность в меняющемся обществе // Вера и личность в меняющемся обществе. М., 2019. С. 5–18.
10. *Саломон А.П.* Ссылка в Сибирь: очерк ее истории и современного положения. СПб., 1900.
11. *Синицына Ю.Н.* Особенности и специфика религиозного дискурса // Культурная жизнь Юга России. 2014. № 2 (53). С. 94–95.
12. *Соколова В.Ф.* Этнографическое направление в русской литературе XIX века // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 1А. С. 261–269.
13. *Токарев С.А.* История русской этнографии (дооктябрьский период). М., 1966. С. 452.
14. *Франк С.Л.* Этика нигилизма // Франк С.Л. Сочинения. М., 1990. С. 77–112.
15. *Kruithof M.* The contribution of missionaries to the study of Islam in the Netherlands in the 19th century // Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History Vol. 17. Britain, the Netherlands and Scandinavia (1800–1914). 2020, pp. 35–45. doi:10.1163/9789004442399_004
16. *Narayan K.* Alive in the writing: crafting ethnography in the company of Chekhov. Chicago; London: Univ. of Chicago press, cop. 2012. xiii, 154.
17. *Wulff H.* Writing anthropology // The Cambridge Encyclopedia of Anthropology (eds) F. Stein, S. Lazar, M. Candea, H. Diemberger, J. Robbins, A. Sanchez & R. Stasch. 2021. doi:10.29164/21writing

Natalya V. Kartasheva

RUSSIAN NON-ACADEMIC ETHNOGRAPHY OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY AS A SOURCE FOR THE STUDY OF THE CULTURAL HERITAGE OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The last decades of the 19th century were marked by an unprecedented growth of the so-called “non-academic ethnography” in Russia. This period of time witnessed a rise in the number of ethnographic descriptions of the peoples of Russia created by non-academic researchers, such as teachers, doctors, government officials, cler-

gymen, political exiles, rather than professional scholars. The texts created by them, both nonfiction and literary, are extremely valuable for the study of the spiritual heritage of the peoples of Russia. The article provides a definition for the term “non-academic ethnography” and substantiates the legitimacy of its use; it outlines the methodological aspects and the prospects of using non-academic ethnography for the study of traditional cultures of the indigenous peoples of Siberia. The two identified extensive groups of sources are missionary diaries and ethnographic works written by political exiles. The article proves the need for a discursive approach to their study and the importance of considering extra-textual phenomena, such as: the collective identity of the authors of these works, their behavioral practice, the ideological semantic field which defines the position and the goals of the non-professional ethnographers, etc. Although the research potential of the indicated sources is evident, its actualization requires the implementation of modern scientific methods.

Key words: Orthodox mission; narodnichestvo; political exile in the Russian Empire; non-academic ethnography; discourse analysis; religious discourse; missionary diaries; indigenous peoples of Siberia.

About the author: *Natalya V. Kartasheva* – PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Head of the Department of Comparative Literature and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: natkartasheva@gmail.com).

REFERENCES

1. Gretskeya S.S. 2020. Kognitivno-funktsional'noe konstruirovaniye polikul'turnoi identichnosti v khudozhestvennom tekste [A Cognitive-Functional Perspective on Multicultural Identity Construction in Fiction]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 106–115. (In Russ.)
2. Grishaeva E.I. 2018. Tserkovnye diskursy i identichnost'. Potentsialnyye primeneniya diskursivnykh podkhodov v sotsiologicheskom izuchenii religioznykh identichnostey v khristianskikh obshchinakh [Church Discourses and Identity. Application of discursive approaches for sociological study of religious identities in Christian communities]. *RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series*, no. 1(11), pp. 50–64. (In Russ.)
3. Geraci R.P. 2013. *Okno na Vostok: Imperiya, orientalizm, natsiya i religiya v Rossii* [Window on the East: national and imperial identities in late tsarist Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
4. Evlogii (Georgievskii), mitropolit. 1994. *Put' moei zhizni: Vospominaniya Mitropolita Evlogiya (Georgievskogo), izlozhennye po ego rasskazam T. Manukhinoi* [My Life's Path: The Memoirs of Metropolitan Evlogii, Based on His Own Accounts by T. Manukhina]. Moscow, Moskovskii rabochii. (In Russ.)
5. Zabiayko A.A., Tsmikal O.E. 2021. Khudozhestvennaya etnografiya v liricheskom tekste (poeticheskii etnografizm Larissy Andersen) [Literary Ethnography in Lyrical Text (Poetic Ethnographism by Larissa Andersen)]. *Humanitarian Vector*. Vol. 16, no. 1, pp. 45–55. (In Russ.)
6. Lozovyuk P. 2020. Mezhdru naukoj i ideologii. Istoriya nemetskoyazychnoi etnografii cheshskikh zemel' [Between Science and Ideology. History of German Speaking

- Ethnography of Czech Lands]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 65, issue 4, pp. 1162–1185. (In Russ.)
7. Malyshev V.S., priest. 2019. *Polozhenie dukhovnogo sosloviya v tserkovnoi publitsistike serediny XIX veka* [The position of the clergy in Church journalism in the middle of the XIX century]. Saint Petersburg, Publishing House of Saint Petersburg Theological Academy. (In Russ.)
 8. Manchester L. 2015. *Popovichi v miru: dukhovenstvo, intelligentsiya i stanovlenie sovremennogo samoznaniya v Rossii* [Holy Fathers, Secular Sons. Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
 9. Manchester L., Sdvizhkov D. 2019. *Avtobiografika i pravoslavie v Rossii kontsa XVII – nachala XX veka: vera i lichnost' v menyayushchemsya obshchestve* [Introduction]. In Manchester L., Sdvizhkov D. (ed.) *Vera i lichnost' v menyayushchemsya obshchestve: avtobiografika i pravoslavie v Rossii kontsa XVII – nachala XX veka* [Faith and Selfhood in a Changing Society: Autobiography and Orthodoxy in Russia from the End of the 18th to the Beginning of the Twentieth Century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 5–18. (In Russ.)
 10. Salomon A.P. 1900. *Ssylka v Sibir': ocherk ee istorii i sovremennogo polozheniya* [Exile to Siberia: an essay on its history and current situation]. Saint Petersburg, Printing house of the St. Petersburg prison. (In Russ.)
 11. Sinityna Yu.N. 2014. Osobennosti i spetsifika religioznogo diskursa [The Problem of Religious Discourse: Specific characteristics]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, no. 2 (53), pp. 94–95. (In Russ.)
 12. Sokolova V.F. 2017. Etnograficheskoe napravlenie v russkoi literature XIX veka [The ethnographic trend in Russian literature in XIX century]. *Kul'tura i tsvilizatsiya* [Culture and Civilization], no. 7 (1A), pp. 261–269. (In Russ.)
 13. Tokarev S.A. 1966. *Istoriya russkoi etnografii: (dooktyabr'skii period)* [History of Russian Ethnography (Before the October Revolution)]. Moscow, Nauka. (In Russ.)
 14. Frank S.L. 1990. *Etika nigilizma* [The Ethics of Nihilism] In Yu.P. Senokosov (ed.) *Frank S.L. Sochineniya* [The Writings of S. Frank]. Moscow, Pravda Publishing house, pp. 77–112 (In Russ.)
 15. Kruithof M. 2020. *The contribution of missionaries to the study of Islam in the Netherlands in the 19th century*. In David Thomas and John A. Chesworth (ed.) *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History Vol. 17. Britain, the Netherlands and Scandinavia (1800–1914)*, pp. 35–45. Brill.
 16. Narayan K. 2012. *Alive in the writing: crafting ethnography in the company of Chekhov*. Chicago; London, Univ. of Chicago press.
 17. Wulff H. 2021. *Writing anthropology*. In F. Stein, S. Lazar, M. Candea, H. Diemberger, J. Robbins, A. Sanchez & R. Stasch. (Ed.) *The Cambridge Encyclopedia of Anthropology*. doi:10.29164/21writing

Е.А. Глазова

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕКЛАМА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В конце прошлого века в Европу из Канады пришла концепция мультикультурализма, которую считали ответом на все социальные вопросы. В настоящее время концепция эта потерпела крах. И на смену ей настала эра поликультурализма. О поликультурной среде теперь говорят относительно всех областей деятельности человека. В последние два десятилетия политика мультикультурализма показала свою несостоятельность во французском обществе. Подтверждением этого является страшная статистика нападений и терактов во Франции. Необходимость в поликультурной среде встала особенно остро. Французская реклама не ставит перед собой прямой задачи решить межкультурный конфликт, существующий во французском обществе. Однако она является отражением идеологии и социальной политики страны. Поворотным моментом в отношении к темнокожим мигрантам во Франции становятся 1970-е годы. В 1990-е в рекламе появилась тенденция пассивной толерантности. В 2000 г. присутствие в рекламе моделей различных национальностей стало негласным императивом. Однако просто показ людей с разным цветом кожи не является гарантией успешного взаимодействия культур. Данное исследование будет касаться анализа французской рекламы с точки зрения отражения в ней поликультурной среды.

Ключевые слова: французская реклама; поликультурализм; культурное разнообразие; традиции; толерантность; культурная замкнутость; мигранты; страх; кускус; школа.

Принцип сохранения культурного разнообразия и выбор культурной идентичности на данном этапе связаны с понятием «поликультурализма». Словом «поликультурализм» описывается общая ситуация в обществе. Концепция поликультурализма пришла из США, где ее родоначальниками стали Д. Равич и В. Прэшэд [Prashad, 2002]. Поликультурализм подразумевает взаимную связь и равноценность всех культур в мире. Ранее совместное существование разных культур в одном социуме рассматривалось в контексте

Глазова Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: a-lionne@mail.ru).

мультикультурализма. Мультикультурализм предполагает, что на одной территории существовало несколько групп людей, которые делятся на различные «общины» в зависимости своего понимания культуры, норм поведения и системы ценностей. Такое дробление на «общины» или «категории населения» приводит к созданию искусственного целого, которое не может быть ни народом, ни нацией [Koubi, 2005: 1177–1279]. Основным инструментом такой политики была толерантность, которую можно назвать пассивной. В обществе есть понимание существования другой, чужой культуры и, одновременно, неприятие ее поведенческих норм. Подобный подход официально был признан неуспешным. Канцлер Германии Ангела Меркель заявила, что последние годы продемонстрировали полный провал концепции мультикультурализма в ее стране [Сайт медиаресурса BBC, 2010]. А вслед за ней эту же мысль высказал Д. Кэмерон [Сайт медиаресурса BBC, 2011]. Французское общество тоже ищет новые пути сосуществования культур. Французский социолог Ф. д'Ирибарн писал в 2006 г., что Франция не может выбрать, по какому пути ей следовать и как примирить разные, находящиеся в конфронтации культурные наследия. Франция не способна сказать тем, кто не знает, как адаптироваться, «при каких условиях они могут действительно считаться французами, не только юридически, но и с социальной и культурной точек зрения» [Iribarne d', 2006: 268]. Французский политолог Л. Буве и вовсе описывает чувство «культурной незащищенности» [Bouvet, 2015], которое испытывают и эмигранты, и коренные французы.

Итак, термин «мультикультурный» отражает представление о существовании нескольких различных культур в одном обществе, в то время как термин «поликультурный» (или французский термин «плюрикультурный») предполагает наличие динамичных отношений между этими культурами на уровне отдельных лиц, групп и общества в целом.

Таким образом, для того чтобы поликультурализм развивался, необходимо членам общества совершать совместное действие. Это действие должно отвечать двум условиям: регулярно повторяться и быть рассчитанным на долгий период времени.

Интересно было бы рассмотреть проявление политики сосуществования культур во французском обществе на материале рекламы. Если говорить о сочетании культур во Франции, то на ее территории обеспечивается сосуществование внутренних (региональных) культур и интеграция внешних (миграционных) культур. В данной статье речь пойдет о рекламе, которая затрагивает смешение культур, обусловленное внешними факторами, среди которых проблема мигрантов.

Поворотным моментом в отношении к темнокожим мигрантам во Франции становятся 1970-е годы. Этот период совпал с акциями борьбы черного населения за свои права по всему миру. И одновременно миграционная политика Франции сделала возможным приток в нее эмигрантов из бывших африканских колоний. Возникла необходимость совместного мирного существования, а значит и новых правил. Закон о свободе прессы № 72-546 вводит дополнение 1 июля 1972 г.; он запрещает оскорбление на расовой почве и расовую дискриминацию. Произошел «культурный отбор», т.е. «прежняя практическая мораль оказывается непригодной и меняется вместе с происходящими в обществе социально-культурными изменениями» [Молчанова, 2019: 16]. Безусловно, такой подход исключает намеки на рабство и унижение другой расы. Тем не менее нельзя сказать, что мультикультурализм нашел свое отражение в рекламе 1970-х – начале 1980-х годов.

Появление чернокожих или арабов в рекламе в те годы должно было подчеркивать по замыслу авторов рекламы экзотизм продукта. Например, печенье “St Michel. Bamboula” было представлено одноименным персонажем. Веселый мальчик стал персонажем комиксов в 1980-е годы. Он был одет в пятнистую шкуру, которая напоминала рекламируемое печенье с крошкой. Само слово “bamboula” обозначает африканский барабан. И сам мальчик жил в саванне, а не во Франции, т.е. об интеграции его во французскую культуру речи не шло.

В 1970–1980-е годы во Франции появилось очень много иммигрантов магрибского происхождения. Они привезли с собой гастрономические традиции. Основой для североафриканских блюд является пшеничная крупа – кускус. Во Франции стали выпускать консервы с кускусом “Sauriquet”. Реклама 1978 г. показывает восточную сказку: султана, гарем, танцы живота, много темнокожих девушек, которые несут на голове блюда с кускусом. Танцы сопровождаются песней, стилизованной под восточные ритмы со словами “Sauriquet”. Само подобное изображение свидетельствует об иноземной культуре. Тем не менее именно эта реклама поделила общество на два лагеря. Одни видели в ней дискриминацию лиц магрибского происхождения. Другие, наоборот, усмотрели попытку сближения двух культур [Глазова, 2015: 129–139].

В 1990-е годы в рекламе появилась тенденция пассивной толерантности, т.е. в роликах и на афишах должны были появляться представители всех рас. Тем не менее Ф. Бегбедер, писатель, который знает мир рекламы изнутри, описывал в своем известном романе «99 франков» [Beigbeder, 2000] ситуацию, показывающую

относительность терпимости к темнокожим. Для рекламы снимали темнокожую модель, но затем ее фотографию специально высветляли, чтобы она была истинная белокожая светловолосая француженка.

С 2000-х годов, наоборот, профессионалы любой области боятся быть обвиненными в отсутствии толерантности. Так, косметические бренды теперь обязательно выпускают линейку продукции под любой тип кожи. Следуя этой тенденции, присутствие в рекламе моделей различных национальностей стало негласным императивом. Однако просто показ людей с разным цветом кожи не является гарантией успешного взаимодействия культур. Интересно увидеть, меняются ли и как меняются сценарии роликов.

Например, рассмотрим различные рекламы кускуса, чтобы сравнить их с описанным роликом “Saupiquet”. В конце 1980-х рекламы уже не демонстрируют придуманные сказки в стиле «Аладдина». Действие перемещается в реальный мир. Реклама кускуса “Garbit” 1987 г. показывает семейный ужин. Национальное происхождение персонажей трудно определить, но там присутствуют и темноволосые, и светловолосые французы. Обстановка дома свидетельствует о том, что семья более, чем зажиточная. Все нахваливают предложенное блюдо. Мать семейства очень рада тому, что благодаря кускусу “Garbit” ее сын хорошо питается. Здесь можно видеть, что кускус перестал быть экзотичным блюдом выходцев из Африки, а перешел в разряд обыкновенной типичной еды на французском столе.

Следующее развитие сценария рекламы кускуса предлагает серия роликов “Tiriak” 2013 г. Действующими лицами в этом мини-фильме являются пожилые бретонки. Бретань – сложный регион с непростой самоидентификацией, где смешиваются и кельтское наследие, и галльский миф, и периоды противостояния центру (Парижу) [Загряжкина, 2007: 162–164]. Бретонцы прикладывают в настоящее время немало усилий, чтобы сохранить свою культуру (язык, традиции, праздники), отличную от общефранцузской. Итак, бретонки символизируют в ролике региональные французские традиции. Их возраст свидетельствует о том, что они не ищут новых острых ощущений, а хотят остаться в рамках своих привычек. Они одеты в традиционные (можно сказать, фольклорные) платья и на голове у них – бигуден – высокий чепец из кружев, получивший свое название от местности на юго-западе Бретани. И вот эти дамы сначала дегустируют кускус (1 серия рекламы), а затем его готовят за две минуты (2 серия рекламы). С одной стороны, эта реклама противопоставляет два мира: кускус – это чужеземный элемент,

попавший в местный региональный уклад жизни. Подчеркнуто исторический костюм бретонков говорит о мультикультурном подходе. С другой стороны, в рекламе нет ни одного намека, что это блюдо имеет нефранцузские корни. Скорее больший эффект дает то, что это еда быстрого приготовления, и это удобно для пожилых людей. Данная реклама подтверждает, что за годы совместного проживания рядом некоторые арабские традиции стали абсолютно естественны для французского общества, что является свидетельством поликультурализма.

Тем не менее подобные проявления слияния культур не могут считаться правилом. В последние два десятилетия политика мультикультурализма показала свою несостоятельность во французском обществе. Подтверждением этого является страшная статистика нападений и терактов во Франции.

Французское общество расколото и напугано. Как показывает практика, даже ограничения, вызванные пандемией COVID-19, не смогли сдержать разногласий между французами разного происхождения. Необходимость в поликультурной среде встала особенно остро. По словам политического обозревателя К. Малика, «расистский популизм и радикальный исламизм являются выражением одной и той же проблемы – социальной замкнутости в эпоху политики идентичности» [Малик, 2015].

Одним из важных институтов, где нужно внедрять новый подход, называют школы. Политолог Л. Бувэ говорит, что лучше, чем «запирать детей в своих культурах... заставляя их застывать в специфической идентичности», лучше учить всех вместе и дать возможность «выйти за рамки предписанной от рождения идентичности» [Bouvet, 2015: 181].

Французская реклама достаточно часто обращается к сюжету школы, как к месту действия. Но сценариев, где было бы видно, взаимодействие разных культур. Школа показана чаще как место, где существует травля детей детьми. Отличие ребенка от других хоть по какому-либо принципу приводит к неприятию его коллективом. Существует много роликов, в которых социальная реклама рассказывает о принципах равенства. Но инаковость в них понимается более широко, чем культурная принадлежность: больше акцент делается на внешние признаки. Тем не менее, если сравнить два ролика: 1952 г., когда вопросы толерантности еще не поднимались, и современный ролик 2018 г., то можно увидеть разницу подачи информации. Реклама мыла Dor 1952 г. демонстрирует класс детей лет 7–8. Дети одеты в клетчатую форму. Главный герой – мальчик, который вымылся упомянутым мылом с одеколоном и очень хорошо

пахнет. Все дети его окружают и нюхают с удовольствием. Весь класс – это белые дети. Учительница тоже – яркая блондинка.

Ролик 2018 г. – это реклама супермаркета Intermarché. Одним из требований к школе от министерства здравоохранения является правильное питание. Дети должны знать овощи и фрукты и питаться ими. Этим требованием и руководствуется сценарий ролика. Маленьким школьникам тоже лет 7, как в предыдущем ролике, предлагают назвать различные овощи: кабачок, порей, артишок, свекла. Дети, поделенные на пары, пытаются делать предположения и каждый раз ошибаются. Среди детей есть белые, есть черный мальчик, азиат и арабка. Все школьники активно друг с другом общаются, стараются показать свои знания. Ни одна культура не выделена больше, чем другая, т.е. никто из детей не угадывает овощи, не рассказывает о каких-нибудь семейных блюдах из этих овощей. Объединенные одним заданием, они составляют общее целое, что соответствует поликультурному подходу.

В рекламе последних лет достаточно часто показано гармоничное сосуществование людей разного национального происхождения: они занимаются спортом Puma (2020), Paris 2024 (2019), играют и делают ставки на игру Les Français des Jeux (2021), Euromillions (2020), PMU (2020), совершают совместные путешествия Le boncoin (2019), ходят в магазин Leclerc (2020), Intermarché (2020), совершают совместные поездки на машине Ouigo (2020).

Тем не менее социальная реклама Licra, цель которой вскрывать проблемы общества, выпустила в 2021 г. ролик, подтверждающий, что чувство «культурной незащищенности» не покинуло французов. Перед зрителем предстает человек в шапке, чье лицо постоянно меняется, приобретая черты то араба, то чернокожего человека, то азиата, то еврея. Голос объясняет: «Вы меня знаете, хотя у меня много лиц. Я тот, кто Вас толкнул в метро, кто снял зеркало с Вашей машины, тот, кто занял Ваше рабочее место...» Перечисляется очень много обстоятельств. В итоге человек в шапке превращается в старика и говорит: «Теперь Вы меня знаете в лицо. Я страх». Этот ролик подтверждает, что французы чувствуют угрозу, исходящую от лиц любой иной культуры. Фобии эти носят взаимный характер. Иначе говоря, не только белые французы боятся лиц с магрибскими корнями, но и последние боятся чернокожих, многие не любят евреев и страшатся заразиться от азиатов. Подобная демонстрация взаимного неприятия – это призыв переосмыслить свое отношение к окружающим и создать гармоничную поликультурную среду.

В целом французская реклама не ставит перед собой прямой задачи решить межкультурный конфликт, существующий во фран-

цузском обществе. Однако она является отражением идеологии и социальной политики страны. Безусловно, картина взаимных отношений, изображаемая в коммерческой рекламе – идиллическая: она обходит острые углы и болезненные ассоциации. Это не то, что на самом деле существует в данный момент в обществе, но то, что хотелось бы видеть. Тот мир, который реклама рисует – не просто толерантный, потому что толерантность требует некоего усилия над собой. Но этот мир действительно равноправный, где люди не задумываются, какой культурный багаж у соотечественника, нужно ли ожидать от него неприятных сюрпризов. К тому же некоторые привычки эмигрантов прижились во Франции и считаются частью ее культурного разнообразия.

При этом социальная реклама показывает, что в реальном мире проблема неприятия других культур стоит остро. И для того, чтобы создать настоящее поликультурное общество, нужно найти в себе силы, чтобы преодолеть свои страхи и найти совместные пути существования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глазова Е.А. Этнические стереотипы во французской рекламе: история эволюции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 129–139.
2. Загряжкина Т.Ю. Франция в культурологическом аспекте. М., 2007.
3. Малик К. Крах мультикультурализма // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/krah-multikulturalizma/> (дата обращения: 23.02.2021).
4. Молчанова Г.Г. Когнитивные подходы к изменению дискурса нового поколения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 9–18.
5. *Beigbeder F.* 99 Francs. P., 2000.
6. *Bouvet L.* L'insécurité culturelle. P., 2015.
7. *Tribarne d' P.* L'étrangeté française. P., 2006.
8. *Koubi G.* Brèves remarques à propos d'une distinction entre multiculturalisme et pluriculturalisme // Revue hellénique des droits de l'homme. 2005. № 28. P. 1177–1279.
9. Сайт медиаресурса BBC. URL: https://www.bbc.com/russian/uk/2011/02/110205_cameron_multiculturalism_failed (дата обращения: 30.05.2021).
10. Сайт медиаресурса BBC. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2010/10/101016_merkel_multiculturalism_failed (дата обращения: 30.05.2021).
11. Сайт информагентства Газета. ру. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/11/12/13358533.shtml> (дата обращения: 30.05.2021).
12. Сайт-блог о 80-х гг. URL: <http://www.special80.skyrock.com/2247439633-PUBLICITE-COUSCOUS-SAUPIQUET-RICHARD-GOTAINER-1980.html> (дата обращения: 30.05.2021).
13. Сайт информагентства ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/9849859> (дата обращения: 30.05.2021).
14. Видеохостинг YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=n9b1N1sCKPU> (дата обращения: 30.05.2021).
15. Материалы рекламы взяты с видеохостинга YouTube и сайта Culturepub.fr.

Elena A. Glazova

FRENCH ADVERTISING IN THE CONTEXT OF CULTURAL DIVERSITY

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

At the end of the last century, the concept of multiculturalism came to Europe from Canada, which was considered the answer to all social issues. Currently, this concept has failed. And it was replaced by the era of polyculturalism. The polycultural environment is now spoken of in relation to all areas of human activity. In the last two decades, the policy of multiculturalism has shown its failure in French society. This is confirmed by the terrible statistics of attacks and terrorist attacks in France. The need for a polycultural environment has become particularly acute. French advertising does not directly address the cross-cultural conflict that exists in French society. However, it is a reflection of the ideology and social policy of the country. The turning point in the attitude towards black migrants in France is the 70s. In the 90s, a trend of passive tolerance appeared in advertising. In 2000, the presence of models of different nationalities in advertising became an unspoken imperative. However, just showing people of different skin colors is not a guarantee of successful cultural interaction. This study will focus on the analysis of French advertising in terms of its reflection of the polycultural environment.

Key words: French advertising; multiculturalism; cultural diversity; traditions; tolerance; cultural non-involvement; migrants; fear; couscous; school.

About the author: *Elena A. Glazova* – PhD in Philology, Associate Professor at the department of French language and culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: a-lionne@mail.ru).

REFERENCES

1. Glazova E.A. 2015. Etnicheskie stereotypy vo francuzskoy reklame: istoria evolucii. [Ethnic stereotypes in French advertising: a history of evolution]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 129–139. (In Russ.)
2. Beigbeder F. 2000. *99 Francs*. Paris. (In French)
3. Bouvet L. 2015. *L'insécurité culturelle*. Paris. (In French)
4. Iribarne d' P. 2006. *L'étrangeté française*. Paris. (In French)
5. Koubi G. 2005. Brèves remarques à propos d'une distinction entre multiculturalisme et pluriculturalisme. *Revue hellénique des droits de l'homme*, no. 28, pp. 1177–1279. (In French)
6. Malik K. 2015. Krach multikulturalizma. [The collapse of multiculturalism]. *Russia in Global Politics*. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/krah-multikulturalizma/> (accessed: 30.05.2021). (In Russ.)
7. Molchanova G.G. 2019. Kognitivnye podkhody k izmeneniu diskursa novogo pokolenia. [Cognitive approaches to the new generation worldview.] *Moscow State Uni-*

versity Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication, no. 1, pp. 9–18. (In Russ.)

8. Zagriazkina T.U. 2007. *Francia v kulturologicheskom aspekte* [France in the cultural aspect]. Moscow. (In Russ.)
9. Video hosting YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=n9b1N1sCKPU> (accessed 30.05. 2021). (In Russ.)
10. Website of media resource BBC. URL: https://www.bbc.com/russian/uk/2011/02/110205_cameron_multiculturalism_failed (accessed 30.05. 2021). (In Russ.)
11. Website of media resource BBC. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2010/10/101016_merkel_multiculturalism_failed (accessed 30.05. 2021). (In Russ.)
12. Website of media resource Gazeta.ru URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/11/12/13358533.shtml> (accessed 30.05. 2021). (In Russ.)
13. Website-blog about 80 years. URL: <http://www.special80.skyrock.com/2247439633-PUBLICITE-COUSCOUS-SAUPIQUET-RICHARD-GOTAINER-1980.html> (accessed 30.05. 2021). (In French)
14. Website of the TASS news agency. URL: <https://tass.ru/info/9849859> (accessed 30.05. 2021). (In Russ.)
15. The advertising materials are taken from the YouTube video hosting and the website Culturepub.fr. (In French).

С.А. Сиднева

ОПЫТ РЕКОНСТРУИРОВАННОЙ ТРАДИЦИИ В КАРНАВАЛЬНОМ ОБРЯДЕ САЛЕНТИЙСКИХ ГРЕКОВ “LA MORTE TE LU PAOLINU”

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В коммуне Мартиньяно (регион Апулия) в рамках Карнавала Салентийской Греции (il Carnevale della Grecia Salentina) проводится обряд «Похороны Паолину» («La Morte te lu Paolinu»). Это пример сознательно восстановленной традиции этнолингвистических меньшинств Южной Италии, но с учетом довольно архаичных и специфичных для традиционной культуры черт. С одной стороны, обряд восходит к типичной для европейских городских карнавалов традиции сожжения или разрывания масленичного чучела, символизирующего уходящий период. С другой стороны, в зависимости от современных условий и политической номенклатуры, дополняется новыми смыслами и новоизобретенными элементами. В данном исследовании предпринимается попытка выявить степень присутствия греческих элементов в обряде La Morte te lu Paolinu, описать механизмы, которые используют организаторы в процессе реконструкции более старого обряда и определить основные функции данной реконструкции.

Ключевые слова: греки Саленто; Мартиньяно; карнавал; обряд; миноритарные общины; реконструкция традиции; la Morte te lu Paolinu.

В 1996 г. по инициативе грекоязычных граждан, проживающих на полуострове Саленто в провинции Лечче региона Апулия, был создан так называемый Союз городов Салентийской Греции (Unione dei Comuni della Grecia Salentina). Его окончательный состав из 12 городов оформился только к 2007 г.: Калимера, Мартано, Кастриньяно-де-Гречи, Корильяно-д’Отранто, Мельпиньяно, Солето, Стернатия, Дзоллино, Мартиньяно Карпиньяно Салентино, Кутрофано и Сольяно Кавур [Filiari, 2001]. Каждый город устраивает мероприятия, направленные на популяризацию и сохранение исчезающего итало-румейского диалекта греческого языка – grico

Сиднева Светлана Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры итальянского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: lucia80@mail.ru).

и уникальных традиций греческих общин¹. Одна из них – Похороны Паолину (*La Morte te lu Paolinu*) в рамках «Карнавала Салентийской Греции» в городе Мартиньяно.

В организации самого карнавала участвуют сотрудники культурного центра *Palmieri*, специалисты по культуре, антропологии, лингвисты, студенты университета г. Лечче, широко привлекаются учащиеся школ Мартиньяно, а также работники местного кустарного производства, например *Sartoria popolare del Carnevale della Grecia Salentina e Martignanese* (Традиционная швейная мастерская Карнавала Салентийской Греции и Мартиньяно), актеры местных театральных трупп. В Интернет-пространстве существует официальный сайт мероприятия и его групп, таких как: *Carnevale della Grecia Salentina* или *Amici te lu Paolinu*². Однако ключевое представление «греческого карнавала» – Похороны Паолину – хотя и позиционируется организаторами как возрождение «архаичной традиции», все же вызывает сомнения в аутентичности. Это скорее пример новоизобретенной традиции, созданной на базе некоторых ранее существовавших в регионе. Такой механизм реконструирования отдельных фрагментов из прошлого и их переосмысление характерен для развития региональной идентичности или идентичности миноритарных общин вообще [Загряжкина, 2020]. Так интересным представляется исследовать отношение *La Morte te lu Paolinu* именно к «греческой идентичности» карнавала, так как на лингвистическом уровне для наименования обряда используется местный вариант итальянского, а не греческого диалекта.

С одной стороны, в плане континуитета греческого языка и культуры регион Апулия сохранил меньше непрерывных традиций³ из-за более сильного внешнего влияния и меньшей изолированности, по сравнению с островком греческой культуры в Италии – Калабрией. С другой стороны, по утверждению Хобсбаума и Рейнджера, новые традиции и ритуалы часто изобретаются для установления

¹ Сайт объединения грекоязычных коммун Италии. URL: <http://www.greciasalentina.gov.it/> (дата обращения: 13.11.2019).

² *Carnevale della Grecia Salentina*. URL: <https://www.facebook.com/CarnevalledellaGreciaSalentina/> (дата обращения: 17.06.2019).

³ Идея непрерывности существования на территории Южной Италии со времен Великой Греции, а также континуитета языка в данном регионе до сих пор является предметом спора у специалистов. Две основные теории происхождения диалекта *grico* (апулийский вариант) или *gresanico* (калабрийский) представлены у Рольфа и Морози. Первый говорит о непрерывном существовании и развитии диалекта со времен древнегреческих колоний [Rohlf, 1974]. Согласно теории Морози греческие диалекты Южной Италии в своей основе имеют язык византийских проповедников и переселенцев эпохи иконоборчества [Morosi, 1870].

принадлежности или символизации определенной группы [Hobsbawm, Ranger, 1983].

Стоит отметить, что присвоение карнавалу в Мартиньяно названия “Il Carnevale della Grecia Salentina” датируется 1985 г. Основная функция мероприятия – культурно-языковая идентификация общины южноиталийских греков и продвижение идеи Союза городов Салентийской Греции еще до его официального создания. Развернутое красочное представление с похоронами Паулину впервые зафиксировано в 1990-м. По свидетельствам информантов, записанным на видео и хранящимся в архиве культурно-туристического центра Palmieri, обряд *La Morte te lu Paolinu* до 1990 г. имел более упрощенный вариант и не был связан с «греческим карнавалом», а являлся частью обычного масленичного карнавала Мартиньяно. По улицам города в Жирный вторник бегал мальчик и кричал: «Паолину умер». Любопытно, что сам персонаж Паолину не был представлен в виде определенной фигуры, карнавального чучела или живого исполнителя в маске. После «объявления смерти» устраивались шуточные поминки, которые сопровождались причитанием «плакальщиц» – мужчин, переодетых в женщин и угощением гостей карнавала местными блюдами.

Остается не совсем решенной проблема с происхождения персонажа. Некоторые реконструкторы утверждают, что он восходит к традиционной маске провинции Лечче, адаптированной для карнавала Мартиньяно. Местные антропологи предпринимали попытки возвести обряд с Паолину к архаичному культу бога Пана, а эпизод с мальчиком, возвещавшим о смерти Паолину, рассматривался почти как реализации цитаты из сочинения Плутарха «Об упадке оракулов», в котором приводится знаменитая легенда о смерти божества.

В итальянских СМИ и культурном центре транслируется «литературная» обработка истории персонажа, которая, однако, возвращается в «народ» и в устном изложении местных информантов начинает приобретать черты фольклорного нарратива с искажениями первоначального сюжета, добавлением деталей, вариативностью, незнанием первоисточника. В более сжатом варианте истории Паулину – простой житель Лечче или Мартиньяно, который объедается на карнавале и умирает⁴. В «более обстоятельной» версии биографии персонажа Паулину – избалованный сын состоятельного отца, не обученный никакому ремеслу и проводящий жизнь в развлечениях. Отец отправляет Паолину из дому, чтобы тот освоил какое-нибудь ремесло или нашел работу. Вместо этого сын скита-

⁴ Federico Schirosi. *Lu Paulinu*. URL: <https://www.prolococopertino.it/iniziativa/carnevale-copertinese/lu-paulinu/> (дата обращения: 30.01.2019).

ется по городам и селам, пока не женится на «скромной, бережливой и работающей» дочке трактирщика, по имени Quaremma (Сорокод-невница, Великий пост). После удачной женитьбы Паулину не оставляет беззаботный образ жизни и тратит на веселье и обжорство деньги жены и тестя, пока не умирает, объевшись в последний день карнавала. В одном из вариантов истории персонаж умирает после того, как жители городка избивают его палками, чтобы наказать за разгульную жизнь, а он перед этим так сильно наедается, что не может убежать от своих преследователей. Карнавалльно-гротескный элемент обжорства остается во всех вариантах нарратива⁵.

С 1990 г. по истории о Паулину разыгрывается спектакль. В новой версии обряда организаторы карнавала развили и визуализировали традицию, часть которой раньше просто вербализовалась. Представление, как и было ранее, приурочено к Жирному вторнику. В восприятии местного населения это «финальное», «завершающее» представление масленичного цикла, так как большинство салентийских греков – католики. Однако весь карнавал салентийских греков длится три недели и по программе заканчивается в воскресенье, а не в Пепельную среду. Таким образом, формально la Carnevale della Grecia Salentina совпадает по временным рамкам с традиционным греческим, а не итальянским карнавалом.

Фигура Паолину изготавливается из папье-маше, одежду шьют портные или швеи из культурного центра Мартиньяно. Куклу помещают в гроб и носят по городу в сопровождении «похоронного оркестра» и «скорбящих друзей и родственников». К процессии присоединяются жители городка и туристы. «Похоронный кортеж» останавливается перед мэрией, магазинами, ресторанами, кафе, которые должны пожертвовать продукты питания или вино на «поминки». Во второй половине дня организуют “consulu”, поминальный обед на площади Республики, во время которого гостей и «безутешную вдову» бесплатно угощают различными блюдами: говяжьими потрошками с картошкой и традиционными сладостями la “coddima” (зерновая каша с медом и изюмом) e le “chicchere mintifocu” (аналог сладкого хвороста). Сладкое блюдо la coddima, скорее всего, комическая отсылка к поминальному греческому блюду – κόλλυβα (коливо), известному еще с античности. Оно представляло собой вариант панспермии с медом. Остальные блюда характерны для итальянской карнавалной традиции, особенно сладкий хворост, имеющий одинаковую с масленичными блинами соляную символику.

⁵ Maria De Giovanni. Paolino Carnevale e la Quaresima. URL: <http://www.salentodonna.it/la-storia-di-paolino-carnevale-di-sua-moglie-quaremma/> (дата обращения: 31.01.2021).

В представлении присутствует большая доля спонтанности и интерактивности, что позволяет ему сохранять именно ритуальные черты, хотя и не удается избежать частичного превращения в «традиционный спектакль». По замечанию J. Cuisener, сильная театрализация ритуала говорит о снижении его архаичной «сакральной» или «обрядовой» составляющей [Cuisiner, 1995: 139]. Черты превращения ритуала в «представление с элементами традиции» выделял и итальянский антрополог А. Теста: прогрессирующее разделение ролей действующих лиц и зрителей, которые в прошлом были «на вторых ролях», а не наблюдателями; все большее освещение и трансляция события через СМИ (телевидение, газеты, журналы, Интернет-сайты); развитие зрелищных элементов, которые ранее отсутствовали; нарушение строгой временной и территориальной привязки представления [Testa, 2014: 430].

Самой театрализованным элементом представления с Паолину становится оплакивание его «вдовой». Сам образ «вдовы» как бы раздваивается. У гроба помещают куклу Сорокодневницы, намекая на персонажа из народных нарративов. Плачи на местном итальянском диалекте исполняет актер-мужчина, переодетый в женщину. В течение нескольких лет успехом пользуется, например, спектакль актера Луиджи Кало, под названием “Nina Sconza Show”. Вдова в театрализованной версии обретает имя – Нина Сконца, тогда как Паолину иногда наделают обшечной «фамилией» – Cazzasassi.

В своем «плаче» исполнитель роли вдовы пародирует жанр традиционного народного плача, включая в него сатиру на политические или общественные события местного или общенационального масштаба. Он же зачитывает «завещание» покойного Паолину, воспроизводя традиционный элемент городского европейского карнавала в современной версии. В политической сатире образ Паолину используется и за пределами карнавального времени. В итальянских социальных сетях можно увидеть мемы с куклой Паолину. В них персонаж встречается с политическими лидерами, вроде Трампа, Барака Обамы, итальянских премьер-министров, избирается мэром Лечче или Мартиньяно, участвует в совещаниях итальянского парламента.

Представление с оплакиванием также «мигрирует» по времени и дублируется, например, в августе во время другого фестиваля, посвященного культуре Салентийской Греции, “La notte del Brigante”, именно как комический спектакль, а не как попытка реконструкторов восстановить «архаичный ритуал». Паолину и его «вдова» в этом смысле становятся ближе маскам итальянской комедии дель арте, чем масленичному чучелу и олицетворению Великого поста.

Однако в рамках греческого карнавала в Мартиньяно La Morte te lu Paolini все-таки завершается костром на центральной площади города, где сжигают гроб с Паулину и устанавливают фигуру Сорокодневницы. В данном случае реализуется типология культуры календарных праздников, характерная для многих народов Европы [Павловская, 2019].

В последние годы наблюдается еще большее усложнение представления с добавлением персонажей: например, кумушек Ronza и Lussy. Похожие мероприятия проводятся и в других городах Салентийской Греции: похороны Теодора (la Morte di Teodoro) в Галлиполи. Там персонаж умирает, подавившись котлеткой, и оплакивается не женой, а матерью, по имени Quaremma.

Развитие образа жены или матери карнавала, можно считать отсылкой к популярной греческой традиции персонификации поста в образе госпожи Сорокодневницы (Κύρα Σαρακοστή). В Греции широко распространен обычай выпекания из бездрожжевого теста фигурки Сорокодневницы с семью ножками, которые отрываются и съедаются в конце каждой постной недели [Βαρθωύνης, 2018: 11]. Примечательно, что в Саленто перед Великим постом в доме или во дворе подвешивают куколку старухи, сшитую из черных тряпочек и соломы. В руках такая куколка держит веретено или прялку, а к ее ногам привешивается апельсин или картофелина с воткнутыми в него семью перьями, каждое из которых символизирует семь недель Великого Поста и сжигается в конце каждой недели. Сама фигурка сжигается или разбирается на части на Пасху [Чеха, 2019: 562]. Изображение жены Паолину в виде куклы, сидящей у его гроба, как раз соответствует греческой салентийской традиции: это старуха в черном с прялкой и апельсином в руке.

Олицетворение Великого поста фиксируется и в романской традиции: например, в испанском карнавале в Мурсии (Андалусия) есть представление в виде сражения между доном Карналем и доньей Кваресма. Однако, в этом случае они выступают как символические антагонисты, а не как «родственники». В карнавале Мартиньяно фигуру Сорокодневницы используют не только во время спектакля с похоронами Паулину. При розыгрыше праздничной лотереи в последнее воскресенье карнавала Сорокодневница иногда держит барабан с выигрышными номерами, что несколько нарушает традиционную «постную» символику образа.

«Греческим элементом» похорон Паулину можно считать инкорпорацию выступлений музыкальных коллективов, которые исполняют песни на гриво.

Подводя, итоги, основными функциями возрождения обряда Паолину являются идентификационная, зрелищная и популяриза-

торская. При помощи восстановленных и усложненных традиций греки Италии пытаются сохранить свою культуру, привлечь внимание к своим общинам.

Обряд отчасти имеет греческие черты на уровне развития и репрезентации некоторых персонажей, вроде олицетворения Великого поста. Частично используется греческий пищевой код.

В реконструировании обряда используются архаичные коды календарного праздника, уже зафиксированные ранее, но переосмысленные традиции, но также изобретаются новые элементы посредством визуализации нарратива.

Ритуал отчасти театрализуется, выходит за рамки праздничного времени и места.

В обряде сильно присутствует смеховая, балаганная составляющая карнавала и политической сатиры в бахтинском духе.

Лингвистический аспект реализуется только в музыкальном сопровождении представления: некоторые песни исполняются на грісо, тогда как плачи и причитания чаще на итальянском языке. Это обусловлено малым количеством носителей языка, использующим его повседневно, а также с популяризаторской функцией праздника южноиталийских греков. В целом, стоит отметить сильную контактиацию греко-итальянской культуры и языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Загряжкина Т.Ю.* «Вехи идентичности» в межкультурном и языковом аспектах (от Прованса к Окситании) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 24–38.
2. *Павловская А.В.* Единство в многообразии: типология праздничной и обрядовой культуры народов мира. Первобытные корни // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 108–127.
3. *Чеха О.В.* Названия Великого поста в греческой народной традиции // Мир человека в зеркале языка. Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике / Отв. ред. С.М. Толстая. М., 2019. С. 562–564.
4. *Cuisener J.* La tradition populaire. Paris, 1995.
5. *Hobsbawm E., Ranger T.* The Invention of Tradition. Cambridge, 1983.
6. *Filieri G.V.* Ivo milo to grico. Ioannina, 2001.
7. *Manco F, Romano A., Saracino C.* Un giorno a Martano: riflessioni sulla situazione linguistica della Grecia Salentina // Estratto da Studi Linguistici Salentini. Vol. 26, 2002.
8. *Morosi G.* Studi sui dialetti greci della terra d'Otranto. Lecce, 1870.
9. *Rohlf's G.* Scavi linguistici nella Magna Grecia. Galatina, Congedo, 1974.
10. *Testa A.* Il Carnevale dell'Uomo-Animale. Le dimensioni storiche e socio-culturali di una festa appenninca. Loffredo Editore, Napoli, 2014.
11. *Βαρβούνης Μ.Γ.* Οι εορτές του Πάσχα στην ελληνική λαϊκή εθιμοταξία. Κομοτηνή, 2018.

Svetlana A. Sidneva

**EXPERIENCE OF THE RECONSTRUCTED TRADITION IN
THE CARNIVAL RITE OF THE SALENTINE GREEKS
“LA MORTE TE LU PAOLINU”**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Paolino's funeral is a ceremony held during the Greek Carnival in Martignano (Apulia region). This is an example of a restored tradition of the ethnolinguistic minorities of Southern Italy, but with the rather archaic and specific features of traditional culture being taken into account. On the one hand, the rite goes back to the tradition of burning or tearing of a Shrovetide effigy, typical of European city carnivals and symbolizing the passing period. On the other hand, depending on new conditions and political nomenclature, the tradition is supplemented with new meanings and newly invented elements. This study attempts to identify the degree of presence of Greek elements in the rite “La Morte te lu Paolinu”, describe the mechanisms that organizers use in the process of reconstructing an older rite, and determine the main functions of this reconstruction.

Key words: Greeks of Salento; Martignano; carnival; rite; ethnolinguistic minorities; reconstruction of tradition; funeral of Paolinu.

About the author: *Svetlana A. Sidneva* – PhD in Philology, Associate Professor at the Chair of Italian Language, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: lucia80@mail.ru).

REFERENCES

1. Zagryazkina T.Yu. 2020. “Vekhi identichnosti” v mezhkul'turnom i yazykovom aspektah (ot Provansa k Oksitanii) [“Milestones of identity” in the intercultural and language aspects (from Provence to Occitania)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 24–38. (In Russ.)
2. Pavlovskaya A.V. 2019. Edinstvo v mnogoobrazii: tipologiya prazdnichnoj i obryadovoj kul'tury narodov mira. Pervobytnye korni [Unity in diversity: typology of national festive and ritual cultures. Prehistoric time]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 108–127. (In Russ.)
3. Chekha O.V. 2019. *Nazvaniya Velikogo posta v grecheskoj narodnoj traditsii* [Names of Great Lent in the Greek folk tradition]. In *Mir cheloveka v zerkale yazyka. Ocherki po slavyanskomu yazykoznaniyu i ehtnolingvistike* [The world of human in the mirror of language. Essays on Slavic Linguistics and Ethnolinguistics.]. Ed. by S.M. Tolstaya. Moscow, pp. 562–564. (In Russ.)
4. Cuisener J. 1995. *La tradition populaire* [The folk tradition]. Paris. (In French)
5. Hobsbawm E., Ranger T. 1983. *The Invention of Tradition*. Cambridge.
6. Filieri G.V. 2001. *Ivo milo to grico* [I speak Greek]. Ioannina. (In Ital.)
7. Manco F, Romano A., Saracino C. 2002. *Un giorno a Martano: riflessioni sulla situazione linguistica della Grecia Salentina* [A day in Martano: reflections on the

- linguistic situation of Grecia Salentina]. In *Estratto da Studi Linguistici Salentini* [Extract from Salento Linguistic Studies]. Vol. 26. (In Ital.)
8. Morosi G. 1870. *Studi sui dialetti greci della terra d'Otranto* [Studies on the Greek dialects of the land of Otranto]. Lecce. (In Ital.)
 9. Rohlfs G. 1974. *Scavi linguistici nella Magna Grecia* [Linguistic excavations in Magna Graecia]. Galatina, Congedo. (In Ital.)
 10. Testa A. 2014. *Il Carnevale dell'Uomo-Animale. Le dimensioni storiche e socio-culturali di una festa appenninca* [The Man-Animal Carnival. The historical and socio-cultural dimensions of an Apennine festival]. Napoli. (In Ital.)
 11. Varvunis M.G. 2018. *Oi eortes tu Paskha stin elliniki ethimotaxia* [The holidays of Easter in the Greek folk etiquette]. Komotini. (In Greek).

Г.И. Царегородцева

**ВЛИЯНИЕ СОВЕТСКОГО ФАКТОРА
НА РАБОТУ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМИССИИ
ПО РАССЛЕДОВАНИЮ СИТУАЦИИ
В ПАЛЕСТИНЕ (1945–1946)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В данной статье рассматривается степень влияния советского фактора на работу англо-американской комиссии по расследованию ситуации в Палестине 1945–1946 гг. Несмотря на то что проблемы послевоенной Европы, в том числе проблема беженцев, предполагали совместное решение союзников по антигитлеровской коалиции, представители СССР не были включены в состав комиссии, зато Вашингтон, а еще более Лондон, опасались распространения советского влияния как в Европе, так и на Ближнем Востоке. Вместе с тем в 1945–1946 гг. период окончательного охлаждения между СССР и США еще не наступил, президент Г. Трумэн, в отличие от премьер-министра Великобритании не был склонен придавать слишком большое значение прогнозам о сближении арабского населения Ближнего востока с СССР в случае оказания поддержки еврейским беженцам Европы и создания национального еврейского очага в Палестине. По воспоминаниям участника комиссии Б. Крама, контакты с советскими представителями в Европе были, что открыло комиссии доступ в Польшу, но поскольку официально СССР не был включен в состав комиссии, доступ в Румынию и Венгрию был закрыт. Вместе с тем это стало единственным серьезным препятствием со стороны Советского Союза. А «советскую угрозу», по мнению Крама, преувеличивала Великобритания, опасавшаяся за свое положение на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: США; Великобритания; СССР; Палестина; еврейские беженцы; палестинский вопрос.

Создание и работа англо-американской комиссии по расследованию ситуации в Палестине 1945–1946 гг. показали желание недавних союзников по антигитлеровской коалиции исключить Советский Союз из процесса мирного урегулирования, чтобы остановить распространение советского влияния как в Европе, так и на Ближнем Востоке, несмотря на неопределимый вклад СССР в победу и стремле-

Царегородцева Галина Игоревна – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: galina23.11@mail.ru).

ние принять участие в судьбе освобожденных народов. В настоящее время, когда дискуссия вокруг итогов Второй мировой войны принимает все более политизированный характер, на наш взгляд, необходимо уделять внимание малоизученным вопросам истории первых послевоенных лет, особенно связанных с гуманитарными проблемами, такими как проблема беженцев, сохранение национальной и культурной идентичности в условиях послевоенного кризиса. Это необходимо для успешного преодоления современных вызовов как в процессе мирного урегулирования региональных конфликтов, так и в рамках выстраивания успешного межкультурного диалога.

Тема англо-американских взаимоотношений на Ближнем Востоке получила подробное освещение в трудах таких исследователей, как М.Я. Пелипась «Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг.», В.П. Румянцев «Ближневосточная политика США и Великобритании в 1956–1960 гг.», А.М. Уразов «Англо-американские отношения в зоне Персидского залива и стран Аравийского полуострова в конце 1950-х – начале 1960-х гг.»; целью данной статьи является в первую очередь проанализировать степень влияния Советского Союза и «советской угрозы» в англо-американских решениях по Палестине в ходе работы Англо-американской комиссии и при обнародовании результатов ее деятельности.

Комиссия получила известность в первую очередь благодаря докладу, который лег в основу многих решений американской администрации во второй половине 1940-х годов в поддержку еврейского государства на Ближнем Востоке. Эти решения и механизм их принятия освещены в работах таких исследователей, как О.А. Колобов «Соединенные Штаты Америки и проблема Палестины», Г.Г. Исаев «Истоки ближневосточного конфликта: образование государства Израиль», Р.А. Близняков, Д.А. Малышев «Палестинская проблема в международных отношениях: резолюция о разделе – конференция в Осло (1947–1993)», а также в более ранних публикациях автора данной статьи.

Уже в процессе работы совместной англо-американской комиссии ярко проявились те внешнеполитические тенденции, которые только предполагались в ряде мировых держав, в том числе в Советском Союзе. В советском руководстве достаточно долго полагали, что в палестинском вопросе решающий голос оставался у Великобритании, в то время как Соединенные Штаты активно продвигали свою внешнеполитическую линию.

Помимо непосредственно доклада комиссии по результатам ее работы появился еще один источник личного происхождения – книга воспоминаний, написанная одним из участников американской

делегации Бартли Крамом, озаглавившим свой труд «За шелковым занавесом», вероятно, делая реверанс в сторону Фултонской речи У. Черчилля.

Книга вышла в 1947 г., т.е. еще до того момента как президент Г. Трумэн принял решение признать государство Израиль де-факто, а Сталин – де-юре, до того, как Великобританию обвинили в поддержке арабов в первой арабо-израильской войне. Более того, едва ли у нас есть основания полагать, что Б. Крам мог быть знаком с отчетами и коммюнике американских дипломатов 1947–1948 гг., на протяжении нескольких лет искавших оптимальное решение палестинской задачи. Тем не менее многие его выводы находят отклик в будущих событиях второй половины 1940-х годов.

Изначально комиссия планировалась двусторонней как логическое продолжение первой комиссии, функционировавшей в июне-сентябре 1945 г., которую возглавлял декан юридического факультета университета Пенсильвании Эрл Гаррисон, и целью которой было изучение положения людей, не подлежавших репатриации. В конце августа Гаррисон представил доклад, показавший, что положение многих из них, в том числе евреев, трудное, «они по-прежнему живут в лагерях, без всякой надежды на будущее, и лишь немногие хотели бы вернуться в те страны, откуда прибыли» [Truman, 1956: 146].

Вывод комиссии был однозначен – необходимо предоставить евреям 100 тыс. сертификатов на право въезда в Палестину. Однако призыв президента Трумэна разрешить 100 тыс. евреям въезд в Палестину не встретил понимания у правительства Великобритании. В связи с этим для детального изучения вопроса была создана уже совместная комиссия, в ее состав входили с американской стороны судья пятого федерального окружного суда Хатчинсон, бывший специальный уполномоченный в Лиге Наций по немецким беженцам Джеймс Макдоналд (будущий первый американский посол в Израиле. – Г.Ц.), бывший редактор «Бостон Геральд» Фрэнк Бакстон, директор Института специальных исследований в Принстоне Фрэнк Эйделотт, бывший посол в Италии Уильям Филипс, а также судья британского королевского суда Джон Синглтон, член Палаты лордов Роберт Моррисон, член Палаты общин Ричард Кроссман, член Парламента Реджинальд Маннингхэм-Буллер, советник Мидлет Бэнк Уилфрид Крик и посредник в трудовых спорах сэр Фредерик Леггетт [Crum, 1947: 5–6].

Члены комиссии были приняты в Вашингтоне заместителем государственного секретаря Д. Ачесоном. Книга воспоминаний Ачесона также включает историю палестинского вопроса, но об этой встрече он не упоминает, зато достаточно много говорит о

том, что палестинским вопросом занимался сам президент Г. Трумэн, а вот государственный секретарь Джеймс Бирнс, напротив, старался уклониться от этой задачи, перекладывая работу на своего заместителя [Acheson, 1969: 167]. По воспоминаниям Б. Крама, президент принял их в Белом Доме и сказал, что нет проблемы, которая беспокоила бы его больше, чем проблема беженцев [Crum, 1947: 7]. Ни глава государства, ни заместитель Государственного секретаря, который был в отъезде, не сказали ни слова о Советском Союзе. Единственным, кто поднял эту тему, был глава ближневосточного отдела Госдепартамента Лой Хендерсон [Crum, 1947: 8].

По воспоминаниям Д. Ачесона, глава ближневосточного отдела также дал ряд мудрых советов президенту по вопросу Палестины, но до Трумэна они доведены не были. Идея Хендерсона заключалась в том, что мировое сообщество столкнется со следующей дилеммой: будет ли в Палестине арабское государство с еврейским национальным меньшинством, либо, наоборот, еврейское государство с арабским меньшинством. «Пока дилемма не стала слишком болезненной, – писал Хендерсон, – мы должны получить согласие Великобритании, Советского Союза и, если получится, Франции по решению этой проблемы, затем проконсультроваться с евреями и арабами до начала реализации плана» [Acheson, 1967: 170].

Таким образом, Хендерсон, известный в том числе своими анти-советскими взглядами, предлагал разделить проблему между участниками антигитлеровской коалиции. А президент Трумэн видел ситуацию совершенно иначе, полагая, что задача США решить краткосрочную задачу – помочь евреям в Европе, а долгосрочная задача – судьба Палестины – должна решаться Организацией Объединенных Наций [Acheson, 1967: 171].

Б. Крам отмечает, что «русский лейтмотив» доносился из Вашингтона, где утверждали, что в случае поддержки идеи еврейского национального очага в Палестине (а фактически государства) арабское население Ближнего Востока начнет сближение с СССР. Об этом, в частности, предупреждал государственный департамент глава Ближневосточного отдела Л. Хендерсон. Этого же мнения (только более осторожно) придерживался и заместитель Государственного секретаря Д. Ачесон. Бартли Крам задал этот вопрос одному из высокопоставленных английских чиновников (*очевидно, достаточно высокопоставленному, так как его имя в книге отсутствует*), тот ответил, что «это чушь». Крам также не разделял опасений Вашингтона, как и его коллега, будущий первый посол США в Израиле Джеймс Гровер Макдоналд.

Еще до начала основной работы комиссии ее участники общались друг с другом, и Бартли Крам по результатам этих встреч приходит к двум выводам:

1. Британцы видели в Палестине территорию, которую можно превратить в кордон, чтобы остановить советскую экспансию;

2. Члены американской делегации считали, что США придется сосуществовать с СССР, их меньше волновал вопрос национальной безопасности [Crum, 1947: 35].

Поскольку комиссия не предполагала участия советских представителей, Б. Крам осуществил неофициальную встречу с Д. Мануильским, заместителем председателя Совета Министров УССР на территории советского посольства в Лондоне. Крам и Мануильский ранее встречались на конференции в Сан-Франциско в апреле – июне 1945 г.

Встреча показала: во-первых, советское правительство считает сионистов «бессознательным орудием Великобритании»; во-вторых, в указанный период СССР стремился участвовать в англо-американских дискуссиях по судьбе Палестины. В частности, на замечание Крама о том, что англо-американская комиссия не сможет посетить Польшу, Мануильский ответил, что с этим проблем не будет. Действительно, в тот же вечер американским представителям сообщили, что у комиссии есть беспрепятственный доступ на всю территорию Польши. Вместе с тем Мануильский подчеркнул, что политика Великобритании вряд ли позволит советскому правительству придерживаться рекомендаций комиссии [Crum, 1947: 63–65].

Он также подчеркнул, что Советский Союз готов принять к себе еврейских беженцев. Это заявление явно носит формальный характер, поскольку в начале 1946 г. положение в СССР было крайне тяжелым, и брать на себя заботу о многочисленных беженцах государству было бы затруднительно.

Тем не менее в планах комиссии посещение Польши стояло далеко не на первом месте [Crum, 1947: 75]. Информацию о судьбах выживших польских евреев Крам получал в Мюнхене от беженцев, прибывавших из разных уголков Польши [Crum, 1947: 101]. В итоге после переговоров в Лондоне делегация из 12 человек разделилась на четыре группы: Крам в составе своей группы был в Германии, Праге и Вене, а его коллеги побывали в Польше, описывая царивший там страх среди еврейского населения, говорили об антисемитских настроениях, но почти не упоминали Советский Союз, т.е. советский фактор имел значение в Палестине, среди арабского населения, но не в Европе, где зоны влияния уже фактически были определены

ялтинскими соглашениями. Единственное упоминание одного из участников комиссии, британца Маннингхэма-Буллера, состояло в том, что в составе просоветского польского правительства были евреи. Это провоцировало антисемитские настроения в обществе, так как доказывало утверждение нацистов о том, что все евреи были коммунистами [Crum, 1947: 125].

Но если с посещением Польши проблем не возникло (очевидно, при поддержке Мануильского), то разрешение на въезд в Венгрию и Румынию делегация не получила. Сам Крам считает это следствием того, что СССР не пригласили принять участие в работе комиссии, о чем тот же Мануильский высказывался вполне определенно. Именно в этот момент члены комиссии задались резонным вопросом, выступает ли компартия против сионизма, однако советское правительство не делало официальных заявлений на эту тему [Crum, 1947: 138]. Согласно опубликованным документам советское правительство негативно отнеслось к работе англо-американской комиссии именно из-за того, что Великобритания старалась полностью исключить СССР из решения ближневосточной проблемы [Советско-израильские отношения, 2000: 154–155].

Однако на этом «влияние» СССР на работу комиссии прекратилось. В своих воспоминаниях Крам приходит к выводу, что фактор СССР преувеличивался именно британской стороной, которая хотела сохранить свой статус сверхдержавы. Вместе с тем очевидно и то, что предупреждения ближневосточного отдела Госдепа не повлияли ни на работу комиссии, ни на доклад о проделанной работе. Видимо, несмотря на Фултонскую речь У. Черчилля и начавшееся охлаждение между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции, «железный занавес» еще не окончательно опустился над Европой и в особенности над периферийными регионами.

В своем докладе члены комиссии однозначно, несмотря на негативное отношение арабских государств, советовали допустить беженцев из Европы в Палестину, кроме того, по их мнению, будущее государство не должно было стать ни арабским, ни еврейским. Решение подкреплялось многочисленными опросами еврейских беженцев, которые показали однозначное желание последних покинуть Европу и перебраться именно в Палестину. Кроме того, Б. Крам отмечал в своей книге многочисленные свидетельства негативного отношения к еврейским беженцам со стороны народов Европы и даже со стороны американских военных, несших службу в Германии и Австрии. Решения комиссии отвечали краткосрочным задачам, как того и хотел президент Г. Трумэн, но в целом не способствовали улучшению ситуации на Ближнем Востоке.

Таким образом, советский фактор должен был стать удобным политическим козырем в англо-американских дискуссиях по палестинскому вопросу. Великобритания призывала США помешать продвижению СССР в регионе, одновременно пытаясь сохранить свои позиции в арабском мире. Внутри администрации США также не было единого мнения о степени советского влияния на Ближнем Востоке. Однако президент Трумэн был более солидарен с англичанами, уверенными, что арабские страны не перейдут в советский лагерь, чем с сотрудниками госдепартамента. Участников англо-американской комиссии президент также подбирал таким образом, чтобы их взгляды совпадали с его собственными. Это подтверждают и мемуары Б. Крама, и мемуары Дж. Макдоналда, который через несколько лет станет первым американским представителем в Израиле. Отсутствие активных действий со стороны СССР, не получившего приглашения к участию в работе комиссии, позволило администрации Трумэна вступить с Лондоном в борьбу за лидерство в ближневосточном регионе, а исход этой борьбы, по сути, был предопределен. После публикации доклада англо-американской комиссии и рекомендации разрешить еврейским беженцам из Европы перебраться в Палестину, США и Великобритания не смогли прийти к консенсусу о дальнейшей судьбе Палестины, но Лондон уже не контролировал свою подмандатную территорию, а президент Г. Трумэн накануне выборов в Конгресс в октябре 1946 года, напротив, открыто выступил с речью в поддержку образования независимого еврейского государства на Ближнем Востоке. Внутриполитический фактор – предстоящие выборы – оказал большее влияние, чем «советская угроза», несмотря на реальные протесты со стороны арабского населения Ближнего Востока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Близняков Р.А., Мальшев Д.А.* Палестинская проблема в международных отношениях: резолюция о разделе – конференция в Осло (1947–1993). М., 2007.
2. *Исаев Г.Г.* Истоки ближневосточного конфликта: образование государства Израиль // *Rah Islamica*. 2008. № 1.
3. *Колобов О.А.* Соединенные Штаты Америки и проблема Палестины. Н. Новгород, 1993.
4. *Маринин О.В.* Социокультурный аспект изучения деятельности Советской военной администрации в Германии как актуальная проблема регионоведения // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2020. № 4. С. 143–151.
5. *Пелитась М.Я.* Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг. Томск, 2003;
6. *Румянцев В.П.* Ближневосточная политика США и Великобритании в 1956–1960 гг. Томск, 2010.

7. *Уразов А.М.* Англо-американские отношения в зоне Персидского залива и стран Аравийского полуострова в конце 1950-х – начале 1960-х гг.: Проблема сотрудничества и конкуренции: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2011.
8. *Устюгова (Царегородцева) Г.И.* Обсуждение Палестинской проблемы в администрации и Конгрессе США (1945–1946) // *European Social Science Journal* (Европейский журнал социальных наук). 2011. № 13. С. 333–343.
9. *Царегородцева Г.И.* Палестинский курс США: единство противоположностей (1945–1948 гг.) // *European Social Science Journal* (Европейский журнал социальных наук). Т. 2. 2013. № 12 С. 382–388.
10. Советско-израильские отношения: Сборник документов. Т. 1. М., 2000.
11. *Acheson D.* Present and the Creation: My Years in the State Department. N.Y., 1967.
12. *Crum B.* Behind the Silken Curtain. N.Y., 1947.
13. *Truman H.S.* Years of Trial and Hope. Memoirs of Harry S. Truman 1945–1953. Suffolk, 1956.

Galina I. Tsaregorodetseva

**THE IMPACT OF THE SOVIET FACTOR
ON THE WORK OF THE ANGLO-AMERICAN COMMISSION
FOR THE INVESTIGATION OF THE SITUATION
IN PALESTINE (1945–1946)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article is devoted to the Soviet influence on work of Anglo-American Committee of Inquiry on Palestine according to the memoirs of its member Bartley Crum, who in 1947 published a book “Behind the Silken Curtain”. Anglo-American Committee’s work took part in Europe and the Near East in 1945–1946 and, as a result, the committee came to the conclusion that the solution of the refugees’ problem is to permit Jewish refugees to go to Palestine. The Soviet Union was excluded from the work, and even though some officials from the State Department and lots of British officials were afraid of the Soviet expansion and the increase of Soviet influence in the Middle East, the real impact was rather small. However, the deep distrust between former alliances made the solution of the Palestine problem uncompleted, the report of the Committee evoked the protest in the Arab world and the negative reaction of the Soviet government. Arab-Israeli conflict has not been settled yet. Although the relations between European Jews, Muslims and European nations have changed drastically, the new challenges in foreign relations connected with refugees’ problem and the Middle East conflicts demand the contribution of all main actors.

Key words: the USA; Great Britain; the USSR; Palestine; Jewish refugees; Palestine problem.

About the author: *Galina I. Tsaregorodetseva* – PhD in Historical Sciences, Lecturer of the Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: galina23.11@mail.ru).

REFERENCES

1. Bliznjakov R.A., Malyshev D.A. 2007. *Palestinskaja problema v mezhdunarodnyh otnoshenijah: rezoljucija o razdele – konferencija v Oslo (1947–1993)*. [Palestinian issues in international relations: dividing resolution – a conference in Oslo (1947–1993)]. Moscow. (In Russ.)
2. Isaev G.G. 2008. Istoki blizhnjevostochnogo konflikta: obrazovanie gosudarstva Izrail' [Backgrounds of the Near East Conflict: the building of the Israel state]. *Pax Islamica*, no. 1 (In Russ.)
3. Kolobov O.A. 1993. *Soedinennye Shtaty Ameriki i problema Palestiny* [The United States of America and the Palestine problem]. N. Novgorod. (In Russ.)
4. Marinin O.V. 2020. Sociokul'turnyj aspekt izucheniya deyatelnosti Sovetskoj voennoj administracii v Germanii kak aktual'naya problema regionovedeniya [Sociocultural Aspect of the Policy of the Soviet Military Administration in Germany as a Topical Issue of Area Studies]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 143–151 (In Russ.)
5. Pelipas' M.Ja. 2003. *Skovannye odnoj cep'ju: SShA i Velikobritanija na Blizhnem i Srednem Vostoke v 1945–1956 gg.* [Bounded by one chain: the USA and the United Kingdom in the Near and the Middle East in 1945–1956]. Tomsk. (In Russ.)
6. Rumjancev V.P. 2010. *Blizhnjevostochnaja politika SShA i Velikobritanii v 1956–1960 gg.* [The Middle Eastern policy of the United States and Great Britain in 1956–1960]. Tomsk. (In Russ.)
7. Urazov A.M. 2011. *Anglo-amerikanske otnoshenija v zone Persidskogo zaliva i stran Aravij'skogo poluostrova v konce 1950-h – nachale 1960-h gg.: Problema sotrudnichestva i konkurencii* [Anglo-American relations in the zone of the Persian Gulf and the countries of the Arabian Peninsula in the late 1950s – early 1960s: the problem of cooperation and competition]: diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.03. Moscow, Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)
8. Ustjugova (Tsaregorodceva) G.I. 2011. *Obsuzhdenie Palestinskoj problemy v administracii i Kongresse SShA (1945–1946)* [Discussion of the Palestinian problem in the administration and Congress of the United States (1945–1946)]. *European Social Science Journal (Evropejskij zhurnal social'nyh nauk)*, no. 13, pp. 333–343. (In Russ.)
9. Tsaregorodceva G.I. 2013. *Palestinskij kurs SShA: edinstvo protivopolozhnostej (1945–1948 gg.)* [Palestinian US course: the unity of opposites (1945–1948)]. *European Social Science Journal (Evropejskij zhurnal social'nyh nauk)*, no. 12, vol. 2, pp. 382–388 (In Russ.)
10. *Sovetsko-izrail'skie otnoshenija: sbornik dokumentov* [Soviet-Israeli relations: Collection of documents]. 2000. T. 1. Moscow. (In Russ.)
11. Acheson D. 1967. *Present and the Creation: My Years in the State Department*. N.Y.
12. Crum B. 1947. *Behind the Silken Curtain*. N.Y.
13. Truman H.S. 1956. *Years of Trial and Hope. Memoirs of Harry S. Truman 1945–1953*. Suffolk.

Н.А. Карелина, Г.Ю. Френк

**РОЛЬ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПЕРВЫХ НАЦИЙ
В РАЗВИТИИ АБОРИГЕННОГО ТУРИЗМА В КАНАДЕ
(НА ПРИМЕРЕ ПРОВИНЦИИ ОНТАРИО)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматривается роль культурного наследия Первых наций (такое обращение в Канаде используется по отношению к индейцам, признанным коренными жителями страны) в развитии аборигенного туризма в провинции Онтарио. Становление аборигенного туризма в Канаде произошло в 1980-е годы с ростом общественно-политической активности коренного населения. Исследование показало стабильное развитие аборигенного туризма в провинции Онтарио на современном этапе: все больше туристов из Европы и Азии проявляют интерес к традиционной культуре первожителей Канады, их привлекает ее разнообразие и экзотичность. Развитие индустрии туризма представляет особый интерес и для самих коренных жителей. Рост аборигенного туризма продиктован стремлением Первых наций сохранить свое этнокультурное наследие, уникальные традиции и ритуалы, язык, традиционный образ жизни и хозяйственный уклад, декоративно-прикладное творчество. Развитие аборигенного туризма также способствует социальноэкономическому развитию аборигенных общин в регионе, разрешению проблемы безработицы, развитию инфраструктуры. Подобный опыт имеет особую практическую значимость для разработки региональных программ, направленных на поддержку коренных народов, в том числе и коренных малочисленных народов России.

Ключевые слова: аборигены; коренные народы; туризм; этнотуризм; аборигенный туризм; индейцы; Первые нации; культура; культурное наследие; традиционная культура.

В последние годы стремительное развитие в мире (и особенно в полиэтнических странах) получило такое явление, как этнотуризм или этнический туризм. Этнотуризм представляет собой культурно-

Карелина Наталья Александровна – кандидат географических наук, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: nata.msu@gmail.com).

Френк Галина Юрьевна – соискатель кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: galadav90@mail.ru).

образовательный туризм, который базируется на ознакомлении участников с культурой, историей и традициями различных этносов.

В Канаде особенную популярность как среди местного населения, так и среди иностранных гостей приобретает аборигенный туризм (Aboriginal/Indigenous tourism – англ.) – одно из направлений этнотуризма, который подразумевает знакомство туристов с культурными особенностями коренных народов. Аборигенный туризм в Канаде развивается при содействии туристических организаций, управление которыми осуществляется в большей степени самими коренными жителями и в районах их проживания [Карелина, 2019: 20].

На сегодняшний день Канада занимает второе место в мире по численности коренного населения: по данным последней переписи в стране проживают более 1,6 млн коренных жителей, что составляет около 5% от общего населения страны. Коренные народы представляют самую быстрорастущую этническую группу Канады: с 2006 по 2016 г. аборигенное население увеличилось практически в два раза¹.

Конституция Канады от 1982 г. относит к коренным народам три этнические группы: индейцев (по отношению к ним в Канаде используется термин «Первые нации»), инуитов (жителей северных территорий Канады) и метисов (потомков смешанных браков европейцев с представителями коренного населения в начальный период колонизации страны)². Наиболее многочисленную группу коренных жителей составляют Первые нации (около 1 млн человек), далее следуют метисы (около 600 тыс. человек) и инуиты (чуть более 60 тыс.). Около половины коренных жителей страны проживают в резервациях³.

Признание гражданских прав и свобод коренных народов на конституционном уровне в 1980-х гг. дало толчок развитию аборигенного туризма по всей Канаде. В это время были созданы первые туристические агентства под руководством коренных жителей. В 1990-х годах при поддержке государства появились первые организации, деятельность которых направлена на поддержку этноту-

¹ Statistics Canada. Aboriginal peoples in Canada: key results from the 2016 Census. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/en/daily-quotidien/171025/dq171025a-eng.pdf> (accessed: 12.11.2020).

² Constitution Canada, 1982. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/const/page> (accessed: 15.11.2020).

³ Statistics Canada. First Nations people, Métis and Inuit in Canada: diverse and growing populations. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/en/pub/89-659-x/89-659-x2018001-eng.pdf> (accessed: 10.12.2020).

ризма, такие как Aboriginal Team Canada, Aboriginal Tourism Canada, Aboriginal Tourism Marketing Circle и др. В 2015 г. функции этих организаций взяла на себе некоммерческая государственная организация Aboriginal Tourism Association of Canada. Данная структура объединяет 20 крупнейших аборигенных туристических компаний и представителей федеральной и региональной власти, которые разрабатывают инициативы по поддержке аборигенного туризма [O'Neil, 2014: 14].

В последние десятилетия в Канаде наблюдается стабильный рост аборигенного туризма. Наибольшую долю приезжающих составляют гости из Германии и Франции, за ними следуют туристы из США и Китая. С 2002 по 2014 г. количество туристических компаний, занимающихся аборигенным туризмом, увеличилось почти в два раза с 892 до 1500. Вклад этих организаций в ВВП страны возрос с 600 млн долл. до 1,4 млрд долл.; количество занятых в отрасли возросло с 13 до 33 тыс. человек. Больше трети аборигенных туристических организаций Канады на сегодняшний день располагаются в провинции Онтарио – втором по величине и самом густонаселенном регионе страны [Fiser, Hermus, 2019: 3].

В Онтарио проживают около 210 тыс. индейцев, что составляет 2,4% от всего населения провинции. Более половины индейцев проживают в резервациях – административных единицах, имеющих особый политический статус, расположенных преимущественно на севере провинции [Kelly-Scott, 2016: 3].

Культурные традиции индейцев Онтарио весьма разнообразны и представляют большой интерес для туристов разных возрастов. Продолжительность туристических туров варьируется от одного дня до недели. В качестве основных видов туристической деятельности, развитой в рамках аборигенного туризма в регионе, могут быть выделены следующие:

- знакомство с флорой и фауной (так называемый экотуризм) посредством пеших прогулок и катания на индейских каноэ в сопровождении гидов – специалистов по истории и «старожилов» из числа Первых наций. В настоящее время каждый третий турист, приезжающий в Канаду, проявляет интерес именно к этому виду туристической деятельности. По инициативе восьми общин Первых наций, проживающих в резервациях в северо-восточной части Онтарио, была создана некоммерческая организация The Great Spirit Circle Trail Inc. Силами коренных народов и при поддержке регионального правительства были разработаны маршруты, знакомящие туристов с природным миром острова Манитулин, самого большого острова в мире, расположенного на озере Гудзон [Rogers, 2009:

10]. Экскурсоводы из числа местных племен оджибве, одава, потаватоми знакомят гостей с живописной природой острова, делятся уникальными знаниями индейцев о взаимодействии человека с окружающим миром, бережным отношением к природным ресурсам;

- знакомство с жизнью и хозяйственным укладом индейских резерваций – уникальный опыт, привлекающий туристов как из самой Канады, так и из других стран. К примеру, резервация Кьюрв Лейк, расположенная в округе города Питерборо, открыта для посещения туристов с мая до середины ноября. Гости имеют возможность не только познакомиться с историей местных жителей, но и окунуться в культурную жизнь общины: старожилы рассказывают о жизни своего народа, у костра исполняются ритуалы, обрядовые танцы, рассказываются мифы и легенды, сохранившиеся в племени. Некоторые посетители предпочитают останавливаться в небольших местных отелях и гостевых домах;

- посещение объектов культурно-исторического значения в сопровождении гидов-аборигенов позволяет не только туристам узнавать о культуре коренных народов, но и дает шанс самим коренным жителям на сохранение их этнокультурного наследия. Так, например, недалеко от Питерборо в районе проживания индейцев оджибве открыт для посещения Петроклиф-парк, где хранится оставленный древнейшими жителями континента камень с вырезанными на нем пророческими рисунками. Артефакты религиозного и культурного значения, различные предметы искусства, созданные Первыми нациями, в настоящее время хранятся в залах крупнейших государственных музеев и галерей Канады. Королевский музей Канады, расположенный в Торонто, Онтарио, располагает уникальной в своем роде коллекцией индейских тотемов, отражающих образ жизни древнейших жителей региона;

- знакомство с декоративно-прикладным искусством возможно в рамках посещения ремесленных и художественных мастерских в резервациях Онтарио. Мастера из числа местных племен ирокезов, оджибве, сиу известны искусной резьбой по дереву: туристам демонстрируют производство коробов и шкатулок из березовой коры, орнаментированных в традиционном для каждого народа стиле, плетение корзин, производство деревянных фигур медведей, лосей, бобров и других животных, водящихся в регионе; женщины-мастера изготавливают керамику, украшения с этническими узорами и текстиль из хлопковой ткани местного производства. К числу популярных изделий, производимых индейцами Онтарио, относится «ловец снов» - древний магический символ, охраняющий сон от негативных образов;

- знакомство с музыкальным и танцевальным искусством индейцев региона возможно в рамках многочисленных фестивалей и театрализованных шоу. Центральным событием в культурной жизни индейцев Онтарио по праву считается фестиваль «Пау-Вау», который ежегодно посещают 50 тыс. гостей⁴. Посещение фестиваля для туристов – уникальная возможность увидеть красочные ритуальные танцы и традиционные костюмы коренных народов Онтарио, а также попробовать знаменитый кленовый сироп, рыбу, блюда из бобов и дикого риса и другие традиционные блюда индейской кухни. Не менее массовым мероприятием культурного значения является День летнего солнцестояния в культуре Первых наций – 21 июня, который в Канаде объявлен Национальным днем аборигенов. На территории Онтарио, как и в остальных регионах страны, ежегодно проходит красочный фестиваль, в котором принимают участие музыкальные и танцевальные коллективы коренных народов. Туристические компании Первых наций проводят однодневные туры для посещения ключевых мероприятий фестиваля.

Как показывает исследование, аборигенный туризм – одно из наиболее перспективных и стремительно развивающихся направлений туристического сектора в Канаде. Аборигенный туризм базируется на этнокультурном своеобразии многочисленных коренных народов, в той или иной степени сохранивших свое культурно-историческое наследие. Духовные и религиозные представления, мировоззренческие установки, традиционные знания о взаимодействии с окружающим миром, вековые традиции, самобытное декоративно-прикладное творчество выступают в роли уникального «культурного продукта», привлекающего туристов и ценителей традиционной культуры со всего мира. Рост аборигенного туризма не только способствует экономическому развитию провинции Онтарио, резерваций и отдельно взятых общин, но и дает Первым нациям Канады шанс на стабильное развитие и сохранение своего культурного наследия в условиях глобализации и развития массовой культуры. Большое значение приобретает возможность консолидировать силы всей общины и передать традиционные знания подрастающему поколению.

Опыт Канады в этом вопросе имеет особую практическую значимость для разработки региональных программ поддержки и популяризации культурного наследия малых коренных народов России.

⁴ Pow Wow Visitor's Guide. URL: <https://www.powwows.com/main/pow-wow-visitors-guide/> (accessed: 11.01.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Карелина Н.А.* Аборигенный туризм как одно из направлений сохранения и развития культуры коренных народов Канады // Человек и культура. 2019. № 4. С. 20–25.
2. Constitution Canada. 1982. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/const/page> (accessed: 15.11.2020).
3. *Fiser A., Hermus G.* Canada's Indigenous tourism sector: insights and economic impacts. Ottawa: The Conference Board of Canada, 2019. P. 52.
4. *Kelly-Scott K.* Aboriginal peoples: fact sheet for Ontario. Statistics Canada, 2016. P. 8.
5. *O'Neil B.* National Aboriginal tourism research project 2014. Vancouver, BC: Aboriginal Tourism Marketing Circle, 2014. P. 232.
6. *Pow Wow Visitor's Guide.* URL: <https://www.powwows.com/main/pow-wow-visitors-guide/> (accessed: 11.01.2021).
7. *Rogers J.* Tourism in Northern Ontario. Ontario: Industry Canada, 2009. P. 19.
8. *Statistics Canada.* Aboriginal peoples in Canada: key results from the 2016 Census. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/en/daily-quotidien/171025/dq171025a-eng.pdf> (accessed: 12.11.2020).
9. *Statistics Canada.* First Nations people, Métis and Inuit in Canada: diverse and growing populations. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/en/pub/89-659-x/89-659-x2018001-eng.pdf> (accessed: 10.12.2020).

Nataliya A. Karelina, Galina Yu. Frenk

THE ROLE OF FIRST NATIONS' CULTURAL HERITAGE IN THE DEVELOPMENT OF ABORIGINAL TOURISM IN CANADA (ON THE EXAMPLE OF ONTARIO)

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article analyzes the role of First Nations' cultural heritage (the term "First Nations" is generally used relating to Indians – groups of Canadian Indigenous peoples, who are classified as distinct from the Inuit and Métis) in the development of Aboriginal tourism in Canada on the example of the province of Ontario. The development of Aboriginal tourism in Ontario started in the 1980s due to increased political participation of Indigenous people. The conducted research demonstrates the stable development of Indigenous tourism in Ontario: these days more and more tourists from Europe and Asia are getting interested in traditional culture of Aboriginal people living in the province. Aboriginal tourism is seen as a tool to preserve First Nations' culture, traditions, history, rituals, languages, and traditional way of life, arts and crafts. Aboriginal tourism provides opportunities to promote cultural heritage while increasing Indigenous peoples capacity and economy. Such experience is of special practical importance for the creation of governmental programs for support of Indigenous minorities worldwide.

Key words: Aboriginal people; Indigenous peoples; tourism; ethnotourism; Aboriginal tourism; Indians; First Nations; culture; cultural heritage; traditional culture.

About the authors: *Nataliya A. Karelina* – PhD, Associate Professor, Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: nata.msu@gmail.com); *Galina Yu. Frenk* – PhD student, Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: galadav90@mail.ru).

REFERENCES

1. Karelina N.A. 2019. Aborigennyj turizm kak odno iz napravlenij sohraneniya i razvitiya kul'tury korennyh narodov Kanady [Aboriginal tourism as one of the steps towards preservation and development of the culture of Canada's Indigenous population]. *Chelovek i kul'tura*, no. 4, pp. 20–25. (In Russ.)
2. Constitution Canada. 1982. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/const/page> (accessed: 15.11.2020).
3. Fiser A., Hermus G. 2019. *Canada's Indigenous tourism sector: insights and economic impacts*. Ottawa, The Conference Board of Canada.
4. Kelly-Scott K. 2016. *Aboriginal peoples: fact sheet for Ontario*. Statistics Canada.
5. O'Neil B. 2014. *National Aboriginal tourism research project*. Vancouver, BC, Aboriginal Tourism Marketing Circle.
6. Pow Wow Visitor's Guide. URL: <https://www.powwows.com/main/pow-wow-visitors-guide/> (accessed: 11.01.2021).
7. Rogers J. 2009. *Tourism in Northern Ontario*. Ontario, Industry Canada.
8. Statistics Canada. *Aboriginal peoples in Canada: key results from the 2016 Census*. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/en/daily-quotidien/171025/dq171025a-eng.pdf> (accessed: 12.11.2020).
9. Statistics Canada. First Nations people, Métis and Inuit in Canada: diverse and growing populations. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/en/pub/89-659-x/89-659-x2018001-eng.pdf> (accessed: 10.12.2020).

ЯЗЫК И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

М.М. Раевская

ДИСКУРС ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ КОММУНИКАЦИЯ ИСПАНСКОЙ МОНАРХИИ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В рамках институциональной политической коммуникации дискурс монарха, являющийся по своей сути лингвосоциальной категорией, выступает как важнейшая разновидность общественно-политического взаимодействия между различными социальными стратами, направленная на его регулирование и достижение согласия всех его участников: по причине общей тенденции по демократизации социальных отношений в рамках современного постиндустриального общества в его текстах в обязательном порядке присутствует социальная составляющая, которая отражает исторический контекст бытования страны. Материалом исследования являются тексты формирующих корпус институциональной коммуникации публичных выступлений испанского монарха Филиппа VI, опубликованные на сайте Испанского Королевского дома в 2020–2021 гг. В статье рассматриваются относящиеся к значимым категориям социально-ориентированного дискурса главы государства средства идеологического (*идеологемы*) и эмоционального (*маркеры социальной эмпатии*) воздействия, а также проанализированы формы, использующиеся в целях достижения максимального психологического созвучия с национальной аудиторией. В результате исследования сделан вывод о том, что последние два года, отмеченные глобальными вызовами для всего человечества (пандемия коронавируса, климатические изменения), коммуникацию Филиппа VI можно назвать в полной мере *социально-ориентированным дискурсом*, который имеет определенный набор идеологических и формальных средств, подчиненных данной задаче.

Ключевые слова: властный дискурс; социально-ориентированная коммуникация; идеологемы современного периода; публичное выступление; испанская монархия; Филипп VI.

Раевская Марина Михайловна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой испанского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: mraevskaya@gmail.com).

В рамках институциональной политической коммуникации дискурс власти¹ рационально-легального типа (согласно типологии М. Вебера) в лице монарха представляет собой особое измерение со своими собственными константами и переменными: с одной стороны, он предполагает иерархические взаимоотношения с адресатом в силу традиционно наследуемых полномочий, а с другой – использует вполне определенные средства и стратегии сближения с национальной аудиторией по причине общей тенденции по демократизации социальных отношений в рамках современного до сих пор иерархического общества. В его текстах в обязательном порядке присутствует в большей или меньшей степени проявленная социальная составляющая, которая не только отсылает к разного рода политическим, моральным, общечеловеческим и религиозным ценностям, но и сама по себе предопределяется зависимостью от общественного договора, наделившего это лицо властными полномочиями в силу традиционного порядка. В соответствии с этим монарх предстает как занимающая высшую социальную позицию в государстве элитарная языковая личность, представляющая определенный социальный институт (в данном случае – монархию) и осуществляющая коммуникативную деятельность с учетом динамики исторического контекста развития страны и общества, в том числе социальных запросов последнего [Раевская, Селиванова, 2020а: 59].

Основы понимания дискурса представителей политической элиты как зависящего от исторического контекста фундаментального властного ресурса, направленного на контролирование общественного сознания, были заложены в работах Т. Ван Дейка и М. Фуко. Согласно определению Т. ван Дейка, элита – это группа лиц в социально-политической структуре государства, которая наделена правом принимать влиятельные решения и контролировать их исполнение [Ван Дейк, 2013: 14–15]. При этом монарх занимает особое место в политической элите государства: являясь символом национального единства, он выступает ключевой фигурой в *продвижении* судьбоносных для общества решений и *мобилизации* коллективных усилий для созидательной деятельности.

Вместе с тем в настоящее время при сохранении высшей позиции в социальной иерархии благодаря складывавшейся веками форме правления и наследуемым по традиции полномочиям, институт монархии подвержен реформированию в зависимости от историче-

¹ Изучением дискурса власти занимались Т. Адорно, Р. Барт, Ж. Бодрийар, П. Бурдьё, М. Вебер, Р. Водак, Т.А. ван Дейк, П. Серио, В. Уэллс, М. Фуко, Ю. Хабермас, Н. Хомский, Э.В. Будаев, В.И. Карасик, О.Л. Данилова, Г.В. Пушкирева, В.Э. Согомонян, И.А. Стернин, В.Е. Чернявская, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и др.

ского контекста и требований социума: в современных европейских монархиях король как первое лицо в государстве должен не только отвечать за сохранение и соблюдение устоявшихся в социально-политической и культурной жизни норм, но и соответствовать ожиданиям демократического общества. В силу этого вслед за А.А. Тихоновым дискурс современных европейских монархов можно рассматривать в обобщенном смысле как способ осуществления властных полномочий и организации человеческой деятельности, реализуемый в контексте постиндустриального информационного гражданского общества, развивающегося в высокоразвитых странах [Тихонов, 2013: 54, 56].

В настоящее время в испанском обществе закономерно возросла роль властного дискурса в своей высшей статусной разновидности (дискурс государственного лидера – монарха), которая в современных условиях имеет постепенно выходящую на первый план социальную ангажированность. Материалом исследования являются относящиеся к институциональной коммуникации тексты адресованных национальной аудитории публичных выступлений испанского монарха Филиппа VI², опубликованные на официальном сайте Испанского Королевского дома в период с января 2020 г. по настоящее время³.

За исходное положение принято рассмотрение *дискурса монарха* как разновидности дискурса власти, представляющего собой «процесс коммуникативной актуализации конвенционально закрепленных и обладающих императивной интенцией смыслов, явлений, идей и идеологий» [Согомонян, 2012: 47], которые реализуются при помощи определенных стратегий и языковых средств воздействия на адресата. Под *социально-ориентированным дискурсом* в статье понимается содержащая социально-значимую информацию коммуникативная практика личности, которая затрагивает жизненно важные сферы деятельности общества и создает необходимый для политической проблематизации эмоциональный фон [Лухина, 2011: 3].

Институт монархии регулирует исторически сложившуюся в Испании систему отношений между различными конституционными органами в государстве, которое по форме правления представляет собой конституционную парламентскую монархию: король – глава государства, реализует символическую и представительскую функции в стране, характеризующейся высокой степенью децентра-

² Филипп VI – глава Испанского Королевского дома с 19.06.2014 г. по настоящее время.

³ Casa de Su Majestad el Rey. URL: <https://www.casareal.es> (дата обращения: 20.08.2021).

лизации и включающей 17 региональных автономных сообществ, каждое из которых имеет свою политическую и экономическую историю.

В современных исследованиях [Barredo Ibáñez, 2013; Belda, 2015; Fuentes Rodríguez, 2015; García-Ramos, 2016; Gaspar e N. Ibeas, 2015; Martín Jiménez, 2008, 2010; Medina Lopez, 2014, 2016; Ortega, Concejero y de Uña, 2014; Prego Vázquez 2007; Ramos Fernández, 2013; Real Castro, 2014; Zugasti, 2007; Алексеева, 2012; 2017] отмечается, что после авторитарного правления Франко институт монархии в Испании хорошо осознавал свою роль цементирующего фактора, во многом способствующего сплоченности нации. Результаты исследования Х. Медины Лопеса показывают, что в начале XXI столетия основной задачей главы Испанского Королевского дома было доказательство легитимности и полезности института монархии, призванного выступать мостом между исполнительной и законодательной властью и выполнять посредническую роль «в стране с очевидной националистической напряженностью» [Medina Lopez, 2016: 62–63].

Как указывает Г. Прего Васкес, когда проявившиеся на рубеже XX и XXI столетий проблемы, порожденные экономическим кризисом, начали вызывать большой дискомфорт в широких слоях общества, в коммуникационной практике института испанской монархии был обозначен социальный вектор: в текстах королевских речей стала звучать социальная тематика, связанная с культурными и образовательными аспектами, проблемами жестокого обращения в семье, ролью женщины в общественной жизни, бедностью, безработицей, иммиграцией, кризисом ценностей и т. д. [Prego Vázquez, 2007: 122].

В монографии М. Вентеро Веласко нашел свое отражение вопрос о тематическом содержании Рождественских речей испанского монарха Хуана Карлоса I в период с 1975 по 2009 г. Как показывает его исследование, из семнадцати постоянно обсуждавшихся тем согласно частотности упоминания в фокусе основного внимания в то время находились *национальное единство, монархия, терроризм, экономика и Испания*, а социальная составляющая (*política social, jóvenes, familia – социальная политика, молодежь, семья*) занимала три последние позиции [Ventero Velasco, 2010: 406]. Все остальные социальные проблемы (например, *положение женщины, гендерное насилие*) упоминались нерегулярно в зависимости от их общественного резонанса.

А. Гаспар и Н. Ибеас отмечают, что позднее, в условиях все более углубляющегося социального и институционального кризиса 2011–2012 гг., затронувшего непосредственно членов испанской

Королевской семьи, содержательный центр стал смещаться в сторону большего внимания к проблемам социума посредством комментирования самых общих позиций, не вызывавших разногласий. Публичную коммуникацию в исполнении Хуана Карлоса I в то время можно охарактеризовать как дискурс монарха, претендующего на роль «отца нации» [Gaspar e Ibeas, 2015: 44], который тем не менее ограничивался общей декларацией идей (единства, общественного блага) и проблем, не вникая в их суть [García-Ramos, 2016: 25].

Согласно данным А. Гарсиа-Рамоса, постоянно представлены в королевских Рождественских посланиях⁴ с 2001 по 2015 г. и отмечены наивысшей степенью очевидного общественного консенсуса проблемы социального равенства и солидарности с обездоленными (*necesidad de una mayor igualdad y solidaridad con los desfavorecidos*), гендерного неравенства (*desigualdad entre hombres y mujeres*), личности (*preocupaciones y situaciones personales*), безработицы (*paro*), образования (*educación*) и наркотиков (*drogas*) [García-Ramos, 2016: 45]. При этом автор отмечает явное стремление обоих ораторов (с 2001 по 2013 г. – Хуана Карлоса I и с 2014 г. – Филиппа VI) избежать их негативного комментария в текущий момент и сфокусировать внимание на их решении в будущем [там же: 46]. Можно сказать, что в то время институциональная коммуникация в лице высших представителей Испанского Королевского дома выстраивалась как *дискурс понимания* (со стороны адресанта) и *завоевания доверия* к нему со стороны общества: оба оратора сознательно стремились создать образ монарха, полезного обществу и осуществляющего посредничество с позиций здравого смысла и беспристрастности [Medina Lopez, 2016: 34].

В современной научной библиографии по теме жанровой специфики дискурса испанской монархии значатся работы зарубежных [Ballenilla y García de Gamarra, 2015; Cano-Orón y Llorca-Abad, 2017; Casado Velarde, 2010; Medina López, 2016; Ruiz Ruiz, 2001; Ventero Velasco, 2010] и российских [Раевская, Селиванова, 2020a; 2020б] авторов. В фокусе их исследований находятся параметры институционального статусного дискурса двух королей Испании (Хуана Карлоса I и Филиппа VI), который явно эволюционирует в соответствии с историческим контекстом жизни страны [Раевская, Селиванова, 2020a]. В последние два года (2020–2021), отмеченные глобальными потрясениями для всего человечества (пандемия коронавируса, климатические изменения), коммуникацию Филиппа VI

⁴ Mensaje de Navidad de Su Majestad el Rey.

можно назвать в полной мере *социально-ориентированным дискурсом*, в котором задача достижения социального благополучия сограждан поставлена на первое место:

*Al abrir la Legislatura iniciamos un nuevo periodo político en el que ... Sus Señorías decidirán sobre cómo **mejorar las condiciones de vida y la manera de resolver los problemas de nuestros ciudadanos ... y cómo garantizar para las sucesivas generaciones el desarrollo y el progreso social que hemos alcanzado*** (Речь по поводу открытия XIV сессии Парламента, 03.02.2020).

Публичный дискурс Филиппа VI в период с 2020 г. по настоящее время насчитывает 100 выступлений, из них 25 речей относятся к институциональной категории⁵. Прежде всего следует отметить, что идея *социального государства*, имеющего развитые и эффективные социальные институты, считается уже реализованной и подается в ракурсе эвиденциальной модальности при помощи закрепленной Конституцией идеологемы “*España como un Estado Social y Democrático de Derecho*”:

*Ese diálogo y esa voluntad de entendimiento cobran todo su sentido y alcanzan todo su significado en la propia definición constitucional de **España como un Estado Social y Democrático de Derecho*** (Речь по поводу открытия XIV сессии Парламента, 03.02.2020)

Vivimos en un Estado Social y Democrático de Derecho... (Рождественское послание, 24.12.2020).

Призыв к строительству лучшего будущего для следующих поколений выступает важнейшей составляющей *социальной политики*, которая в дискурсе Филиппа VI получила оформление в виде еще одной актуальной в современном историческом контексте идеологемы “*construir un país mejor*”:

Sigamos construyendo en su ausencia, pero con su recuerdo, un país mejor para las próximas generaciones (Речь на церемонии поминовения жертв пандемии коронавируса, 15.07.2021).

Кроме того, относящиеся к ключевым позициям социально-ориентированной коммуникации идеи *социальной справедливости и равенства* в Рождественском послании 2020 г. Филиппа VI получили наиболее емкую за все годы его правления формулировку, когда *забота о человеке* была объявлена главной задачей государственной социальной политики:

Cada persona importa y mucho. Por tanto, las personas y las familias deben ser nuestra preocupación fundamental (Рождественское послание, 24.12.2020).

⁵ С 01.01.2020 по 20.08.2021, согласно данным сайта URL: <https://www.casareal.es/> (дата обращения: 20.08.2021).

Более того, защита наиболее уязвимых слоев населения и борьба с неравенством, которое создала или усугубила пандемия, объявлено *делом чести и достоинства* всего политического сообщества, что придает ей высшее *ценностное* измерение и усиливает тем самым аксиологическую модальность сообщения:

Proteger a los más vulnerables y luchar contra las desigualdades que la pandemia ha creado o ha agravado es una cuestión de dignidad entre quienes formamos una misma comunidad política... (там же, 24.12.2020).

Следует отметить также, что в целях достижения максимальной политической корректности Филипп VI в своих выступлениях перед национальной аудиторией, в отличие от своего отца, почти не упоминает лексемы *patria*⁶ и *compatriotas* (*Родина* и *соотечественники*), что объясняется изменением социально-политического контекста: страна приняла за последние пять лет миграционного кризиса значительное количество новых граждан, для которых Испания не является родиной.

К значимым категориям социально-ориентированного дискурса относится и идея *социального договора* между обществом и институтом монархии, которая в публичных речах Филиппа VI вербализована в виде идеологемы “*Rey constitucional*” – *король, имеющий правовой статус Главы государства и действующий в соответствии с Конституцией Испании* [Алексеева, 2017: 175], что очевидно в ситуации, когда современное испанское общество транслирует запрос на законность и социальную справедливость:

Así lo he considerado ... especialmente desde el 19 de junio de 2014, cuando afirmé ante estas Cortes Generales que comenzaba el reinado de un Rey constitucional; un Rey comprometido con España y con todos los españoles, comprometido con la democracia y con la libertad; comprometido con la Constitución (Речь по поводу открытия XIV сессии Парламента, 03.02.2020).

Не участвуя в выборах, не неся прямой ответственности за политическую, социальную или экономическую ситуацию в стране, король тем не менее должен заслужить общественное признание и доказать свою лояльность национальному социуму. В этой связи первостепенное значение приобретает идея *личного участия* Королевской семьи в жизни каждого гражданина, подчеркивающая социальную ориентированность института монархии в современной Испании. Филипп VI идет дальше своего отца⁷, сразу обозначив

⁶ См. [Раевская, 2012].

⁷ ***Permitidme... ofreceros esta Casa...*** (Хуан Карлос I, Рождественское послание, 24.12.1983).

свою позицию *верного слуги народа* (“*el primer servidor de los españoles*”), которая стала еще одной идеологемой современного периода в его дискурсе:

...estaré siempre a vuestro lado como el primer servidor de los españoles (Рождественское послание, 24.12.2014).

Es también mi compromiso personal que ... quiero renovar ... con el mismo sentido del deber y vocación de servir a España y a todos los españoles que ha inspirado toda mi vida y especialmente desde aquel 19 de junio de 2014 (Речь по случаю вручения Ордена за Гражданские Заслуги и 7-й годовщины провозглашения королем Испании, 18.06.2021).

В современном открытом информационном обществе репутация и авторитет⁸ первого лица в государстве имеют первостепенную важность для завоевания доверия со стороны общества и возможности влиять на него. Монарх должен быть не только объективен, но и безупречен во всех проявлениях, в связи с чем Филипп VI постоянно транслирует идею равенства всех перед законом:

Ya en 2014, en mi Proclamación ante las Cortes Generales, me referí a los principios morales y éticos que los ciudadanos reclaman de nuestras conductas. Unos principios que nos obligan a todos sin excepciones; y que están por encima de cualquier consideración, de la naturaleza que sea, incluso de las personales o familiares (Рождественское послание, 24.12.2020).

Более того, в 2020 г. Филипп VI пошел на беспрецедентный шаг, на деле доказав отсутствие привилегированного положения Королевской семьи, которая оказалась в центре скандала, связанного с возможными зарубежными счетами экс-короля Хуана Карлоса: после вскрывшихся фактов Филипп отказался от наследства отца и лишил его ежегодного содержания за счет бюджета страны. Реакция Испанского Королевского дома по этому поводу имела форму *письменного административного дискурса* – на его сайте было опубликовано официальное сообщение⁹, относящееся к *институциональной коммуникации информативно-распорядительного типа*, которое сыграло ключевую роль в разрешении самого серьезного за последние десять лет институционального кризиса, затронувшего основу политической системы государства.

Обращает на себя внимание и более частая в годы правления Филиппа VI практика проведения церемоний награждения нацио-

⁸ *Auctoritas*.

⁹ Comunicado sobre las informaciones referidas a S.M. el Rey Don Juan Carlos aparecidas en distintos medios de comunicación. 15.03.2020. URL: https://www.casareal.es/ES/AreaPrensa/Paginas/area_prensa_comunicados_interior.aspx?data=112 (дата обращения: 20.08.2021).

нальными премиями и стипендиями¹⁰ представителей гражданского общества как высшая форма личной признательности монарха за их заслуги перед Испанией. В связи с этим в его публичных речах постоянно используются формулы личной благодарности за бескорыстное служение обществу как маркер *социальной эмпатии* и форма *социального поведения*, относящиеся к стилистическому приему гомилетико-политического дискурса:

Les agradecemos la rectitud de su comportamiento, su sacrificio, la forma en la que ponen en juego todo su conocimiento, su experiencia e incluso sus propias vidas (Речь на церемонии награждения Премией Принцессы Астурийской, 16.10.2020).

Pero mi propósito y mi deseo es reconocer con esta ceremonia los méritos de ciudadanos, de hombres y mujeres ejemplares de todo nuestro país, y así dar continuidad a una tradición que inicié en 2015...(Речь по случаю вручения Ордена за Гражданские Заслуги и 7-й годовщины провозглашения королем Испании, 18.06.2021).

Acabáis de recibir la Orden del Mérito Civil, que reconoce los servicios extraordinarios realizados en beneficio de nuestra sociedad... (там же, 18.06.2021).

Кроме того, социальная составляющая в выступлениях современного государственного лидера Испании помимо тематической получила и явную эмоциональную разработанность, что можно объяснить влиянием трагических событий, связанных с пандемией 2019–2021 гг., когда в коммуникационную практику первого лица государства была включена категория речей, произносимых на церемонии поминовения жертв коронавируса и чествования гражданского общества (*Acto solemne de homenaje a las víctimas del coronavirus y reconocimiento a la sociedad*), имеющих исключительный патетический характер. В частности, у ставших привычными формул выражения чувств и признательности (*el gran honor, un recuerdo muy especial, nuestro cariño y afecto, nuestra admiración y respeto, nuestro apuro*) был максимально повышен градус эмоционального воздействия при помощи лексем-интенсификаторов параметрической семантики (*infinito, profundo, grande, mayor, inmenso, total, todo, muy sentido, emocionado, de corazón*):

A todos os envío especialmente hoy mi mayor ánimo y afecto (Рождественское послание, 24.12.2020).

... quiero decirles que cuentan con todo nuestro sentimiento, con nuestro mayor respeto y con nuestro abrazo emocionado (Речь на церемонии поминовения жертв пандемии коронавируса, 15.07.2021).

¹⁰ 21 церемония вручения национальных премий с января 2020 г. по настоящее время, согласно данным сайта. URL: <https://www.casareal.es> (дата обращения: 20.08.2021).

... *queremos manifestar **nuestra gratitud infinita*** (там же, 15.07.2021)

За последние два года в публичном дискурсе монарха по кризисной тематике значительно расширен спектр эмоций личного переживания, которые можно проследить в выражениях, использующихся для демонстрации личной сопричастности с каждым членом социума. Ярким примером является одна из первых речей, посвященных памяти жертв коронавируса (16.07.2020), в которой максимальное психологическое созвучие адресанта с аудиторией реализуется при помощи стилистического приема повтора семантически близких лексем и идей:

*Quiero recordar, en 1er lugar, a los fallecidos; transmitir a sus familiares **nuestro profundo pesar y consuelo más sincero; todo nuestro afecto y el abrazo más emocionado. No están solos en su dolor; es un dolor que compartimos; su duelo es el nuestro, que aquí se hace presente ante todos los españoles*** (Речь на церемонии поминовения жертв пандемии коронавируса, 16.07.2020).

Высшая степень патетического накала достигается за счет доминирующих в речи выражений *бенефактивной оценочной и эмоциональной семантики* (24 единицы), придающих исключительную эмоциональную модальность данному выступлению, которое явно обозначило *дискурс солидарности* в современной коммуникативной практике монарха.

При этом следует отметить, что помимо традиционных референций к таким общечеловеческим качествам, как *мужество (valentía), щедрость (generosidad), самоотверженность/жертвенность (esfuerzos, sacrificios)* и *милосердие (misericordia)*, в последние два года в публичном дискурсе Филиппа VI превалируют номинации таких приобретших остросоциальное звучание в кризисный период морально-этических ценностей, как *личный пример (ejemplaridad), гражданственность (civismo), зрелость (madurez), выдержка (resistencia), социальные обязательства (compromiso con los demás), солидарность (solidaridad), ответственность (responsabilidad), сила духа (fuerza moral), решимость (la determinación frente a la adversidad), уверенность в преодолении (el espíritu de superación)*, подающиеся в контексте ассертивной модальности.

В целом дискурс Филиппа VI социально ориентирован как по содержанию, так и по форме. Интересно, что в текстах публичных выступлений монарха отмечается считающееся избыточным в испанском языке употребление местоимения 1 лица единственного числа *yo* (*я*), которое в данном случае имеет название "*yo*" *real y enfático*¹¹: оно встречается в традиционных формулах благодарности

¹¹ *Королевское эфатическое «я»* [Medina Lopez, 2016: 62].

от имени каждого члена Королевской семьи, а также объясняется необходимостью подчеркнуть личное участие в выполнении непосредственных обязанностей:

Todo eso lo hemos comprobado personalmente la Reina y yo durante este tiempo (Рождественское послание, 24.12.2020).

Y en la seguridad de que así será, la Reina, la Princesa de Asturias, la Infanta Sofía y yo os agradecemos muy sinceramente... (там же, 24.12.2020).

Однако в последние два года обращает на себя внимание усиливающее эпистемическую модальность сообщения интенциональное использование Филиппом VI личной формы *yo* в целях трансляции *большей степени убежденности* в преодолении проблемного контекста ("*yo*" *de autoridad*), а также для подчеркнутого обозначения *личной ответственности* перед согражданами и своей роли в обществе ("*yo*" *de responsabilidad*):

Pero yo estoy seguro de que vamos a salir adelante... (Рождественское послание, 24.12.2020).

Y, como Rey, yo estaré con todos y para todos... (там же, 24.12.2020).

Характерным для социально-ориентированного дискурса является и усиливающее *идею сопричастности* употребление притяжательного местоимения 1 лица множественного числа *nuestro*, передающее семантику разделяемой совместной жизни, общих судьбы и ценностей, созидания, умения, возможностей, достигнутых результатов, планов на будущее, эмоций, чувств долга и коллективной ответственности за будущее страны, ошибки и недостатки: *nuestra convivencia social y política, nuestra vida en común, nuestro modo de entender la vida, nuestra visión de la sociedad y del ser humano, nuestros grandes proyectos comunes, nuestras estructuras productivas, nuestros sentimientos e ideas, nuestras diferencias y nuestra pluralidad, nuestros problemas, nuestro futuro, nuestra historia, nuestras fortalezas, nuestro papel colectivo, nuestras carencias o errores* и др.

Кроме того, следует упомянуть традиционное при обращении к согражданам использование притяжательного местоимения 2 лица множественного числа *vuestro* и глаголов, соответствующих личной форме *vosotros*, которые в испанском менталитете сопряжены с более дружеским и искренним отношением к собеседнику:

Vuestro ejemplo nos une, nos emociona y nos enorgullece; sois un espejo en el que todos debemos mirarnos; desde luego el Rey (Речь по случаю вручения Ордена за Гражданские Заслуги и 7-й годовщины провозглашения королем Испании, 18.06.2021).

Обращает на себя внимание и часто встречающийся в публичных речах Филиппа VI прием многократного повтора номинаций, объединенных семантикой совместных достижений, действий, общих

ценностей и чувств, который вызывает наибольший эмоциональный резонанс у аудитории:

*Ese diálogo y esa voluntad de entendimiento cobran todo su sentido y alcanzan todo su significado en la propia definición constitucional de España como **un Estado Social y Democrático de Derecho. Un Estado Social; un Estado Democrático; y un Estado de Derecho.** Los tres pilares esenciales sobre los que ... se ha construido la España actual* (Речь по поводу открытия XIV сессии Парламента, 03.02.2020).

*Pongamos juntos, pongamos unidos **toda nuestra voluntad, nuestra capacidad, todo nuestro saber, todo nuestro esfuerzo y empeño** para poder mirar hacia el futuro con confianza y con esperanza* (Речь на церемонии поминовения жертв коронавируса, 16.07.2020).

*Ese será, sin duda, el mejor homenaje renovado que podamos ofrecer en el mañana a quienes hoy, con toda justicia y merecimiento, **recordamos, reconocemos y honramos*** (там же, 16.07.2020).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что Филиппа VI отличает более близкая по сравнению с его предшественником позиционированность к социуму, когда Испанский Королевский дом, несмотря на все негативные события, сумел установить доверительные отношения с национальной аудиторией и сделал серьезную заявку на реальное соблюдение декларируемых нравственных ориентиров. Основным вектором институционального властного дискурса в лице испанской монархии на современном этапе развития страны является регулирование общественных отношений согласно нравственным императивам в рамках сложившегося на данный момент общественного порядка, которое реализуется в рамках *социально-ориентированной коммуникации*. Таким образом, в современной Испании публичный дискурс монарха Филиппа VI, взятый в его национальной адресации, представляет собой один из видов социально-конгруэнтного взаимодействия с обществом, которое можно рассматривать как инструмент коллективной информационной и психо-эмоциональной мобилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеева Т.А.* Институт главы государства в Испании: формирование и эволюция доктрины в национальном правоведении // Вестник РУДН. Сер. Юридические науки. 2017. № 21 (2). С. 173–199.
2. *Ван Дейк Т.А.* Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013. С. 337.
3. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М., 1990. С. 424–473.
4. *Лухина Е.В.* Социально-ориентированный дискурс в лингвопрагматическом освещении (на материале современного американского варианта английского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011. С. 22.

5. *Raevskaya M.M.* Базовые символы национального самоопределения в испанской лингвокультуре (исторический ракурс) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 4. С. 67–76.
6. *Raevskaya M.M., Селиванова И.В.* Рождественские речи испанских монархов как ритуальный жанр институционального дискурса в сопоставительном аспекте // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020а. Т. 18. № 1. С. 57–70.
7. *Raevskaya M.M., Селиванова И.В.* Прагматический потенциал метафоры в публичном выступлении (на материале Рождественских речей испанского монарха Хуана Карлоса I) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020б. № 4. С. 67–76.
8. *Согомонян В.Э.* Что такое дискурс власти? // 21-й век. 2012. № 1 (21). С. 34–51.
9. *Тихонов А.А.* Дискурс власти и власть дискурса в информационном обществе // Коммуникации и общество. 2013. № 7. С. 54–58.
10. *García-Ramos A.* Los Mensajes Navideños de la Monarquía Española en el siglo XXI: ¿Un reflejo de los principales problemas del país // SOCIOLOGIADOS. Revista de Investigación Social. 2016. Vol. 1. № 2. P. 15–50.
11. *Gaspar A. e Ibeas N.* El discurso institucional en tiempos de crisis: análisis del Mensaje de Navidad de su Majestad el Rey // ZER, Revista de estudios de Comunicación. 2015. Vol. 20. № 38. P. 31–48.
12. *Medina Lopez J.* Discurso institucional e imagen en los mensajes de Navidad del rey de España (1975–2013) // Pragmática Sociocultural. 2016. № 4 (1). P. 25–73.
13. *Prego Vázquez G.* Los recursos interaccionales del poder como mecanismos de negociación de identidades profesionales // *Revista Internacional de Lingüística Iberoamericana*. 2007. Vol. 5. № 1(9). P. 111–124.
14. *Ventero Velasco M.* Los mensajes de Navidad del Rey. Madrid, 2010.

Marina M. Raevskaya

**THE DISCOURSE OF POWER IN THE MODERN WORLD:
SOCIALLY ORIENTED COMMUNICATION
OF THE SPANISH MONARCHY**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Within the framework of institutional political communication, the monarch's discourse as a linguo-social category is thought to be an important type of social and political interaction between various social strata, aimed at regulating it and achieving the consent of all its participants. Due to the general trend towards the democratization of social relations in the modern post-industrial society, its texts necessarily contain a social component that reflects the historical context of the country. The article deals with the social dimension of new Spanish monarch's public speeches that relate to the institutional communication and are published on the website of the Spanish Royal House in 2020-2021. The article examines the means of ideological (ideologeme) and emotional (social empathy markers) influence related to the significant categories of the socially oriented discourse of the Head of State, and also analyzes the forms used to establish a harmonious human relationship with the national audience. According to the present study findings, it can be concluded that

the last two years, marked by global challenges for all mankind (coronavirus pandemic, climate change), the communication of the new Spanish monarch Philip VI can be called a socially oriented discourse which has a certain set of ideological and formal means subordinated to this task.

Key words: power discourse; socially oriented communication; ideologemes of the modern period; public speech; Spanish monarchy; Spanish monarch Philip VI.

About the author: *Marina M. Raevskaya* – Dr. habil in Philology, Professor, Head of Spanish Department, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: mraevskaya@gmail.com).

REFERENCES

1. Alexeeva T.A. 2017. Institut glavy gosudarstva v Ispanii: formirovanie i evolyuciya doktriny v nacional'nom pravovedenii [Institute of the Head of State in Spain: Formation and Evolution of the concept in the national jurisprudence]. *RUDN Journal of Law*, no. 21(2), pp. 173–199. (In Russ.)
2. Van Dijk T.A. 2013. *Discourse and Power. Representation of the Dominance in Language and Communication*. Moscow, Librokom Publ. (In Russ.)
3. Veber M. 1990. *Politika kak prizvanie i professiya* [Politics as a vocation and profession]. In *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow, Progress, pp. 424–473. (In Russ.)
4. Luhina E.V. 2011. *Social'no-orientirovannyj diskurs v lingvopragmaticheskom osveshchenii (na materiale sovremennogo amerikanskogo varianta anglijskogo yazyka)* [Socially-oriented discourse in linguistic pragmatic coverage (based on the material of modern American English)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, MGU imeni M.V. Lomonosova. (In Russ.)
5. Raevskaya M.M. 2012. Bazovye simvoly nacional'nogo samoopredeleniya v ispanskoj lingvokul'ture (istoricheskij rakurs) [Basic symbols of national self-determination in Spanish linguoculture (historical perspective)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 67–76. (In Russ.)
6. Raevskaya M.M., Selivanova I.V. 2020a. Rozhdestvenskie rechi ispanских monarhov kak ritual'nyj zhanr institucional'nogo diskursa v sopostavitel'nom aspekte [The Spanish King's Christmas messages as a ritual genre of institutional discourse: a comparative study]. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, vol. 18, no. 1, pp. 57–70. (In Russ.)
7. Raevskaya M.M., Selivanova I.V. 2020b. Pragmaticheskij potencial metafory v publichnom vystuplenii (na materiale Rozhdestvenskih rechej ispanского monarha Huana Karlosa I) [The pragmatic potential of metaphor in public speaking (based on the Christmas speeches of the Spanish monarch Juan Carlos I)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 67–76. (In Russ.)
8. Sogomonyan V.E. 2012. CHto takoe diskurs vlasti? [What is the discourse of power?] *The 21st century*, no.1 (21), pp. 34–51. (In Russ.)
9. Tihonov A.A. 2013. Diskurs vlasti i vlast' diskursa v informacionnom obshchestve [Discourse of power and the power of discourse in the information society]. *Kommunikacii i obshchestvo*, no. 7, pp. 54–58. (In Russ.)
10. García-Ramos A. 2016. Los mensajes navideños de la monarquía española en el siglo XXI: ¿un reflejo de los principales problemas del país? [The Christmas messages of

the Spanish monarchy in the 21st century: a reflection of the main problems of the country?] *SOCIOLOGIADOS. Revista de Investigación Social*, no. 2, pp. 15–50. (In Span.)

11. Gaspar A., Ibeas N. 2015. El discurso institucional en tiempos de crisis: análisis del Mensaje de Navidad de Su Majestad el Rey [The institutional discourse in times of crisis: analysis of the Christmas Message of His Majesty the King]. *ZER – Revista de Estudios de Comunicación*, no. 20 (30), pp. 31–48. (In Span.)
12. Medina López J. 2016. Discurso institucional e imagen en los mensajes de Navidad del rey de España (1975-2013) [Institutional discourse and face in the King's Christmas messages (Spain, 1975–2013)]. *Pragmática Sociocultural*, no. 4 (1), pp. 25–73. (In Span.)
13. Prego Vázquez G. 2007. Los recursos interaccionales del poder como mecanismos de negociación de identidades profesionales [Interactional resources of power as mechanisms for negotiating professional identities]. *Revista Internacional de Lingüística Iberoamericana*. Vol. 5, no. 1(9), pp. 111–124. (In Span.)
14. Ventero Velasco M. 2010. *Los mensajes de Navidad del Rey* [The King's Christmas messages]. Madrid, La Ley. (In Span.)

Н.А. Ахренова

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА COVID-19

*Государственное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Государственный социально-гуманитарный университет»
140410, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, 30*

В статье рассматривается репрезентация глобального научно-обывденного концепта COVID-19. Описываются основания, которые позволяют исследователю считать медицинское понятие COVID-19 именно концептом. Автор подчеркивает чрезвычайно важную роль неологизмов, отражающих изменения в социально-экономической и политической сферах. К исследованию англоязычных источников, словарей, сообщений в социальных сетях был привлечен метод концептуального анализа материала. Методы когнитивной лингвистики, лингвопрагматики, семантического анализа способствуют установлению связей языка, мышления и мировосприятия, осмыслению сложившихся социально-экономической и политической реальностей, дают возможность проследить реализацию новых смыслов в языке. Применение упомянутых выше методов к исследуемому материалу позволило выделить цветовые доминанты, характерные для исследуемого концепта, вербальные и невербальные средства отражения концепта COVID-19, в рамках полевой методики анализа языка выделить ключевые неологизмы, описывающие концепт.

Ключевые слова: COVID-19; неологизм; концепт; языковая игра; глобальный концепт; «карантинный этикет»; каламбур; пародия; лексико-семантические поля.

Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш, выступая перед Генеральной Ассамблеей ООН в январе 2020 г., метафорически назвал вызовы, которые ставят существование человечества под угрозу, «четырьмя всадниками Апокалипсиса». Первая угроза, по его мнению, – это высокий уровень геополитического напряжения, сложившийся в последние годы. Вторая – изменение климата. Третьим «всадником» он считает «растущее глобальное недоверие», четвертым – «темную сторону цифрового мира». В речи 22 сентября 2020 г. на общеполитических дебатах 75-й сессии Генеральной Ассамблеи он назвал пандемию «пятым всадником Апокалипсиса».

Ахренова Наталья Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры германо-романских языков и методики их преподавания ГОУ высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет» (e-mail: nakhrenova@mail.ru).

Известно, что каждый кризис, в особенности кризис, связанный с изменением мироустройства, коим и является кризис периода пандемии COVID-19, характеризуется подъемом лингвистической креативности. В статье В.М. Живова «Язык и революция. Размышления над старой книгой А.М. Селищева» (2005) приводятся рассуждения автора о роли языковых изменений в ходе социальной перестройки общества: «Для того, чтобы понять, что происходит с языком в эпохи исторических катаклизмов, нужно рассмотреть его не как абстрактную систему (которую обычно и изучают лингвисты), но, скорее, как социальный инструмент» [Живов, 2005]. То же остается справедливым для эпохи, в которую в одночасье попало человечество. Автор ссылается на книгу А.М. Селищева «Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет. 1917–1926», опубликованную в 1928 г., и описывает влияние на язык Великой октябрьской социалистической революции, изменившей социальный и политический строй государства. Однако, на наш взгляд, все постулаты, изложенные А.М. Селищевым, применимы к современной эпохе корона-кризиса. Ведущие тенденции, которые характеризует автор, можно отнести к языку современного общества: это массовое заимствование иноязычной лексики путем калькирования и транслитерации; использование внутритекстовых коммуникативно избыточных глосс, которые, следовательно, выполняют не прагматическую, а символическую функцию (теперь это означает, что «я свой, я принадлежу к большинству», «я в теме»). Конечно, неуместно говорить о зарождении Coronaspeak, по аналогии с Netspeak, Techspeak, или о более узком, на наш взгляд, понятии Coronavirus slang. Сегодня мы столкнулись с первым после возникновения Интернета и начала интернет-коммуникации масштабным образованием и вхождением в мировые языки универсальных неологизмов, связанных с COVID-19, активным созданием нового этикета межличностного и делового общения, новой реальностью, созданной этим заболеванием, вхождением достаточно специфичной медицинской терминологии в бытовой язык и т.д., что повлекло за собой формирование концептосферы COVID-19. Мы ставим во главу списка именно неологизмы, так как они, будучи «словами или оборотами, созданными (возникшими) для обозначения нового (прежде неизвестного) предмета или для выражения нового понятия» [Ахманова, электронный ресурс], и лексика в целом являются наиболее чуткими индикаторами социально-экономических изменений, происходящих в обществе, фиксирующими эти изменения, закрепляясь в словарном составе языков.

Динамичное развитие Интернета и средств массовой информации, как отмечает ряд ученых, в том числе Т.Г. Добросклонская, оказывает огромное влияние на речепроизводство и распространение новых слов [Добросклонская, 2005: 3], что делает изучение процессов неологизации и концептуализации новых понятий и реалий на материале СМИ особенно актуальным и продуктивным.

Несмотря на устоявшуюся в лингвистике гипотезу Сепира-Уорфа о том, что структура языка определяет сознание, в марте 2020 г. она была оспорена, так как в один миг мир стал унифицированным глобальным сообществом, в языки которого одновременно вошли универсальные реалии, термины, образы, символы, лексемы, описывающие разразившуюся пандемию коронавируса. По мнению ученых, все многообразие лингвистических и лингвопрагматических средств языков, к которым относятся обозначенные аспекты, демонстрируют особенности мировосприятия и языкового сознания социума по представлению структуры и содержания наиболее значимых в плане культурной маркированности концептов, представляющих основные установки и ценности социума, важнейшие черты национального менталитета [Тер-Минасова, 2000: 35]. Но в марте 2020 г. и это устоявшее представление также потребовало пересмотра, как и тезис Гумбольдта о различии в способе мировосприятия. Так, с приходом глобальной медицинской проблемы у приверженцев идеи унифицированной картины мира появилось серьезное основание для проверки ее существования. Осмысливая новую реальность, социум продуцирует новые лексемы, возникают новые коллокации, концептуальные метафоры, паремии, меняется тональность текстов СМИ и т.д.

Проанализировав современные медиа и интернет-пространство, мы можем утверждать, что правомерно говорить о дискурсе пандемии коронавируса, в котором ключевой концепт – само понятие COVID-19. Сегодня стало очевидным, что некогда медицинский термин COVID-19 превратился в глобальный, а не национально специфичный, научно-обыденный концепт.

Анализ концептуальной сферы COVID-19 проводился с привлечением методов когнитивной лингвистики, лингвопрагматики, семантики, семиотики и т.д., которые дают возможность установить связь между языком, мышлением, социокультурными и прагматическими факторами, участвующими в формировании понятий и их языковой репрезентации. По мнению профессора О.В. Александровой, язык отражает понимание окружающего мира человеком, его знание языка и о языке, вербальное проявление различных концептов [Александрова, 2014: 19].

Исследуя дискурс пандемии COVID-19, мы обращаемся к ассоциативному полю и составляющим его крупным блокам – концептам, в частности, к ключевому концепту – COVID-19. Исследователи считают, что ассоциативное поле дискурса состоит из узловых компонентов – гештальтов (или более крупных – концептов), структура которых образует иерархию ассоциатов [Вишнякова, 2002: 20]. Благодаря ассоциативным связям в дискурсе происходит разворачивание концепта.

Бесспорно, концепт, будучи образованием ментальным и в высокой степени абстрактным, связан со словом, что указывает, по определению Н.А. Красавского, на «лингвистическую ценность внеязыкового объекта» [Красавский, 2001: 40–59], а у описываемого нами концепта COVID-19 она высока, так как без понимания лингвистической и образной составляющих этого концепта существование людей в новой реальности, в условиях *new normal*, будет значительно затруднено, а в некоторых случаях даже опасно для жизни.

С.Г. Воркачев предлагает следующую структуру концепта: понятийная; образная; значимостная [Воркачев, 1997]. Согласно описанию, данному концепту В.И. Карасиком, в любом концепте выделяют три составляющие: понятийную, образную и ценностную [Карасик, 2001].

Ключевой целью нашей статьи мы ставим описать вербальную (понятийную, ценностную, значимостную) и невербальную (образную, которая также является значимостной или ценностной) стороны концепта COVID-19.

Описание концепта COVID-19 мы хотели бы начать с невербальной стороны, а именно одного из самых поразительных изменений в процессе коммуникации – появления «карантинного этикета» (термин М.А. Кронгауза и А. Пиперского [Кронгауз, Пиперский, 2020]), который, по сути, разрушает этикет, складывавшийся десятилетиями. Наиболее яркими примерами можно считать *elbow bump/fist bump (fist pound, knuckles, knuckle knock etc.)* – дружественные жесты, которые сегодня заменяют традиционное рукопожатие. Однако они не являются новыми жестами и реалией сегодняшней пандемии, а появились еще в 2006 г., когда мир был под угрозой заражения птичьим гриппом (*avian flu*), и в 2009 г., когда человечество переживало эпидемию свиного гриппа (*swine flu*). До начала пандемии COVID-19 понятие личного пространства (*personal space*) варьировалось от культуры к культуре, зависело от возраста и пола, а также от того, в какой местности (крупном или небольшом городе, селе) проживает человек. Коронавирус унифицировал ряд правил, касающихся личного пространства и гигиены. Так, в нашу жизнь

прочно вошел оксюморон социальная дистанция (*social distancing*), которая во всех странах, независимо от доминирующей культуры, составляет не менее чем 1,5 м. Мы стараемся избегать прикосновений к лицу, что нарушает традиции, в частности, мусульман во время молитвы и т.д. Ранее ношение медицинских масок и перчаток не было частью этикета, например европейцев, хотя для жителей мегаполисов Китая, Кореи и других стран Дальневосточного региона это было нормой. Теперь же их носит весь мир, независимо от вероисповедания и национальной принадлежности. В этой связи в англоязычных лингвокультурах появился специальный термин *maskne*, который, в свою очередь, был транслитерирован в русский язык как *маскне* и обозначает разновидность масочного дерматита в виде акне. Также мы можем встретить такие лексемы, как *mask-hole* – человек, который отказывается носить маску, а также противоположное по значению *masking* – прятаться от коронавируса под маской.

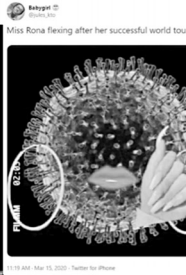
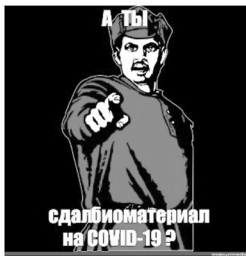
Нарушением правил толерантности и борьбы с дискриминацией отдельных слоев населения стало ограничение передвижений отдельных групп лиц, в частности, людей, принадлежащих возрастной группе 65+. Это не могло не отразиться в языке, фактом которого стали такие словосочетания, как эвфемизм *boomer remover* – вирус, убивающий представителей поколения бэби бумеров, т.е. людей, родившихся в период 1946–1964 гг. В русском языке некоторое время существовал термин «устранитель пожилых людей», появившейся как результат прямого перевода лексической единицы упомянутой выше.

Существенное количество новых этикетных формул появилось в связи с переходом значительной части деловой и личной коммуникации в сервисы онлайн-конференций, где бесспорное лидерство принадлежит сервису Zoom.us. Исследователи отмечают такие общие, универсальные для всех культур тенденции, как уточнение о корректности работы канала связи (уточнение видит и слышит ли вас собеседник). Тенденция отказа от отчества, следуя традициям западного мира, появилась уже достаточно давно, но с началом активного использования сервисов видеоконференций, где у каждого участника написано хотя бы имя, нет необходимости не только в отчестве, но и в традиционном знакомстве и назывании имени и отчества. Теперь пользователям соцсетей и мессенджеров нет смысла писать обращение, система пишет обращение за пользователя, что также способствует отказу от отчества. Однако наметилась тенденция к обращению по полному имени: Николай, Иван, Наталья, Ирина и т.д., что также унифицирует мировые культуры. Психологи

во всем мире говорят о поколении Zoom, описывая уровень образованности выпускников школ и вузов 2020 г., а также о поколении С (поколение COVID-19), т.е. о детях, которые пережили пандемию COVID-19. Кроме того, в английский лексикон вошло слово *coronallennial*, которое было транслитерировано в русском языке как *корониалы* и стало термином в психологии, обозначающим детей, родившихся через девять месяцев после начала пандемии. Лингвисты наблюдают вхождение в лексикон таких слов, связанных с использованием Zoom, как: бленды – *zoomeral* (zoom+funeral) – похороны в Zoom; сложные слова, образованные путем сложения двух и более основ, например: *zoombombing* – проникновение в zoom-конференцию участников, позволяющих себе оскорбительное поведение и высказывания по отношению к организатору и участникам (термин стал универсальным во всем мире и, например, в русском языке передается при помощи приема транслитерации *зумбомбинг*); *zoom mom* – зум мама – мать, которая проводит много времени, работая в zoom; *zoom party* – вечеринка в зуме.

Опираясь на идеи Г. Дженкса и И.А. Мальковской, мы писали о том, что, ведущей для глобальных концептов, к коим, по нашему мнению, относится изучаемый нами концепт, мы считаем именно невербальную составляющую [Ахренова, 2021]. Так, Г. Дженкс пишет: «...процессы глобализации обусловили потребность в кросс-культурных контактах, что сформировало потребность в релевантных формах обмена информацией, а визуальная информация оказалась наиболее удобной формой донесения смысла с минимизацией информационных потерь и скорости восприятия, обработки и обратной связи» [Jenks, 1995: 288]. И.А. Мальковская говорит, что «резко возросла доступность видов и объектов информации; интернет-коммуникации меняют представления о пространстве и времени; развернулась универсализация шоу-культуры, рождающей новые представления о досуге, свободном времени, самореализации, самопрезентации; смешение культур создает транскультурное мышление и т.д.» [Мальковская, 2008: 46]. В этой связи невербальная семиотика приобретает сегодня особую актуальность и ее коды требуют детального изучения.

Перечислим лишь некоторые аспекты, которые являются ведущими для концептуализации понятия COVID-19: мемы с частичной или полной креолизацией; агитационный плакат; политическая карикатура и т.д. В этих видах креолизованных текстов вирус олицетворяется, персонифицируется, ему придаются черты живого организма, разумного существа.

Говоря о семантике цвета эпохи пандемии, можно, как и в других сферах, обнаружить новации. Так, до пандемии коронавируса традиционно изображения, связанные, например, с эпидемией чумы или испанки, были в черных тонах, тонах траура, боли, горя, так как эти болезни развивались мгновенно, с явными и острыми симптомами, были, бесспорно, опасны, но имели однозначный и предсказуемый сценарий развития. Однако с приходом сегодняшней пандемии ее цветом стал красный, который символизирует запрет, опасность, тревогу, страх. Геном вируса всегда изображается черным или темно серым, а самые его опасные части, шипы, в красном цвете. Китайский художник Чжан Хуань провозгласил «цветом пневмонии – красный» в своей серии картин, посвященных развитию пандемии. Желтый цвет также получил новое, противоречивое звучание. С одной стороны, появилось большое количество предупреждающих и запрещающих знаков на желтом фоне, что сделано по аналогии с дорожными знаками, обозначающими временный характер этого знака, например, на время дорожных работ, но в то же время носящих предупредительный или запретительный характер. Однако на подобных знаках присутствует сочетание желтого и черного цветов, которые традиционно используются в зонах ради-

ационного заражения или запрещают доступ в места хранения вирусов. С другой стороны, в ряде культур, например, в Китае, желтый цвет описывается как символ внутренней энергии, тепла, восходящего солнца, а для европейцев – это цвет искренности, открытости и смелости. Не зря президент России В.В. Путин выбрал костюм химзащиты именно насыщенного желтого цвета для входа в «красную зону» в больнице в «Коммунарке». Целью данного похода было показать людям, что вирус не так уж страшен и опасен, если грамотно соблюдать меры безопасности. Но в прессе этот цвет, чаще всего, используется в его первой трактовке.

Белый и голубой цвета стали также символами пандемии – в оппозиции черному цвету они символизируют надежду на спасение, утешение, спокойствие. В марте эксперты по цветотерапии назвали среди цветов, которые стимулируют творческую деятельность и поднимают настроение во время самоизоляции из-за пандемии коронавируса, именно голубой. К голубому цвету в одежде прибегала и королевская чета Принца Уильяма и Кейт Миддлтон, которые при общении с гражданами старались использовать в одежде именно голубой. Белый, как символ надежды на спасение, был отражен в слогане, популярном в последний год: «Ангелы в белых халатах».

Символами пандемии, безусловно, можно считать маски, социальное дистанцирование, сам геном коронавируса, товары, находящиеся в дефиците.

Описывая лингвистические изменения, произошедшие за год пандемии, необходимо отметить возросшее количество лексем в группе оппозиций «свой-чужой» и «сближение-удаление». Так, к первой категории можно отнести такие слова, как: *quaranteam*, *cluster* ≠ *corona-dissident*, *covidient* ≠ *covidiot*, *coronafool*, *coronasceptic*, *coronagoamers*.

Описывая концепт COVID-19, невозможно не учитывать некоторые изменения в морфологии английского языка. К ним мы относим ставший продуктивным суффикс *-exit*, после появления понятия *Brexit* и *Megexit*, который также можно найти и среди лексики, образованной в период пандемии, например, *coronaexit* – выход человечества из пандемии COVID-19. Кроме того появился ряд продуктивных префиксов, к которым мы относим: префикс *iso-*, например, *iso-banking* – банковские операции, производящиеся удаленно на самоизоляции; *iso-beard* – борода, которая выросла у мужчин за время пандемии, а до этого времени они ее не носили и т.д.

Универсальной приметой морфологии эпохи пандемии можно считать продуктивность корня *corona/covid*, который, благодаря его продуктивности, можно считать полуаффиксом (*semi-affix*):

Английский язык	Русский язык	Финский язык	Шведский язык
<i>corona</i> -era – период пандемии коронавируса; <i>coronabubble</i> – место изоляции; <i>coronacoaster</i> перепады настроения в период пандемии	<i>коронавирусная</i> инфекция, <i>ковид</i> положительный/отрицательный, <i>ковидиот</i> , <i>корониалы</i> и т.д.	<i>Koronatuki</i> (господдержка для бизнеса); <i>koronapokolainen</i> (человек, сбежавший в провинцию, чтобы избежать заражения); <i>koronalinko</i> (человек или место, эффективно распространяющие вирус вокруг себя, «суперзаражатель») и т.д.	<i>coronatider</i> («времена короны»); <i>coronaavstånd</i> (социальная дистанция); <i>coronaoffer</i> (жертва короны) и т.д.

Смешение кодов различных семантических систем и всевозможные сокращения, усечения и т.д., характерные для языка интернета, получили широкое распространение при номинации явлений и процессов, специфичных для эпохи пандемии COVID-19, например: *2019-nCoV*, *COVID-19*, *MERS-CoV*, *NHS test*, *CDC (Centers for Disease Control)*, *PPE (Personal protection system)*, *RNE virus (PHK вирус)*, *SARS/MERS*, *BC (Before the COVID Era)*, *ACV (After the COVID Era)*, *Rona (Corona)* и пр. Проанализировав примеры, можно констатировать, что аббревиатуры представляют собой концептуальные структуры, соотносимые с различными жанрами в медиа пространстве. «При любой концептуализации фрагмента действительности одни аспекты реальности акцентируются, актуализуются, другие затушевываются, уходя в фон: происходит схематизация реальной действительности» [Падучева, 2004: 157]. Подобная схематизация является одной из ключевых характеристик сегодняшней коммуникации, которая претерпела значительные изменения при массовом распространении интернет-коммуникации. Аббревиатуры – коды, известные группе пользователей, которые упрощают и схематизируют процесс коммуникации, экономят место, время и создают креолизованность, понятную и доступную только «избранным». Таким образом, можно сделать вывод, что «инициальные аббревиатуры, возникающие в современном языке, реализуют функции номинации, “экономии усилий” в рамках норм того или иного языка, а также обладают повышенной экспрессивностью путем использования знаков разных семиотических кодов в зависимости от прагматической установки создателей аббревиатуры. Однако “закон экономии усилий” Дж. Ципфа в результате нарушается из-за невозможности однозначной интерпретации аббревиатур-акронимов, а количество современных аббревиатур мешает качеству их восприятия» [Максименко, 2018: 230]. Но из-за термина *corona* /

корона, ставшего, по сути, универсальным, аббревиатуры, в которые так или иначе входит этот компонент, также стали универсальными. В сложившейся сегодня в мире ситуации сочетания, подвергающиеся аббревиации, принадлежат медицинской сфере, сфере защиты от вируса, что еще раз демонстрирует близость медицинской терминологии обществу. Опять же это ключевые слова, которые, по мнению медицинского сообщества, через СМИ должны быть доведены до сведения масс и значение их должно быть всем понятно. Кроме того, в данном случае аббревиатуры помогают носителям языка избежать сложных и трудных для запоминания терминов, таких как, например: *SARS-CoV-2 (Severe acute respiratory syndrome-related coronavirus 2)* и пр.

Рассмотрение внешней семантической организации лексики, представляющей дискурс пандемии COVID-19, и оязыковлени его ключевого концепта, представляется целесообразным с точки зрения вхождения в состав лексико-семантических полей, где ядром является наименование самого заболевания COVID-19 или *Coronavirus* (коронавирус), а к его периферии относятся номинации, характеризующие: симптомы и особенности протекания заболевания (*pandemic* – пандемия, *loss of taste* – потеря вкуса, *dry cough* – сухой кашель, *airborne disease* – аэробная инфекция, *death toll* – уровень смертности, *Index patient* – нулевой пациент, *Droplet transmission* – передача воздушно-капельным путем, *antibody therapy* – терапия антителами, *side effect* – побочный эффект, *morbidity* – заболеваемость, *Intubation* – интубация, *asymptomatic patient* – бессимптомный пациент, *blood saturation* – сатурация крови, *incubus of viral plague* – разносчик инфекции, *infectious agent* – возбудитель инфекции, *oxygenation* – оксигенация и т.д.), меры безопасности (*social/physical distancing* – социальное дистанцирование/социальная дистанция, *disinfectant* – дезинфицирующее средство, *face mask* – маска, *sanitizer (sanny)* – санитайзер, *travel restrictions* – ограничение на передвижение/перемещение, *contact tracing* – отслеживание контактов, *masking* – ношение маски, *hand hygiene* – гигиена рук, , *antiviral medicines* – противовирусные средства, *immunise* – иммунизировать, *Coronavirus vaccine* – вакцина против коронавируса, *to prevent from community spread* – предотвратить распространение инфекции и т.д.), негативные социально-экономические изменения (*corona-recession* – экономическая рецессия, *covid-19 crisis/corona crisis* – корона кризис, *hamsterkauf* – гречкохайн/макроновирус – нездоровый ажиотаж, связанный с массовой закупкой некоторых товаров первой необходимости, *infodemic* – неконтролируемые информационные потоки, содержание которых может вводить в заблуждение или даже наносить вред психическому здоровью;

desinfodemic – дезинфодемия – распространение ложной информации); группы людей по признаку их отношения к коронавирусу (*coronas/covidots* – ковидиоты, *maskhole* – маскхолы, голормордые, *coronasceptic* – корона скептик, *covid survivors* – вылеченные от ковида, *super-spreader* – суперраспространитель, *balconazis* – балконнаци – люди, оскорбляющие тех, кто ходит по улице, *pandemic pod* – пандемическая капсула – группа детей из двух и более семей, получающая образование частным образом во время самоизоляции). Если в начале пандемии лексемы, принадлежащие микрополю «изоляция и социальное дистанцирование», можно было отнести к микрополю «меры безопасности», то сегодня мы можем говорить о нем как о самостоятельном образовании, так как за последние полтора года вынужденного соблюдения изоляционных мер появилось значительное число лексических единиц, описывающих плюсы и минусы такого состояния, основные способы и виды времяпрепровождения в одиночестве, осуществление социальных действий, которые некогда было принято осуществлять в личном присутствии, например, расставание с партнером, создание новых отношений, похороны, совместные праздники и т.д. Мы считаем, что к лексемам данного микрополя можно отнести, например: *coronacation* – карантикулы – вынужденные оплачиваемые каникулы во время пандемии, *self-quarantine* самоизоляция, *corona shutdown/lockdown* – локдаун, *quarantier* – карантье – владелец собаки, сдающий ее в аренду для прогулок.

Одной из естественных реакций человека на негативные изменения в жизни или опасность, после испуга или шока, является юмор – по сути защитное средство для психики человека, объяснимо стал чрезвычайно распространенным способом вербализации рассматриваемого концепта. Чаще всего для юмористического эффекта мы прибегаем к следующим лингвостилистическим приемам:

– каламбур, например: – *What is opposite of anti-biotics?* – *Uncle-biotics*; – *Is coronavirus ruining all your plans for 2020? Save them for 2022.* – *Because 2022 is 2020 too*;

– пародия, основанная на прецедентных, культурно маркированных текстах, яркими примерами которой можно считать: *All we need is gloves* – *All we need is love* (*The Beatles*); *Covido, ergo zoom* – *Cogito, ergo sum* (Рене Декарт);

– игра слов, основанная на омонимии и антонимии, например: *I'm a social vegan. I avoid meet. Positive (adj.) The most negative word of 2020. Any ideas for games to play during self-imposed social distancing? (Other than Solitaire)*;

– обыгрывание маркированных для культуры феноменов: 13: *I'm the worst number in the world.* 666: *That's cute.* 2020: *Hold my beer.*

В статье мы предложили результаты анализа изменений, произошедших в русском и английском языках в период с марта 2020 по май 2021 г., которые превратили медицинский термин, именующий заболевание, в ключевой глобальный концепт года, встречающийся как на страницах мировых СМИ, так в повседневном общении в социальных сетях, мессенджерах и т.д. С позиций современной лингвистики были выявлены основные ассоциаты, моделирующие этот концепт. Большинство выявленных тенденций имеют ярко выраженную негативную окраску и отражают общие настроения в социуме по отношению к пандемии и ее последствиям, что представляется вполне объяснимым и понятным. Примеры, использованные в статье, помимо информационной нагрузки, представляют яркий иллюстративный материал, отражающий общественное мнение и настроение в социуме. Исследованные в статье приемы осуществляют непосредственное воздействие на обывателя, помогают его адаптации к новым условиям жизни, делают подачу информации образной. Примененные в статье методы анализа способствуют глубокой интерпретации глубинных смыслов, что помогает раскрыть неразрывную связь между языком и мышлением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ахренова Н.А.* Доминанты современной интернет-лингвистики: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2019.
2. *Ахренова Н.А.* Невербальная презентация концепта COVID-19 в интернет-пространстве // Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 1 (56). С. 5–14.
3. *Александрова О.В.* Формирование концептуальной картины мира на основании изучения лексико-грамматической системы языка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 3. С. 19–27.
4. *Вишнякова О.Д.* Языковой знак в референциальном поле культурной памяти социума // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 50–66.
5. *Вишнякова О.Д.* Язык и концептуальное пространство (на материале современного английского языка). М., 2002.
6. *Воркачев С.Г.* Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 115–124.
7. *Добросклонская Т.Г.* Вопросы изучения медиатекстов. Опыт исследования современной английской речи. М., 2005.
8. *Живов В.М.* Язык и революция. Размышления над старой книгой А.М. Селищева. 2005. Электронный ресурс. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/2/yazyk-i-revolucziya-razmyshleniya-nad-staroi-knigoi-a-m-selishheva.html> (дата обращения: 01.06.2021).
9. *Карасик В.И.* О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001. С. 3–16.
10. *Красавский Н.А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. Волгоград, 2001. С. 40–59.

11. *Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М., 1998.
12. *Кронгауз М.А., Питерский А.* Просветитель. Online. Карантинные диалоги #1. Электронный ресурс. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qXNpU1yYfkk> (дата обращения: 01.06.2021).
13. *Максименко О.И.* Вариативность представления интернет-аббревиатур и проблема их интерпретации (на примере английского, немецкого и французского языков) // Вариативность и вариантность в германских и романских языках: типологические, региональные и социальные измерения: коллективная монография / Отв. ред. Т.В. Писанова. М., 2018. Разд. VII. С. 230–245.
14. *Мальковская И.А.* Визуальная культура: проблемы самоидентичности // Гуманитарные науки: теория и методология. 2008. № 4. С. 46.
15. *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
16. *Тер-Минасова С.Г.* Язык, личность, Интернет // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2000. № 4. С. 35.
17. *Jenks Ch.* Visual Culture // Routledge. L., 1995.

Natalia A. Akhrenova

REPRESENTATIONAL PECULIARITIES OF THE CONCEPTUAL SPHERE COVID-19

*State educational organization of
higher education of Moscow Region
“State University of Humanities and Social Studies”
30, Zelenia str., Kolomna, Moscow Region, 140410*

In this article the question of representation of the global scholastically common concept COVID-19 is described. The author gives reasons for considering the medical term COVID-19 as the conceptual sphere. The predominant role of the buzzwords is highlighted, as they reflect the changes in socio-economic and political areas. The author resorts to the methods of cognitive linguistics, ligvo-pragmatics and semantics analyzing the research material, which help to establish connections between cognition and perception, understanding of the existing socio-economic and political realities to trace the implementation of new meanings in the language. Applying the above mentioned methods to the material under analysis enabled the author to single out dominant color characteristics of the studied concepts, its verbal and non-verbal (“quarantine etiquette”, creolized text etc.) means of describing the conceptual sphere, the key buzzwords and lexico-semantic fields they comprise, and ligvo-stylistic means and devices, such as parody, pun etc.

Key words: COVID-19; buzzword (neologism); concept/conceptual sphere; word play; global concept; “quarantine etiquette”; pun, parody; lexico-semantic field.

About the author: *Natalia A. Akhrenova* – Dr.habil in Philology, Associate Professor, professor of the Department of Germanic-Romance languages and methodology of State educational organization of higher education of Moscow Region “State University of Humanities and Social Studies” (e-mail: nakhrenova@mail.ru).

REFERENCES

1. Akhrenova N.A. 2019. *Dominanti sovremennoi internet-lingvistiki*: Diss.na soisk..... doktora philol.nauk. Moscow. (In Russ.)
2. Akhrenova N.A. 2021. Neverbalnaia presentatsia kontsepta COVID-19 v internet-prostranstve. *Inostrannii iazyki v vishei shkole*, no. 1 (56), pp. 5–14. (In Russ.)
3. Aleksandrova O.V. 2014. Formirovaniye kontseptual'noj kartiny mira na osnovanii izucheniya leksiko-grammaticheskoj sistemy yazyka [Formation of the conceptual world outlook on the basis of the study of the lexico-grammatical language system]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 19–27. (In Russ.)
4. Vishnyakova O.D. 2015. Yazykovoj znak v referentsial'nom pole kul'turnoj pamyati sotsiuma [Language sign in the referential field of the social cultural memory]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 50–66. (In Russ.)
5. Vishnyakova O.D. 2002. *Yazik i kontseptual'noe prostranstvo (na material sovremennogo anglijskogo yazika)* [Language and Concept Area]. Moscow, MAKS Press. (In Russ.)
6. Vorkachev S.G. 1997. Bezrazlichie kak etnosemanticheskaja kharakteristika lichnosti: opyt sopostavitel'noi paremiologii. *Voprosy Yazikoznania*, no. 4, pp. 115–124. (In Russ.)
7. Dobrosklonskaja T.G. 2005. *Voprosy izucheniya mediatekstov. Opyt issledovaniya sovremennoj anglijskoj rechi* [Questions of Media Studies. A Research Experience of the Modern English Speech]. URSS Publ. (In Russ.)
8. Zhivov V.M. 2005. *Yazyk i revoliutsia. Razmyshlenia nad staroi knigoi A.M. Selishheva*. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/2/yazyk-i-revolucziya-razmyshleniya-nad-staroi-knigoi-a-m-selishheva.html> (accessed: 1.06.2021). (In Russ.)
9. Karasik V.I. 2001. O kategoriiakh lingvokulturologii. *Yazikovaia lichnost': problemi kommunikativnoi deiatel'nosti*. Volgograd, pp. 3–16. (In Russ.)
10. Krasavskaja N.A. 2001. *Emotsional'nie kontsepti v nemetskoj i russkoj lingvokulturakh. Monographia*. Volgograd, pp. 40–59. (In Russ.)
11. Krasnykh V.V. 1998. *Virtual'naya real'nost' ili real'naya virtual'nost'?* *Chelovek. Soznanie. Kommunikaziya* [Virtual reality or real virtuality? Human Consciousness. Communication]. Moscow, Dialog-MSU. (In Russ.)
12. Krongauz M.A., Piperski A. *Prosvetitel'.Online. Karantinnie dialogy #1*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qXNpU1yYfkk> (accessed: 01.06.2021).
13. Maksimenko O.I. 2018. *Variativnost' predstavlenia internet-abbreviatur i problema ikh interpretatsii (na primere anglijskogo, frantsuzskogo i nemetskogo iazykov)*. In T.V. Pisanova (ed.) *Variativnost' i variativnost' v germanskikh i romanskikh yazikakh: tipologicheskie, regional'nie i socialnie izmereniya: kollektivnaia monographia*. Moscow, FGBOU VO. Razdel VII, pp. 230–245. (In Russ.)
14. Mal'kovskaja I.A. 2008. Vizualnaia kul'tura: problemi samoidentichnosti. *Gumanitarnii nauki: teoriia i metodologiya*, no. 4, pp. 46. (In Russ.)
15. Paducheva E.V. 2004. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki*. Moscow, Iazyki slavianskoj kultury. (In Russ.)
16. Ter-Minasova S.G. 2000. Yazyk, lichnost', Internet [Language, personality, Internet]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, p. 35. (In Russ.)
17. Jenks Ch. 1995. *Visual Culture*. Routledge. London.

В.Е. Смирнова

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
ФРАНЦУЗОВ ОБ ЭТНИЧНОСТИ НАРОДОВ РОССИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ВОСПОМИНАНИЙ ФРАНЦУЗСКИХ АВТОРОВ
XVI–XVII ВВ.)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматриваются языковая репрезентация этнических представлений французов о народах русских территорий, сформировавшихся в начальный период русско-французских культурных контактов. Материалом изучения являются письменные франкоязычные свидетельства о представителях России XVI–XVII вв. Исследование проводится с учетом основных подходов к пониманию феномена этничности, разработанных российскими и зарубежными учеными XX–XXI вв. Принимается во внимание наличие разделяемых членами этнического сообщества представлений об общем происхождении, языке, материальной и духовной культуре, признание важной роли этнической идентичности для самовыделения сообщества и выделения его другими. В результате анализа материала были отмечены следующие этнические характеристики народов России: язык, территории расселения, стереотипы поведения, религия, одежда, внешность. Также были выявлены основные особенности формирования этнических представлений французов о населяющих Россию сообществах, такие как: фоновые знания крупных этнических групп, названия которых были отражены на европейских картах; дифференциация известных этнических сообществ на субэтнические; особенное внимание к народам, успешно владеющим военными техниками; неуверенность в определении этнической принадлежности группы; подмена этнической идентичности региональной, интерес к зонам взаимодействия этнических сообществ. Особенности формирования этнических представлений нашли отражение в языке в следующих процессах: адаптация французской орфографии этнонима к акустической форме русского слова; расширение списка этнонимических лексем, с учетом дифференциации на субэтнические группы; создание этнонимов-окказионализмов; употребление вместо этнонимов этнически немаркированных субститутов.

Ключевые слова: этноним; этнические представления; этничность; народы России XVI–XVII вв.; региональная идентичность; этническое сообщество; русские; дискурс французов; зоны взаимодействия.

Смирнова Вера Ефимовна – соискатель, старший преподаватель кафедры французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: veras777@mail.ru).

Этничность является категорией, которая широко используется в современной науке и обозначает существование культурно отличительных групп и их идентичностей [Новая, 2010: 482]. Вопрос о содержании этничности разрабатывался в рамках различных российских и зарубежных теорий, обобщая которые можно выделить несколько подходов к пониманию данного феномена: примордиалистский (Л.Н. Гумилёв, Ю.В. Бромлей, П. ван ден Берг, Х. Айзекс), конструктивистский (В.А. Тишков, Ф. Барт, Э. Гидденс) и инструменталистский (Н.М. Губогло, В.А. Ядов, Л.М. Дробижева). Не существует общепринятого определения термина «этнос». В зависимости от точки зрения, доминируют определения этноса как «этносоциального организма» (Ю.В. Бромлей) и «биосоциального организма» (Л.Н. Гумилёв) [Новая, 2010: 482]. Термин «этнос» имеет эквиваленты в иностранных языках: французский толковый словарь “Le Robert” определяет этнос (ethnie) как «совокупность людей, имеющих близкие характеристики цивилизации (в частности язык и культуру)» [Le Robert, 1998: 504].

Согласно примордиалистским теориям, этничность – это генетически наследуемая характеристика человечества. Основанием общей этнической принадлежности являются родственные связи, исторически закреплённая территория, язык, традиции, верования, этническое самосознание, на основе которого возникает сплочённость. [Арутюнян, 1999: 32–33]. Сторонники конструктивистских концепций считают, что этническое сознание создается социально. Вместо слова и понятия «этнос» конструктивистами была предложена концепция этничности, которая делает акцент на социально-конструируемой природе различий сообществ, их подвижном характере. Несмотря на критику, термин «этнос» все еще употребляется в современных исследованиях [Тишков, 2016]. Инструменталистский подход предполагает, что в основе этнической группы лежат общие интересы, и этническая принадлежность служит средством достижения групповых интересов. Данный подход рассматривает этничность как функциональный элемент экономической и политической жизни.

Общим для всех подходов было признание важной роли этнической идентичности для самовыделения сообщества и выделения его другими на основе разделяемых членами этнического сообщества представлений об общем происхождении, языке, материальной и духовной культуре. Ю.С. Степанов, исследуя культурный концепт «Свои» и «Чужие», отмечал, что данное противопоставление формируется не объективно существующими различиями, а их субъективным отражением в сознании. Речь идет не о фактах, а о пред-

ставлениях о своем и чужом этносе, и эти представления могут быть мифологизированными и даже фантастическими [Степанов, 2004: 127].

Одним из письменных источников, содержащим первые свидетельства французов о русских, является сочинение М. де Монтеня *Journal du voyage en Italie en 1580 et 1581 (Дневник путешествия по Италии в 1580 и 1581)*, в котором философ рассказывает о московском после Леонтии Шевригине к римскому папе Григорию XIII в 1581 г. Монтень останавливается подробно на описании одежды русского посла: багряный плащ, сутана из золотой парчи, шапка из меха, скуфья из серебряного полотна [Алексеев, 1983: 24]. Большое внимание философ уделяет поведению Шевригина: русский посол был горд и тщеславен, отказался целовать папскую туфлю, насмешливо высказывался о церемонии, хвастался порядками родной страны [Алексеев, 1983: 28]. В этой связи нужно отметить, что Л.Н. Гумилёв главной чертой, определяющей этнос, считал именно этнический стереотип поведения [Степанов, 2004: 127].

Языковой составляющей этнической принадлежности являются названия этнических сообществ (этнонимы) [Сироткина, 2018: 223]. В период непрямых контактов России и Франции в дискурсе французов уже появляются названия и других народов, населявших русские земли. Г. Постель (1510–1581), занимавшийся исследованием «восточных языков», пишет в книге *De la république des Turcs (О государстве турок)* (1560 г.): «...христианское государство московитов вот уже более двухсот лет не даёт этим татарам сделать набег на Европу» [Алексеев, 1983: 33]. В данном фрагменте содержатся этнонимы, однокоренные названиям территориальных единиц, указанных на европейских картах данного периода: *Moscovia* и *Tartaria*. Идея противостояния русских и татар, отраженная в тексте Г. Постеля, позволяет предполагать, что французы могли понимать, что им предстоит знакомиться не с «множественной идентичностью» [Загрязкина, 2019: 18] жителя России, а с этническими свойствами отдельных народов.

Первым письменным свидетельством прямого контакта между Россией и Францией является дневник французского моряка Ж. Соважа *La route et la saison qu'il faut prendre pour faire le voyage de Saint-Nicolas pays de Moscovie par le Nord (Путь и время года, которые нужно выбрать для путешествия в землю Святого Николая в Московии через Север)* (1586). Ж. Соваж уже не использует название *московиты*, местное население он обозначает словом *Les Rousses (русские)*. Этноним *Les Rousses* еще не воспринят французским языком, орфография отличается от адаптированной позднее формы

Russes, возможно француз пытался максимально приблизить написание французского слова к акустической форме русского слова. Француз избегает называть этническую принадлежность жителей России, обозначая ее субститутами – местоимениями и существительными с неопределенным референтом: *ceux qui (me kto)*, *ils/ilz¹ (они)*; *les hommes (люди)* [Vianey, 2012: 72]. В своем рассказе француз пишет об особенностях повседневной культуры местных жителей, но последние представляют собой не столько этнические характеристики, сколько региональные черты «северности» (общий концепт, обозначающий реалии, связанные с холодными областями Северного полушария [Доржиева, 2008: 145].

Тенденция избежать употребления этнонима *русские* наблюдается в книге *Estat de l'Empire de Russie et Grande Duché de Moscovie (Состояние Российской империи и Великого княжества Московского)* (1607) Ж. Маржерета. Этноним *Russes* употребляется в основном тогда, когда жители России противопоставляются иностранцам или другим народам, живущим в стране. Из текста книги следует, что в России проживают также ливонцы (*Liuoniens*), татары (*Tartares*), турки (*Turcs*), персы (*Persiens*), мордвины (*Mordouites*), сибиряки (*Siberiens*), лапландцы (*Lapes*), черемисы (*Sheremisses*), казаки (*Cosagues*) [Margeret, 1860: 22]. К этническим группам причислены «сибиряки», – название, объединяющее людей на основе региональной идентичности. Имеется описание внешности народов «Сибирского царства»: “... *en phisionomie approchant des Tartares dits Nagae*” (*внешностью похожи на ногайских татар*), которые, как следует из текста, уже известны. Нужно отметить, что при анализе современных Ж. Маржерету европейских карт России не было найдено обобщающего названия, обозначающего «сибиряков», в отличие от названий общностей татар, мордвинов, черемисов, казаков, которые присутствуют на картах XVI в. в разнообразной орфографии. Возможно, это обозначение было окказиональным.

Представляется интересным рассмотреть зоны взаимодействия этнических групп, которые происходят на границах этнических ареалов. Как пишет Т.Ю. Загрязкина, именно на границах любого типа сосредотачиваются эмоции, переживания «обитаемого пространства» [Загрязкина, 2012: 21]. По мнению Ж. Маржерета, этнические сообщества России успешно сотрудничают с русскими: черемисы, мордвины, татары состоят на оплачиваемой военной службе в русской армии. Татарский этнос неоднороден: в тексте татары делятся на ногайских (*Tartares dits Nogays*) и крымских (*Tar-*

¹ Здесь и далее сохранена орфография первоисточника. – Прим. В.С.

tare dit Krim), располагающихся на территориях за Волгой и в южных районах России и Крыма. Взаимодействуют татары с русскими по-разному: по Маржерету, за пределами России татары – враг, наносящий ущерб, в пределах России – народ, сотрудничающий с русским царем.

Необходимо также остановиться на вербализации конфликтной формы взаимодействия этнических групп. Проанализируем фрагмент текста, посвященный ливонцам. По словам Ж. Маржерета, ливонцы – лютеране были взяты в плен Иоанном Васильевичем и привезены в Москву, где получили в распоряжение жилье и храм. Но впоследствии, по распоряжению царя, ливонцы были изгнаны за пределы Москвы, где им было дано место для строительства нового жилья и храма. Причиной недовольства русского государя и местных жителей, по мнению француза, было высокомерное поведение ливонцев, которое проявлялось в том, что они носили роскошные одежды (*“leurs habits si somptueux”*) [Margeret, 1860: 22]. И снова, как и в описании М. де Монтеня, основными темами становятся чрезмерно роскошная одежда и гордое, высокомерное поведение, недостаточное смирение, но теперь уже не русского посла в Европе, а пленных ливонцев в России. Рассказ М. де Монтеня иллюстрирует характерную для поликультурных контактов дихотомию «Мы» (французы/европейцы) и «Они» (русские), а свидетельство Ж. Маржерета – противопоставление «Они» (ливонцы) и «Они» (русские).

Подводя итог, можно сказать, что в XVI в. еще до начала прямых контактов французам были известны названия ряда этнических групп, в основном крупных (*Tartars*). В процессе прямого взаимодействия известные группы были дифференцированы на субэтнические группы и получили обозначение в языке (*Tartares dits Nogays, Tartare dit Krim*). Особое внимание французов привлекли народы, успешно владеющие военными техниками (*Cosaks, Tartars*) и участвующие в военных походах (*Mordouites, Sheremisses*). Среди этнических характеристик народов России были отмечены: язык, территории расселения, стереотипы поведения, религия, одежда, внешность. На первых этапах контактов прослеживается неуверенность французов в определении этнической принадлежности, подмена этнической идентичности региональной (*Siberiens*), употребление этнически немаркированных субститутов (*ils, les hommes*). Название этнических общностей использовались в основном в контексте противопоставлений другим народам. Были обозначены конфликтные зоны и зоны взаимодействия этнических общностей России. Все эти факты – пример взаимодействия языка и культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев М.П.* Сравнительное литературоведение. Л., 1983.
2. *Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Сусоколов А.А.* Этносоциология. Учебное пособие для вузов. М., 1999.
3. *Доржиева Г.С.* Концепт «Северность» в региональной топонимии Квебека // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2008. № 1. С. 145–156.
4. *Загрязкина Т.Ю.* Антропология пространства // *Вестн. Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2012. № 4. С. 9-29.
5. *Загрязкина Т.Ю.* Феномен Франкофонии: от универсализма к культурному разнообразию // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2019. № 2. С. 9–23.
6. Новая философская энциклопедия. Т. 4 / Под ред. В.С. Стёпина. 2010.
7. *Сироткина Т.А.* Этнонимия многонационального региона как зеркало национальной идентичности // *Вопросы географии. Сб. 146. Актуальные проблемы топонимики.* М., 2018.
8. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004.
9. *Тишков В.А.* От этноса к этничности и после // *Этнографическое обозрение.* 2016. № 5. С. 5-22.
10. *Margeret (Capitaine), Chevreul H.* Etat de l'Empire de Russie et grande duché de Moscovie. P., 1860.
11. Le Robert Micro dictionnaire de l' apprentissage de la langue française // Dir. par Alain Rey. Montreal Canada, 1998.
12. *Vianey B.* Tout autour du voyage de Jean Sauvage en Moscovie en 1586. М.: Тезаурус, 2012.

Vera E. Smirnova

LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE FRENCH IDEAS ABOUT THE ETHNICITY OF THE PEOPLES OF RUSSIA (A CASE STUDY OF THE MEMOIRS OF FRENCH AUTHORS OF THE XVI–XVII CENTURIES)

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119192*

A linguistic representation of ethnic ideas of the French about the peoples of the Russian territories which were formed in the initial period of Russian-French cultural contacts are considered in the article. The material of the study is written French-language documentary records about the representatives of Russia of the XVI–XVII centuries. The research is carried out taking into account the main approaches to understanding the phenomenon of ethnicity, developed by Russian and foreign scholars of the XX–XXI centuries. The presence of shared ideas of the members of the ethnic community about the common origin, language, material and spiritual culture, the recognition of the important role of ethnic identity for the self-expression of the community and its recognition by others are taken into consideration. As a result of the analysis of the material, the following ethnic characteristics

of the peoples of Russia were noted: language, territories of settlement, behavior patterns, religion, clothing, appearance. The main features of the formation of ethnic ideas of the French about the ethnic communities inhabiting Russia were also identified, such as: background knowledge of large ethnic groups whose names were reflected on the European maps; differentiation of known ethnic communities into sub-ethnic groups; special attention to peoples who successfully master military techniques; uncertainty in determining the ethnicity of a group; substitution of ethnic identity for regional; interest in areas of interaction between ethnic groups. The specificities of the formation of ethnic representations are reflected in the language in the following processes: adaptation of the French orthography of the ethnonym to the acoustic form of the Russian word; expansion of the list of ethnonymic lexemes, taking into account the differentiation into sub-ethnic groups; creation of ethnonyms-occasionalisms; use of ethnically unmarked substitutes instead of ethnonyms.

Key words: ethnonym; ethnic representations; ethnicity; peoples of Russia of the XVI–XVII centuries; regional identity; ethnic community; Russians; French discourse; interaction zones.

About the author: *Vera E. Smirnova* – PhD student, Assistant Professor at Department of French Language and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: veras777@mail.ru).

REFERENCES

1. Alekseev M.P. 1983. *Sravnitel'noe literaturovedenie* [Comparative Literature Studies]. Leningrad, Nauka. (In Russ.)
2. Arutyunyan Yu.V., Drobizheva L.M., Susokolov A.A. 1999. *Etnosotsiologiya. Uchebnoe posobie dlya vuzov* [Ethnosociology. Textbook for universities]. Moscow, Aspekt press. (In Russ.)
3. Dorzhieva G.S. 2008. *Kontsept* “Severnost” v regional'noi toponimii Kvebeka [The concept of “Northernness” in the regional toponymy of Quebec]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 145–156. (In Russ.)
4. Zagrzazkina T.Ju. 2012. Antropologiya prostranstva [Anthropology of space]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 9–29. (In Russ.)
5. Zagryazkina T.Yu. 2019. Fenomen Frankofonii: ot universalizma k kul'turnomu raznoobraziyu [The phenomenon of Francophonie: from universalism to cultural diversity]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 9–23. (In Russ.)
6. *Novaja filosofskaja jenciklopedija* [The New Philosophical Encyclopedia]. 2010. In Stepin V.S. (ed.), vol. 4. Moscow, Mysl'. (In Russ.)
7. Sirotkina T.A. 2018. Etnonimiya mnogonatsional'nogo regiona kak zerkalo natsional'noi identichnosti [Ethnonymy of a Multinational region as a mirror of National Identity]. In Kotlyakov V.M. (ed.) *Voprosy geografii. Sb.146. Aktual'nye problemy toponimiki* [Questions of geography. Pub. 146. Actual problems of toponymy]. Moscow, Kodeks. (In Russ.)

8. Stepanov Yu.S. 2004. *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Akademicheskii proekt. (In Russ.)
9. Tishkov V.A. 2016. Ot etnosa k etnichnosti i posle [From ethnos to ethnicity and after]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 5, pp. 5–22. (In Russ.)
10. Margeret (Capitaine), Chevreul H. 1860. *Estat de l'Empire de Russie et grande duché de Moscovie*. Paris, Chez le Potier.
11. Le Robert Micro dictionnaire de l' apprentissage de la langue française. 1998. In Rey A. (ed.). Montreal Canada, Robert.
12. Vianey B. 2012. *Tout autour du voyage de Jean Sauvage en Moscovie en 1586*. Moscow, Tezaurus.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

Л.В. Полубиченко

МЕЖСЕМИОТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД В СЕМИОТИЧЕСКИ ГЕТЕРОГЕННЫХ ТЕКСТАХ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Любое сравнение двух языков предполагает
рассмотрение их взаимной переводимости.

Якобсон Р.О. О лингвистических аспектах перевода

Применительно к текстам, созданным на любых естественных человеческих языках и переведенных на другие естественные языки, теорией перевода разработан надежный категориально-понятийный аппарат и соответствующий терминологический инструментарий, позволяющие доказательно их сопоставлять, аргументированно обосновывая свои суждения и выводы относительно достоинств и недостатков перевода. Несмотря на то что понятие межсемиотического / интерсемиотического перевода было введено в переводоведение еще в 1959 г., он изучен гораздо хуже межъязыкового: не очень понятно даже, в какой степени применимы в этом виде перевода традиционные понятия и метаязык теории перевода. На материале выполненных разными художниками иллюстраций к сказкам Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье», телевизионных рекламных видеороликов и экранизаций литературных произведений показано, что взаимодействие семиотически гетерогенных сообщений в составе поликодовых текстов можно рассматривать как разновидность межсемиотического перевода и применять к их изучению понятийно-терминологический аппарат теории перевода (в частности, понятия *эквивалентности*, *адекватности*, *доместикации* / *форенизации*, *культурной адаптации*, *буквального* / *вольного перевода*, *переводческих трансформаций* и др.). Выявлено, однако, что взаимодействие семиотических кодов разной природы в

Полубиченко Лидия Валериановна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английского языка для естественных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: lpolubichenko@mail.ru).

некоторых разновидностях поликодовых текстов обладает очевидной спецификой, изучение которой требует расширения привычных рамок теории перевода и будет способствовать ее дальнейшему развитию.

Ключевые слова: перевод; теория перевода; межсемиотический перевод; интерсемиотический перевод; поликодовый текст; семиотически гетерогенный текст; мультимодальная лингвистика.

На протяжении XX в. постепенно осознавалась и преодолевалась узость традиционного подхода к тексту исключительно как к произведению речи на естественном человеческом языке, что ограничивало его природу только вербальными средствами выражения и фиксации мысли. Определяющую роль в этом процессе, как известно, сыграло появление и развитие семиотики, прежде всего труды Ч. Пирса, Ч. У. Морриса, Ф. де Соссюра, Р. Якобсона и Ю.М. Лотмана. В результате термин «текст» стал трактоваться сегодня настолько расширительно, что применяется уже к любым культурным артефактам (произведениям изобразительного искусства и фотографии, музыки, хореографии, кино, архитектурным сооружениям и пр.), осмысляясь как определенным образом организованная совокупность знаков той или иной природы или даже как «устройство, в котором сталкиваются и соплагаются языки» [Лотман, 2004: 582]. Для обозначения такого семиотически гетерогенного «устройства» используются самые разные метаязыковые единицы (*креолизованный / контаминированный / лингво-визуальный / изовербальный / видеовербальный / многоканальный / мультиканальный / полимодальный / поликодовый / гетерогенный / интерсемиотический / интермедиаальный / мультимедийный / мультимодальный / мультикодовый / смешанный* и пр., и пр. *текст / дискурс*), среди которых, насколько можно судить, наибольшую популярность в отечественной науке постепенно приобретает термин *поликодовый текст*, тогда как за рубежом предпочтение отдается термину *multimodal (text, discourse, communication)*.

Постепенно формируется новое направление лингвистических исследований – мультимодальная лингвистика, которая намерена покончить с характерной для современной науки фрагментацией, в данном случае – при изучении коммуникации, и учесть все коммуникативные каналы, присущие естественному человеческому общению, их внутреннюю организацию и взаимодействие в распределении передаваемой информации. «Только подход, признающий мультимодальность коммуникации, имеет шанс на создание реалистической лингвистики будущего» [Кибрик, 2010: 148].

Семиотический подход к тексту заставил по-новому взглянуть и на процесс перевода, и первым, кто это сделал, был, как известно, Р.О. Якобсон, постулировавший в 1959 г. в своей знаменитой статье “On Linguistic Aspects of Translation” возможность трех способов интерпретации вербального знака и, соответственно, существование трех видов перевода – внутриязыкового, межъязыкового и межсемиотического [Jakobson, 1959: 233]. Последний как раз и представляет собой передачу смыслов, выраженных знаками естественного языка, с помощью других семиотических средств, образующих текст уже совсем иной, невербальной природы. В поликодовом же тексте вербальные и невербальные семиотические системы сосуществуют и взаимодействуют, объединенные авторским замыслом в рамках единого текстового пространства, где каждому языку отведена своя роль в выражении авторской идеи и донесении ее до реципиента. Сколько-нибудь полное представление даже о наиболее типичных вариантах распределения ролей между разными знаковыми системами в семиотически гетерогенных текстах наука, насколько можно судить, пока не имеет. Тем не менее, ясно, что отношения простого дублирования, т.е. перевыражения одного и того же содержания средствами нескольких языков одновременно, в поликодовых текстах не редкость, что было установлено на материале телевизионных рекламных видеороликов [Полубиченко, Донская, 2007], а, следовательно, к анализу таких текстов можно и нужно подходить с позиций межсемиотического перевода. Поначалу, однако, работа в этой области продвигалась медленно, что в 1988 г. и констатировал А.Д. Швейцер: «...известное сближение теории перевода и семиотики, наметившееся за последнее время, еще не привело к ощутимым результатам» [Швейцер, 1988: 41].

Зато в последние 25-30 лет ученые разных стран заметно активизировали исследования поликодовых текстов, движимые как логикой развития конкретной, «своей» области гуманитарного знания, так и стремлением поставить и решить общие для современной гуманитаристики, междисциплинарные проблемы, такие, в частности, как объем самого понятия поли/мульти-кодности [Шипова, 2013], разработка понятийного аппарата и универсального метода интермедиального анализа [Чуканцова, 2009; Хаминова, Зильберман, 2014; Тишунина, 2001], выявление механизмов распознавания разных знаковых систем и переработки заложенной в них информации [Загидуллина, 2017; Волоскович, 2012; Некрасова, 2014] и др.

Такого рода исследования, безусловно, и нужны, и важны: обогащая конкретные гуманитарные дисциплины – прежде всего, лингвистику – интересными наблюдениями частного характера относительно изучаемых ими объектов, они развивают семиотику, а также выявляют и решают междисциплинарные проблемы. Но, как ни странно, их вклад в развитие теории перевода по-прежнему оказывается не слишком заметным. И хотя переводческая трихотомия Якобсона уже давно стала классической, вошла во все учебники и возражений не вызывает, до сих пор остается неясным, в чем состоит «технология» межсемиотического перевода и насколько применим к нему выработанный на межъязыковом материале категориально-понятийный аппарат теории перевода (способы, приемы и методы осуществления и анализа перевода, единицы перевода, переводческие трансформации, переводческие стратегии, уровни эквивалентности и т.д., и т.п.).

Чтобы наглядно продемонстрировать, о чем идет речь, обратимся к материалу, начав с книжных иллюстраций, ситуация с которыми, на первый взгляд, представляется наиболее простой: некоторые фрагменты содержания вербального компонента книжного текста перевыражаются живописно-графическими художественными средствами, что можно считать вполне очевидным случаем межсемиотического перевода в рамках семиотически гетерогенного художественного произведения. Книги для детей, всегда щедро иллюстрируемые, могут послужить богатым источником примеров, причем вклад художника-иллюстратора в создание такого семиотически гетерогенного продукта в некоторых случаях может оцениваться в культуре не ниже вклада автора иллюстрируемого им вербального текста.

Каноническими иллюстрациями к сказкам Льюиса Кэрролла об Алисе, как известно, считаются гравюры Джона Тенниела, принесшие ему мировую известность. Далеко не все из них, однако, могут быть использованы при издании книг об Алисе на других языках. Причины этой невозможности обнаруживаются в подходе Тенниела к переводу английского вербального текста в визуальные образы: Кэрролл требовал от иллюстраций буквализма, то есть семантически точной интерпретации своих слов и тех образов, которые он пытался с их помощью воплотить и специально пояснял художнику; он безусловно рассматривал вербальную и графическую составляющие текста как единое целое, прямо отсылая читателя к иллюстрациям вместо того, чтобы предлагать ему описание, например: *If you don't know what a Gryphon is, look at the picture.* При этом кэрроллов-

ские образы нередко оказываются столь тесно связанными с национально-специфической семантикой и коннотациями используемых писателем английских слов, с социокультурным контекстом своей эпохи, что попытки их буквального воспроизведения средствами иного естественного языка приводят к плачевным результатам, а для достижения адекватности перевода требуются значительные семантические трансформации и культурная адаптация текста.

Одним из таких образов является *Mock Turtle*, имя которого блестящий переводчик книг об Алисе Н.М. Демурова считала «самым тяжелым для перевода» [Демурова, 1970: 169], так как оно было образовано Кэрроллом от названия реалии *Mock Turtle Soup* (суп из телячьей головы, по вкусу имитирующий черепаховый), появившейся в Британии и некоторых других странах Европы еще в середине XVIII в., но совершенно не знакомой современному русскоязычному читателю. Тенниел детально (по-буквалистски!) отобразил в своей гравюре сочетание черепаших (тело и передние конечности) и телячьих (голова, задние ноги с копытами и хвост) характеристик этого персонажа, который выглядит не менее реалистично, чем сидящий рядом Грифон, также соединяющий в себе признаки разных животных – орла и льва (рис. 1). Если с грифоном, известным во всех европейских культурах мифологическим существом, проблем у русских переводчиков возникнуть не могло и его вполне традиционное изображение Тенниелом годится для иллюстрирования перевода «Алисы» на любой европейский язык, то вариантов перевода *Mock Turtle* было предложено немало (*Фальшивая Черепаха*, *Фальшивая Черепаха из телячьей головки*, *Лже-Черепаха*, *Мок-Тартль*, *Телепаха*, *Минтакраб* и др.), однако все они лишали рисунок Тенниела мотивации и, соответственно, делали невозможным его использование в переводе. Н.М. Демурова хорошо осознавала важность перевода вербальных образов в графические в литературе для детей и, предлагая вариант *Под-Котик*, заранее прикидывала, как должен выглядеть этот персонаж на картинке: «Под-Котик, если б его рисовать, должен бы быть морским котиком с кроличьей головой и хвостиком. Спереди у него должны бы быть ласты, как у котика, а сзади – кроличьи лапки» [Демурова, 1970: 171]; кроме того, эта культурная адаптация неизбежно влекла за собой целый ряд семантических трансформаций (лже-суп становился меховой лже-муфтой и пр.). Не вполне удовлетворенная этим своим решением, для более позднего издания книги она предложит иной, более близкий к оригиналу вариант – *Черепаха Квази* и, соответственно, *квази-черепаший суп*.

Рис. 1

Другой прекрасный переводчик «Алисы» Б. Заходер нашел свой вариант решения проблемы – *Рыбный Деликатес*, что потребовало замены иллюстрации Тенниела образом, более соответствующим русскому представлению о рыбных деликатесах: скрыв тело загадочного существа драпировкой, художник Г.В. Калиновский сочетал в нем голову и плавники рыбы (надо думать, вкусной и дорогой) с конечностями краба (рис. 2). Заметим, что грифон, несмотря на стилизованную композицию и уже совсем не претендующую на реализм манеру художника, сигнализирующую о более вольном подходе к передаче вербальных знаков художественными образами, и на этой иллюстрации сохранил свои инвариантные опознавательные признаки.

Рис. 2

Совсем вольным можно считать подход к иллюстрированию сказок Кэрролла, продемонстрированный Сальвадором Дали (рис. 3), который – в своей узнаваемой манере – объединил весь цикл из 12 иллюстраций сквозными образами прыгающей через скакалку девушки (Алисы?), порхающих бабочек, ползущих гусениц и пр., навеянными текстом, но не соответствующими никакому конкретному его фрагменту. От грифона на гравюре не осталось и следа (опущение), а мотив *Mock Turtle* получил смысловое развитие, обретя форму сухопутной черепахи (в этом не оставляют сомнений форма панциря и лапы с когтями), под которой просматриваются контуры чего-то, напоминающего погруженную в воду (суп?) черепаху морскую. Это открывает широкий простор для интерпретаций, одной из которых вполне может быть и такая, что сухопутная черепаха (по-английски это уже не *turtle*, а *tortoise*) есть не что иное, как ложная/фальшивая (*mock*) морская черепаха (*turtle*). В общем, вольный подход Дали к переводу кэрролловского текста в визуальные изображения оставляет гораздо больше простора фантазии читателя и делает возможным использование его иллюстраций в переводах «Алисы» практически на любые вербальные языки, что оказывается невозможным в случае более буквалистского подхода художников к иллюстрированию текстов сказок.

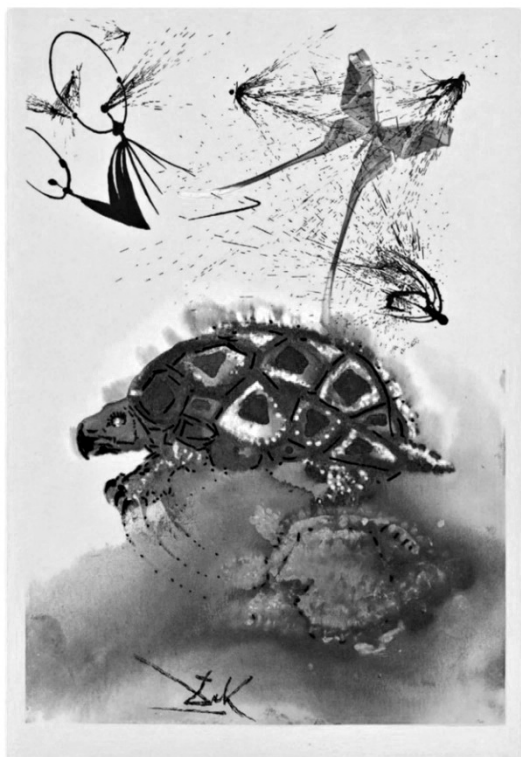

Рис. 3

Кэрролловские истории об Алисе известны во всем мире, в том числе и в достаточно экзотических его уголках, где языки и культуры народов весьма далеки от запечатленной Кэрроллом викторианской Англии. Этим объясняется появление отдельных любопытных случаев весьма радикального подхода к переводу «Алисы», заставляющих вновь обратиться к традиционной, но так до конца и не решенной в переводоведении проблеме соотношения и границ между собственно переводом (причем переводом во всех трех его ипостасях – межъязыковой, внутриязыковой и межсемиотической) и адаптивным транскодированием, или адаптацией. Взгляды отечественных и зарубежных переводоведов на этот вопрос применительно к изучению межъязыкового перевода эволюционировали и постепенно устоялись [Станиславский, 2015а; 2015б], однако развитие семиотики и все возрастающий интерес к изучению невербальных языков живописи, кино, театра, танца, музыки и пр. не перестают возвращать переводоведов к данной проблематике уже в более широком, межсемиотическом и междисциплинарном контексте.

Так, американская художница Эрин Тэйлор (Erin Taylor) проиллюстрировала «Алису с Стране Чудес» для африканских детей, осуществив также и внутриязыковой перевод оригинала, опубликованный в 2009 г. под названием “Alice’s Wonderful Adventures in Africa”. И вербальный, и невербальный компоненты получившегося в результате произведения адаптированы к африканским реалиям, в обоих случаях реализуется стратегия доместикации: Алиса стала чернокожей и, похоже, двуязычной, так как в ее английскую речь время от времени вплетаются слова из языка суахили; место ее любимой кошки Дины занял любимый козленок (*goat*); Герцогиня превратилась в жену вождя племени пигмеев (*pygmy chief’s wife, chiefess*); ее кухарка – в пигмейку (*pygmy woman*); лакей-лягушонок – в пустынную жабу (*desert toad*), заговорив при этом по-английски с южноафриканским акцентом; младенец обратился не в обычного поросенка (*pig*), как у Кэрролла, а в дикую африканскую свинью бородавочника (*warthog*) и т.д., и т.п. Даже Чеширский кот стал африканской кошкой сервалом, сохранив при этом не только свою фирменную улыбку, но и имя *Cheshire cat*. Подчеркнем, что иллюстрации вносят в создание африканского колорита сказки не меньший вклад, чем ее вербальный компонент. Вот, например, как выглядит у Эрин Тэйлор все та же сцена знакомства Алисы с Грифоном и Mock Turtle (рис. 4): кроме негроидной расовой принадлежности Алисы, обращают на себя внимание африканские барабаны, типич-

Рис. 4

ные для Африки яркие цвета и их сочетания в характерных орнаментах и, конечно, хорошо узнаваемая голова антилопы гну на плечах Mock Turtle вместо телячьей головы.

Еще раньше перенесла историю Алисы в совершенно иной национально-культурный контекст Нэнси Шеппард (Nancy Sheppard), осуществившая в 1975 г. доместицирующий внутриязыковой перевод оригинала с адаптацией его к реалиям жизни австралийских аборигенов, что нашло отражение и в иллюстрациях художников Байрона У. Сьюэлла (рис. 5), а позже – Донны Лесли (рис. 6). И снова на уровне вербальной составляющей произведения мы имеем дело с заменой типично английских реалий – на этот раз на австралийские, с использованием соответствующей лексики из аборигенных языков: белый кролик с веером и в лайковых перчатках превратился в белого кенгуру с палкой-копалкой и dilly bag – плетеной из травы сумочкой для всяких мелочей; мышшь, попавшая в наплаканное Алисой море слез, конкретизировалась в австралийскую прыгающую (кенгуровую) мышшь; гусеница стала деликатесной белой личинкой (*Witchetty Grub*), соня – коалой, игра в крокет – торжественным праздничным действием (в австралийском английском – *Corroboree*) с заменой кэрролловских ежей и фламинго на ехидн и аистов и т.д.

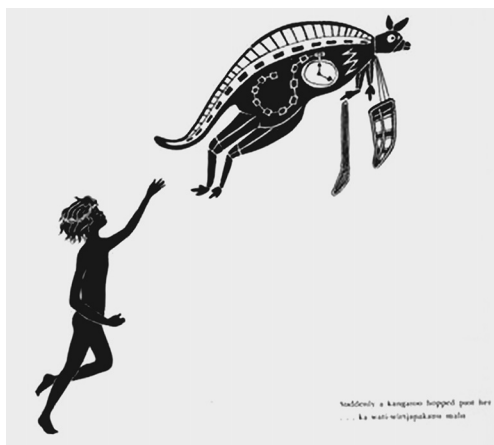

Рис. 5

В иллюстрациях всему этому соответствуют не только наглядные изображения вербально упомянутых предметов и персонажей, но и чисто графические средства, безошибочно указывающие на национально-культурную принадлежность текста: симитированные художниками стили аборигенной живописи – рентгеновский (рис. 5) и стиль “раррк” (рис. 6), изображение Алисы смуглой, голой и босой и пр.

Рис. 6

Несложно заметить, что многочисленные лексико-семантические замены такого рода, а также их отражение в иллюстрациях к книге прекрасно объясняются с позиций теории динамической эквивалентности Ю. Найды и скопос-теории, ставших уже классикой переводоведения, сформировавшегося на материале межъязыкового перевода. В самом деле, превращения Герцогини в жену вождя пигмеев или белого кролика в белого кенгуру ничем принципиально не отличаются от многократно обсуждавшихся случаев культурной адаптации, признанных переводоведами полноценной коммуникативной заменой: *белый как перо цапли* вместо *белый как снег*, *койоты* вместо *волки*, *тортилья* / *кукурузная лепешка* вместо *хлеб* и пр., и пр. Иными словами, функциональные, телеологические и культурно-этнические аспекты переводческой деятельности столь же актуальны для межсемиотического, как и для межъязыкового перевода, а разработанный для изучения последнего понятийно-терминологический инструментарий вполне применим и для анализа перевода на языки иной семиотической природы.

Это наблюдение подтверждают выводы немногочисленных пока работ, целенаправленно рассматривающих те или иные конкретные случаи перевыражения с помощью невербальных средств смыслов, уже выраженных вербально, именно как проблему межсемиотического перевода. Особенно плодотворным оказывается в этом плане

изучение так называемого языка кино, представляющего собой, как показало наше исследование, проведенное на материале 250 британских и американских телевизионных рекламных роликов общей протяженностью почти 2,5 часа, сочетание до 14 активно взаимодействующих смыслообразующих семиотических систем, «как собственно вербальных (устная речь, письменный текст) или смешанного характера (буквенная тактика), так и невербальных (цвет, раскадровка, танец, кинесика, статика, мимика, музыка, пение, звуковые эффекты, костюм, а также вид и состояние героев/явлений/объектов)» [Полубиченко, Донская, 2007: 37]. Так, например, О.А. Леонтович, уже более 10 лет изучающая межкультурные аспекты зарубежных экранизаций русской классики, систематически опирается в своем анализе на традиционные стратегии доместикации и форенизации (добавляя к ним еще и стратегию универсализации, необходимость в которой, похоже, была продиктована исключительно межкультурным фокусом исследования и которую интересно было бы обсудить с позиций развития теории перевода), а также на понятие переводческих трансформаций, выделяя редукцию (известную в переводоведении как опущение), расширение (добавление) и реинтерпретацию, под которой понимается «переделка оригинала в соответствии с творческим замыслом режиссера» [Leontovich, 2019: 400]. Последней нет прямых соответствий в известных классификациях переводческих трансформаций. Явления такого типа обычно считаются в переводоведении адаптацией, и ничего принципиально нового для теории перевода в них нет, хотя, надо признать, и согласия между учеными относительно роли и места адаптации в переводе тоже нет.

В то же время переводоведами практически единогласно признается, что единица перевода может быть разной протяженности – вплоть до целого текста, если составляющим его элементам по отдельности в языке перевода не удастся подобрать соответствий. Невольно вспоминается вполне уместное в данном контексте утверждение Ю.М. Лотмана: «В текстах этого типа именно текст [целиком] является носителем значения» [Лотман, 2004: 178], сделанное, правда, применительно к текстам не вербальным, а совсем иного рода – недискретным (невербальным, континуальным), к каковым он относил, в частности, и «язык кино». Вопросы взаимной переводимости вербальных и невербальных языков и текстов, как известно, занимали ученого многие годы, до конца жизни, но он размышлял над ними не с позиций теории перевода, а как исследователь семиотических механизмов культуры и с этих позиций, хотя и с некоторыми оговорками, неоднократно высказывал мысль о взаимной непереводимости текстов разной семиотической приро-

ды – вербальной и невербальной: «Дискретной и точно обозначенной семантической единице одного текста в другом соответствует некоторое смысловое пятно с размытыми границами и постепенными переходами в область другого смысла» [Лотман, 2004: 178]. Понятно, что «смысловое пятно с размытыми границами» – это некий фрагмент невербального текста, смысл которого «не организуется ни линейной, ни временной последовательностью, а «размазан» в n-мерном семантическом пространстве данного текста (полотна картины, сцены, экрана, ритуального действия, общественного поведения или сна)» [Лотман, 2004: 178].

Тем не менее попытки членения невербальных «смысловых пятен» на более мелкие составляющие и вербального выражения содержащегося в них смысла не прекращаются, что, надо признать, постепенно меняет положение дел в данной области по сравнению с 1977 г., когда Ю.М. Лотман констатировал, что «недискретные языки находятся еще в начальной стадии изучения, и мы практически не имеем аппарата для их описания» [Лотман, 2004: 567]. В эту междисциплинарную область знания вносят вклад ученые разных специальностей. Лингвисты, в частности, активно занимаются исследованием и типологизацией невербальных знаков политического, рекламного, делового, педагогического, бытового и некоторых других актуальных сегодня типов дискурса, для которых характерно создание письменных и устных поликодовых текстов, а значит, постоянно встает вопрос о взаимопереводимости либо комплементарности выражаемых вербальными и невербальными средствами сообщений. Интерес переводоведов к изучению межсемиотического перевода стимулируется и стремительным развитием цифровых технологий в области средств массовой коммуникации, выдвигающих на первый план в текущем повседневном межкультурном обмене информацией аудиовизуальный перевод разных видов (кино, телевизионные программы, видеоигры и пр. феномены массовой культуры), требующий от переводчика «навыков функционально и динамически эквивалентного перевода аудиовизуальных произведений» [Козуляев, 2015: 4].

Таким образом, представляется, что настало время и созрели условия для серьезного, систематического изучения межсемиотического перевода. Мы попытались показать, что разработанный теорией перевода категориально-понятийный аппарат и метаязык применимы и к изучению взаимодействия семиотически гетерогенных сообщений в составе поликодовых текстов, которые нередко связывают отношения взаимоперевода – буквального либо вольного. Изучение взаимодействия семиотически гетерогенных компонентов в составе поликодовых текстов разных типов должно при-

вести к расширению и углублению сложившихся в переводоведении представлений об эквивалентности и адекватности перевода, единице перевода, переводческих трансформациях и др., обеспечив тем самым теории перевода дальнейшее развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Волоскович А.М.* Когнитивные и семиотические аспекты взаимодействия компонентов полимодального текста: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012. С. 26.
2. *Демурова Н.М.* Голос и скрипка (К переводу эксцентрических сказок Льюиса Кэрролла). Мастерство перевода. 1970. Сборник седьмой. М., 1970. С. 150–185.
3. *Загидуллина М.В.* Интермедиальность в эпоху тотальной медиатизации: как технологии влияют на литературу и ее теорию // Павермановские чтения. Литература. Музыка. Театр: Сборник научных трудов. М., 2017. С. 60–77.
4. *Кибрик А.А.* Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования – IV / Под ред. Ю.И. Александрова, В.Д. Соловьева. М., 2010. С. 134–152.
5. *Козуляев А.В.* Обучение динамически эквивалентному переводу аудиовизуальных произведений: опыт разработки и освоения инновационных методик в рамках Школы аудиовизуального перевода // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2015. №3 (13). С. 3–24.
6. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб., 2004.
7. *Некрасова Е.Д.* К вопросу о восприятии полимодальных текстов // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 45–48.
8. *Полубиченко Л.В., Донская М.М.* Семиотика вербального и невербального в мультимедийном рекламном дискурсе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2. С. 36–52.
9. *Станиславский А.Р.* Адаптация и перевод: коммуникативность, функциональность, интермедиальность // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 9. URL: <https://human.snauka.ru/2015/09/12575> (дата обращения: 03.05.2021).
10. *Станиславский А.Р.* Адаптация и перевод: языковое посредничество // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 8. URL: <https://human.snauka.ru/2015/08/12209> (дата обращения: 03.05.2021).
11. *Тишунина Н.В.* Методология интермедиального анализа в свете междисциплинарных исследований // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. 2001. Вып. 12. С. 149–154.
12. *Хамина А.А., Зильберман, Н.Н.* Теория интермедиальности в контексте современной гуманитарной науки // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 38–45.
13. *Чуканцова В.О.* Интермедиальный анализ в системе исследования художественных текстов: преимущества и недостатки // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 108. С. 140–145.
14. *Швейцер А.Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М., 1988.
15. *Шитова И.А.* Функциональная сущность мультикодовости как многоуровневого лингвистического знака (на материале немецкоязычного художественного текста // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5. С. 289–293.
16. *Jakobson R.* On Linguistic Aspects of Translation // On Translation. Cambridge, 1959. P. 232–239.
17. *Leontovich O.* “A Sensible Image of the Infinite”: Intersemiotic Translation of Russian Classics for Foreign Audiences // Russian Journal of Linguistics. 2019. 23 (2). P. 399–414.

**INTERSEMIOTIC TRANSLATION IN SEMIOTICALLY
HETEROGENEOUS TEXTS**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

For texts produced in any natural human language and translated into other natural languages, translation theory has developed a reliable conceptual apparatus and terminology that allow their unbiased comparative analysis leading to valid conclusions as to the merits and demerits of the translations. Although the concept of intersemiotic translation was introduced into translation studies as early as 1959, it has been much less studied than interlingual translation: it is not even very clear to what extent the traditional concepts and metalanguage of translation theory apply to this type of translation. Having analyzed the illustrations to Lewis Carroll's *Alice in Wonderland* and *Through the Looking-Glass* made by different artists, as well as television commercials and film adaptations of literary works, we show that interactions of semiotically heterogeneous strata within multimodal texts could be viewed as varieties of intersemiotic translation and their study could be based on the traditional categorical and conceptual apparatus of translation theory (the notions of *equivalence*, *adequacy*, *domestication/foreignization*, *cultural adaptation*, *literal/freestyle translation*, *translation transformations*, etc.). It has been revealed, however, that in certain types of multimodal (polycodal) texts the interaction of semiotic codes of different nature has obvious specificities that do not fit into the familiar theoretical paradigm and require an expansion of the framework of translation theory, thus contributing to its further development.

Key words: translation; translation theory; inter-semiotic translation; transmutation; polycodal text; semiotically heterogeneous text; multimodal linguistics.

About the author: *Lydia V. Polubichenko* – Dr. habil in Philology, Professor, Head of English Department for Science Students, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: lpolubichenko@mail.ru).

REFERENCES

1. Voloskovich A.M. 2012. *Kognitivnye i semioticheskie aspekty vzaimodeistviya komponentov polimodal'nogo teksta* [Cognitive and semiotic aspects of interaction of the components within the polymodal text]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. (In Russ.)
2. Demurova N.M. 1970. *Golos i skripka (K perevodu ekstsentrisheskikh skazok L'yuisa Kerrolla)* [The Voice and the Violin (Towards a translation of Lewis Carroll's eccentric tales)]. In *Masterstvo perevoda. Sbornik sed'moi*. Moscow, Sovetskii pisatel', pp. 150–185. (In Russ.)
3. Zagidullina M.V. 2017. *Intermedial'nost' v epokhu total'noi mediatizatsii: kak tekhnologii vliyayut na literaturu i ee teoriyu* [Intermediality in a time of total mediatization: how technologies affect literature and its theory]. In *Pavermanovskie chteniya. Literatura. Muzyka. Teatr: sbornik nauchnykh trudov*. Moskva: Kabinetnyi uchenyi, pp. 60–77. (In Russ.)

4. Kibrik A.A. 2010. *Mul'timodal'naya lingvistika* [Multimodal linguistics]. In Yu.I. Aleksandrova, V.D. Solov'eva (eds.) *Kognitivnye issledovaniya – IV*. Moscow, IP RAN, pp. 134–152. (In Russ.)
5. Kozulyaev A.V. 2015. Obuchenie dinamicheski ekvivalentnomu perevodu audiovizual'nykh proizvedenii: opyt razrabotki i osvoeniya innovatsionnykh metodik v ramkakh Shkoly audiovizual'nogo perevoda [Teaching the dynamically equivalent translation of audiovisual discourses: innovative approaches of the school of audiovisual translation]. *Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*, no. 3 (13), pp. 3–24. (In Russ.)
6. Lotman Yu.M. 2004. *Semiosfera* [Semiosphere]. S.-Peterburg, “Iskusstvo – SPB”. (In Russ.)
7. Nekrasova E.D. 2014. K voprosu o vospriyatii polimodal'nykh tekstov [On multimodal perception of the text (a psycholinguistic experiment)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 378, pp. 45–48. (In Russ.)
8. Polubichenko L.V., Donskaya M.M. 2007. Semiotika verbal'nogo i neverbal'nogo v mul'timediiinom reklamnom diskurse [The interplay of verbal and non-verbal semiotics in multimedia commercials]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 36–52. (In Russ.)
9. Stanislavskii A.R. 2015. Adaptatsiya i perevod: kommunikativnost', funktsional'nost', intermedial'nost' [Adaptation and translation: communicativity, functionality, intermediality]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*, no. 9. URL: <https://human.snauka.ru/2015/09/12575> (accessed: 3.05.2021). (In Russ.)
10. Stanislavskii A.R. 2015. Adaptatsiya i perevod: yazykovoe posrednichestvo [Adaptation and translation: language mediation]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*, no. 8. URL: <https://human.snauka.ru/2015/08/12209> (accessed: 3.05.2021). (In Russ.)
11. Tishunina N.V. 2001. Metodologiya intermedial'nogo analiza v svete mezhdistsiplinarnykh issledovaniy [Methodology for intermedia analysis in the light of interdisciplinary research]. *Metodologiya gumanitarnogo znaniya v perspektive XXI veka*. Issue 12, pp. 149–154. (In Russ.)
12. Khaminova A.A., Zil'berman. N.N. 2014. Teoriya intermedial'nosti v kontekste sovremennoi gumanitarnoi nauki [The theory of intermediality in the context of modern humanities]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 389, pp. 38–45. (In Russ.)
13. Chukantsova V.O. 2009. Intermedial'nyi analiz v sisteme issledovaniya khudozhestvennykh tekstov: preimushchestva i nedostatki [Intermediality in the system of approaches to the study of literary texts: advantages and disadvantages]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, no. 108, pp. 140–145. (In Russ.)
14. Shveitser A.D. 1988. *Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty* [Theory of translation: status, problems and aspects]. Moscow, Nauka. (In Russ.)
15. Shipova I.A. 2013. Funktsional'naya sushchnost' mul'tikodovosti kak mnogourovnenogo lingvisticheskogo znaka (na materiale nemetskoyazychnogo khudozhestvennogo teksta [Functional essence of multi-code as a multi-level linguistic sign (based on the material of German literary text)]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, no. 5, pp. 289–293. (In Russ.)
16. Jakobson R. 1959. On Linguistic Aspects of Translation. *On Translation*. Cambridge, Mass., pp. 232–239.
17. Leontovich O. 2019. “A Sensible Image of the Infinite”: Intersemiotic Translation of Russian Classics for Foreign Audiences. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (2), pp. 399–414.

У Айжун, Сюй Тинсю

**ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КИТАЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ: ФУНКЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА
НА РУССКИЙ ЯЗЫК
(НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА ПОВЕСТЕЙ БИ ФЭЙЮЯ «ЛУННАЯ
ОПЕРА»)¹**

*Шанхайский университет иностранных языков
200083, Шанхай, Dalian (W.) Rd., 550, Китай*

В статье на материале повестей Би Фэйюя, одного из китайских писателей 1960-х годов, анализируются особенности функционирования числительных в текстах китайской художественной литературы, а также рассматриваются проблемы, возникающие при их переводе на русский язык. Анализ контекстов употребления числительных в китайском тексте позволил выделить помимо собственно обозначения отвлеченного количества (эта универсальная функция не рассматривалась) еще три их функции: сюжетобразующая функция, функция усиления при использовании числительных как компонента в риторических приемах, а также функция создания языковой игры при употреблении в идиомах. Представлен анализ переводческих стратегий при передаче числительных с двух позиций: дается характеристика причин, вызывающих трудности при переводе числительных, а затем рассматриваются возможные способы перевода. В качестве источника материала для анализа перевода на русский язык взят опубликованный в России сборник повестей «Лунная опера» (пер. А. и О. Родионовых. СПб.: Азбука, 2014). Выделены трудности, связанные с культурно-языковыми и эмоциональными различиями в восприятии чисел, а также вызванные недостаточным пониманием сюжетобразующей функции числительных. При рассмотрении возможных путей перевода авторы опираются на переводческую теорию, ориентированную на социальную семиотику, и в рамках стратегий форенизации или доместикации предлагают в зависимости от наличия (отсутствия) культурного значения у числительного в оригинале следовать либо буквальному переводу (форенизация), либо вольному переводу или переводу с помощью эквивалентных замен (доместикация).

У Айжун – профессор, доктор филологических наук, декан факультета языков стран Центральной Азии Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Шанхайского университета иностранных языков (e-mail: airongwu@126.com).

Сюй Тинсю – сотрудник, Управление иностранных дел муниципального народного правительства Шанхая (e-mail: xutingxiu1995@qq.com).

¹ Проект фонда «Шанхайский проект философии и социальных наук: исследование языкового образования в Центральной Азии в рамках инициативы “Один пояс, один путь”», 2018BY001 (基金项目: 上海市哲学社会科学规划课题: “一带一路”倡议背景下中亚语言教育状况调查研究, 2018BY001).

Ключевые слова: китайская литература; Би Фэйюй; функции числительных; перевод числительных; проблемы перевода; форенизация; доместикация; эквивалентность.

Введение

Числительные в китайском языке, как и в других языках, помимо обозначения количества могут также служить для передачи определенного культурного смысла, закрепленного в языковом сознании носителей языка, и в ряде употреблений в текстах художественной литературы могут относиться к разряду безэквивалентной лексики. В связи с этим перевод числительных давно привлекает внимание ученых: в некоторых ситуациях он может быть довольно сложным, в некоторых – практически невозможным без дополнительного комментария переводчика.

Объектом исследования в данной работе являются китайские числительные и их перевод на русский язык в произведениях китайского писателя Би Фэйюя, ставшего известным в литературных кругах в 1991 г. после публикации новеллы «Изолированный остров». Начиная с новеллы «Лунная опера», переведенной на французский язык, произведения Би Фэйюя вышли более чем на 20 языках и получили отклик иностранных читателей. В России знакомство с творчеством Би Фэйюя только начинается. В качестве источника материала был взят сборник «Лунная опера», опубликованный в Санкт-Петербурге издательством «Азбука» в 2014 г. Переводчики – российские синологи Алексей и Ольга Родионовы. Сборник включает пять новелл: «Все смешалось», «Братцы», «Отпуск Линь Хун», «Сон с широко открытыми глазами» и «Актриса».

Стиль произведений Би Фэйюя отличает обилие разнообразных стилистических средств, что неизбежно вызывает ряд трудностей при переводе. Сам писатель дал такую характеристику процесса перевода в одном из интервью: «Литературный перевод – это не только перевод. По своей сути, это другой, особенный вид творчества» [Гао Фан, Би Фэйюй, 2012: 49].

I. Функции числительных в произведениях Би Фэйюя

Рассмотрим некоторые функции числительных (помимо собственно обозначения отвлеченного количества), в которых они встречаются в произведениях Би Фэйюя.

1. Сюжетообразующая функция числительных

В некоторых случаях цифра или число может быть связано с сюжетом, превращаясь в намек на известную читателю ситуацию. Например:

高老师现在就蹲在玉米的身边，微笑着，脸上的皱纹像一个又一个圆括号和方括号。玉米吃不准高老师的心里在怎样地加、减、乘、除，结果会不会也是“0”呢？² – *Учитель Гао сейчас сидит на корточках рядом с Юйми, улыбаясь. Морщины на его лице выглядят как круглые и квадратные скобки. Юйми не знает, что учитель Гао складывает, вычитает, умножает и делит в своей душе? Не будет ли результат равен нулю?* (перевод автора).

Для понимания данного фрагмента нужно знать сюжет повести: учитель Гао на уроке математики решил задачу, ответ которой был «0», и был осмеян людьми за этот «пустой» ответ. Героиня Юйми попросила учителя Гао написать письмо ее жениху, однако взгляд на учителя вызывает ассоциацию с предыдущей ситуацией: девушка испугалась, что ответ жениха на письмо также будет нулевым. Иными словами, число «ноль» в этом фрагменте передает ожидание и волнение героини.

Таким образом, за счет использования ассоциаций числительные могут выполнять сюжетообразующую функцию.

2. Функция усиления при использовании в риторических приемах

Числительные могут использоваться в различных риторических приемах, что широко представлено в романах Би Фэйюя.

Так, например, встречается гипербола, основанная на подчеркивании количества секунд (одна) для принятия решения:

小弟也是，一结婚就成了脓包，什么事都由着他的老婆摆布。不能这样啊！王大夫在一秒钟之内就原谅了自己的小弟。(с. 24)³ – *И младший брат, как только женился, попал под влияние жены. Это невозможно! Доктор Ван простил своего младшего брата за одну секунду* (перевод автора).

Или олицетворение: 饿到一定的地步，胃就变得神经质，狼刀刀的，凭空伸出了五根手指头。(с. 37) – *Когда становишься голодным, желудок нервничает и вытягивает пять пальцев* (перевод автора).

К особенностям стиля Би Фэйюя можно отнести использование разнообразных риторических приемов, включающих числительные: в конкретных ситуациях они передают похвалу или уничижение, тем самым вызывая эмпатию у читателей.

² 毕飞宇. 玉米 (Би Фэйюй. Юйми). Пекин, 2017. С. 27.

³ Здесь и далее в скобках указывается страница по изданию: 毕飞宇. 青衣 (Би Фэйюй. Актриса). Шанхай: Шанхай цзиньсю вэньчжан чубаньшэ, 2008.

3. Функция создания языковой игры за счет использования числительных как компонентов идиом

Использование идиоматики в романах Би своеобразно: автор актуализирует значение отдельных компонентов устойчивых выражений. Например:

王大夫的胳膊和女同学的大腿一般粗,大拇指一摁就是入木三分的气力。(с. 33) – *Руки доктора Вана такие же толстые, как бедра девушки, а одно нажатие его большого пальца сможет пропитать доску на глубину трёх фэней (перевод автора).*

Выражение 入木三分 (дословно ‘пропитать доску на глубину трёх фэней’) означает ‘проникать в самую глубь’. В данном случае автору важно показать буквальное значение всех компонентов идиомы, привнося в текст элемент языковой игры.

II. Трудности перевода числительных в произведениях Би Фэйюя

При переводе числительных в произведениях Би Фэйюя можно выделить три основные причины, которые могут провоцировать неправильный перевод: культурно-языковые различия, эмоциональные различия в восприятии чисел, а также игнорирование сюжета.

1. Трудности перевода, вызванные культурно-языковыми различиями

В произведениях Би Фэйюя часто встречаются элементы языковой игры: подчеркивание изображения иероглифов или их произношения. Такие примеры сложно адекватно перевести, поскольку соответствующие ассоциации возникают только у носителей китайского языка и культуры. Рассмотрим пример:

图南的大哥大后五位数是**18888**,听上去像一个口吃的家伙说“要发”(с. 55) – *Последние пять цифр его мобильного были **один, восемь, восемь, восемь, восемь**, что по-китайски воспринималось на слух как речь заики, мечтающего разбогатеть*⁴.

Читатели перевода в данном случае не могут почувствовать очарование языковой игры, основанной на произношении иероглифов: герой повести Тунань не хотел быть учителем, а мечтал разбогатеть и жить в большом городе; он настолько стремился к этому, что выбрал номер телефона, который по произношению похож на китайскую фразу «хочу разбогатеть» с повтором последнего слова несколько раз.

Другая обширная сфера, показывающая культурно-языковые различия, – фразеология (или, шире, паремиология). Как отмечает

⁴ Здесь и далее перевод дается по изданию: *Би Фэйюй. Лунная опера* / Пер. с кит. А. Родионова, О. Родионовой. СПб., 2014. С. 46.

Шэнь Вэй, «писатель может извлечь любые пословицы или поговорки из обширного языка и применить их в своих произведениях, что становится частью творчества индивидуализации. Тогда эти пословицы и поговорки уже не являются фольклором, а превращаются в персонализированный литературный язык, служащий писателю и его произведению» [Шэнь Вэй, 2009: 34]. В произведениях Би Фэйюя процесс персонализации литературного языка отражается в форме трансформации паремий: чтобы правильно понять смысл модифицированного фразеологизма, необходимо прежде всего понять его исходное значение. В противном случае это может привести к неправильному переводу. Например:

“哥俩好”就此输给了“三桃园”。(с. 72) – *Так что у «Братцев» не вышло, они уступили победу «Саду трех персиков»* (с. 60).

В этом примере фразеологизмы 哥俩好 ‘Братцы’ и 三桃园 ‘Сад трех персиков’ имеют культурное значение. Кратко объясним ситуацию, описанную в произведении. Отношения между братьями ухудшаются. В день рождения старшего брата Тунаня им двоим не о чем было разговаривать, и они решили сыграть в игру на пальцах. Проиграв три раза подряд, младший брат Тубэй заметил, что Тунань постоянно выбрасывает один палец (этот жест имеет название 哥俩好 ‘два хороших брата’), поэтому Тубэй быстро меняет тактику и выбрасывает два пальца (это жест получил название 三桃园 ‘Сад трех персиков’, происходящее из сюжета романа «Троецарствие»: так назвалось место, где три героя романа стали названными братьями). Как видим, в тексте передано значение, что жест 哥俩好, связанный с числом «два», проиграл жесту 三桃园, связанному с числом «три». Более соответствующий культурному значению будет следующий перевод: *Так что у «родных братьев» не вышло, они уступили победу «трем названным».*

2. Трудности перевода, вызванные эмоциональными различиями в восприятии чисел

В ряде случаев проблемы перевода числительных обусловлены невозможностью передать эмоциональный компонент значения чисел, заложенный в них в идиоматике или в языке в целом. О таком свойстве числительных говорит Цзэн Цзянсун: «Числительные в некоторых синтаксических структурах могут вскрывать такую субъективную сторону языка, как эмоции или намерения говорящего» [Цзэн Цзянсун, 2016: 56]. Рассмотрим следующий пример:

这一来筱燕秋的胸口反而堵住了。胸口堵住了，肚子却出奇地饿，这阵饿是丧心病狂的，仿佛肚子里长了十五只手，七上八下地拽。(с. 218) – *В этот момент она почувствовала, как у нее засосало под ложечкой, желудок свело от голода, ей до умопомрачения захотелось есть,*

словно **больше десятка** невидимых рук в смятении куда-то тащили ее (с. 180).

В китайском тексте число 十五 ‘пятнадцать’ получено как сумма рук из идиомы 七上八下 ‘быть в смятении’, так как дословно она переводится ‘семь рук сверху, восемь рук снизу’. В этом случае языковую игру перевести невозможно, поэтому переводчик оправданно не передает конкретное значение ‘пятнадцать рук’, заменяя его подходящим по смыслу выражением ‘больше десятка рук’, а саму идиому переводит по ее значению – ‘в смятении’.

В большинстве случаев при переводе идиом, в состав которых входят числительные, трудно или невозможно сохранить и форму, ассоциативно имеющую эмоциональный компонент, и значение. Например:

众人的心照不宣有时候更像一次密谋, 其残忍的程度不亚于千夫所指。 (с. 216) – *Но иногда в таком поведении гораздо быстрее угадываются тайные мысли, понимание без слов будет похуже, чем если бы все презрительно тыкали в тебя пальцем* (с. 179).

В этом примере идиома 千夫所指 обозначает ‘быть повсеместно осужденным’ (буквально – ‘тысячи людей тычут пальцем’). Входящее в ее состав числительное 千 ‘тысяча’ в данном случае имеет значение ‘много’, что верно передано переводчиками благодаря использованию местоимения «все». В то же время при переводе не совсем верно передано значение другого компонента идиомы – 指: это слово значит не столько ‘тыкать пальцем’, сколько ‘осуждать’ (指责).

3. Проблемы перевода, вызванные непониманием сюжетобразующего значения числительных

Часто при переводе числительных в литературных произведениях нужно учитывать то, что числительное может иметь сюжетобразующую функцию. Рассмотрим один из таких примеров:

国有大臣, 家有长子, 你替大哥我把祖宗八代凑齐了, 大哥我不敢对不起你。你听清楚了? (с. 58) – *Как говорится, государство держится на министрах, а семья – на старшем брате. Ты, главное, вместо меня уважь предков, а я как старший брат уж не посмею тебя обидеть. Ты меня понял?* (с. 48).

В переводе выражение 祖宗八代 ‘восемь поколений предков’ было заменено на выражение «уважь предков». Однако в данном случае этого делать было нельзя, поскольку идиома напрямую связана с сюжетом. Кратно опишем этот сюжетный мотив. В семье Тубэй и Тунаня было семь поколений учителей. Старый отец надеялся, что традиция семьи продолжится и в восьмом поколении. Однако отец умер, когда старший сын Тунань бросил работу учителя и решил

поехать в большой город. Последнее сожаление отца в том, что мечта об «учителях в восьми поколениях» не сбылась. Тунань винит себя, поэтому хочет, чтобы его младший брат вместо него стал учителем. Тогда становится очевидным, что выбор фразеологизма 祖宗八代 имеет сюжетное значение, и число «восемь» несет для китайцев символическое значение совершенствования. Более соответствующим сюжету был бы перевод *Ты, главное, вместо меня стань преподавателем в восьмом поколении.*

Как видим, сюжетно значимые числительные заслуживают особого внимания переводчиков.

III. Способы перевода числительных в литературных произведениях

В последние годы внимание исследователей перевода привлекают различные семиотические подходы: лингвистический, культурологический, аналитический, литературный и социальный семиотические подходы (об этом подробнее см.: [Тун Ин, 2012: 57]).

Переводческая теория, ориентированная на социальную семиотику, показывает, что в практике перевода тесно связаны понятия цели и эквивалентности перевода. Выбор стратегий форенизации или доместикации зависит от цели переводчика: максимально сохранить все особенности оригинала или же способствовать легкости чтения перевода. Рассмотрим три способа перевода числительных в художественном тексте и оценим, насколько при следовании каждому из них сохраняются культурные особенности оригинала и в то же время обеспечивается доступность понимания иноязычным читателем.

1. Буквальный перевод

Популярность произведений Би Фэйюя в мире говорит и о привлекательности китайской цивилизации и культуры. Культура и символика чисел, как было показано ранее, очень важны для китайского мировосприятия. Чтобы познакомить читателя с культурными особенностями Китая, важно пытаться при переводе максимально сохранить культурную специфику, отраженную в числительных. В этом случае используется буквальный калькированный перевод, выражающий стратегию форенизации. При необходимости такой перевод должен быть дополнен переводческим комментарием. Например:

嫦娥在筱燕秋四十岁的那个雪夜停止了悔恨。死因不详，终年四万八千岁。(с. 241) – *В эту снежную ночь, когда Сяо Яньцю было сорок лет, Чанъэ перестали мучить угрызения совести. Причина ее смерти оставалась неясна, скончалась Чанъэ на сорокавосемьтысячном году жизни* (с. 198).

Числительное переведено буквально – «на сорокавосемьдесят тысячом году жизни». Но для читателей оригинала это число имеет культурное значение. В древней китайской книге «Истинный источник» часто упоминается число 八万四千 ‘84000’, которое приобретает значение ‘много’. Позже, в эпохи Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий, во многих буддийских канонах это число появилась в таких выражениях, как «восемьдесят четыре тысячи путей к буддизму», «восемьдесят четыре тысяч башен» и др. В эпоху династий Тан и Сун некоторые поэты использовали это число в своих стихах. Несколько позже на этой основе было построено другое число – 四万八千 ‘48000’, которое использовалось в стихотворениях для рифмования и получило такое же значение – ‘много’ (много таких примеров встречается, например, в стихотворениях Ли Бо и Ду Му). Благодаря использованию этого числа в поэзии для китайского читателя оно обладает древнекитайской ритмичной красотой.

Как видим, переводчик сохраняет число в переводе, однако, по нашему мнению, перевод следует дополнить комментарием, разъясняющим читателю историческое и ритмическое значение этого числа.

2. Вольный перевод

В случаях, когда употребление числительного не отражает особенности китайской культуры, по нашему мнению, стоит придерживаться стратегии доместикации. Сам же перевод может быть вольным. «Эту точку зрения разделяет и В.Н. Комиссаров. Он считает, что иногда для успешного достижения цели межъязыковой коммуникации достижение максимальной эквивалентности оказывается необязательным, а иногда даже нежелательным» [Шамова, 2005: 178].

Во многих случаях числительные в тексте могут иметь значение ‘много’ или ‘мало’. Например:

她笑得真是短暂，刚笑了二分之一，就没了。(с. 146) – *Улыбка ее длилась всего какое-то мгновение* (с. 130).

В приведенном примере *二分之一* ‘половина’ означает ‘мгновение’. Читатель оригинала понимает контекстуальное значение числительного, хотя в речи оно не употребляется. При переводе правомерно сохраняется только контекстуальное значение.

3. Эквивалентные замены

Если есть возможность подобрать идиоматический эквивалент в языке перевода, стоит использовать его в переводе. Например:

乐果想玩,但玩得痛快就得花钱:乐果想挣钱,然而挣到钱的工作做起来又太累人。“二美难并”。这句古话说得实在不错。(с. 3) – *Ей хотелось веселой жизни, но приятные развлечения требовали расходов. Она думала о том, где взять денег, однако сама работа по добыванию средств казалась ей утомительной. Как очень точно говорили в древности, «у каждой медали есть две стороны»* (с. 5).

Буквальное значение идиомы 二美难并 отличается от выражения, выбранного переводчиками: оно ближе по значению к фразеологизму «за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь». Однако в данном случае переводчики выбрали смысловой эквивалент, наиболее близкий к оригиналу. В оригинале сказано, что это «старая поговорка», потому лучше выбрать стратегию доместикации, сделать замену китайского фразеологизма русским.

Когда числительные в литературных произведениях используются с целью языковой игры, это вызывает большие трудности при переводе. В системе переводного языка бывает трудно найти аналог, в связи с чем при переводе часто используется метод калькированного перевода с объяснением или метод эквивалентной замены. Рассмотрим пример:

筱燕秋的双眼呈到 «八» 字状,看上去有点像传说中的狐狸,妩媚起来了,灵动起来了。(с. 237) – *Глаза Сяо Яньцю повторяли очертания летящей чайки, отчего она стала похожа на лисицу из легенд про оборотней, облик ее стал еще более живым и соблазнительным (с. 195).*

В этом фрагменте Сяо Яньцю делает макияж перед выступлением. В оригинале автор использует иероглиф 八 ‘8’, чтобы с помощью его очертаний показать форму макияжа. Переводчик заменил «восьмерку» на выражение слово «очертания летящей чайки», умело сохранив отсылку к графическому образу.

Заключение

Числительные в произведениях Би Фэйюя играют большую роль. Автор намеренно использует их в тексте в разных функциях, связывая их появление с сюжетом, используя как элемент языковой игры или как источник культурных ассоциаций у читателей. Такая культурная обращенность числительных, с одной стороны, обогащает текст, но с другой – является источником проблем для переводчика.

На основе анализа основных причин, которые могут вызывать неправильный перевод числительных, были предложены три способа перевода числительных, учитывающих цели перевода и вопрос о его эквивалентности. Так, в случае культурной важности чисел и числительных для понимания авторской интенции в эпизоде пред-

лагается следовать стратегии форенизации (буквальный перевод и перевод с объяснением). В противном случае следует передать значение, придерживаясь стратегии доместикации (вольный перевод), опуская при этом числительные.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Би Фэйюй*. Лунная опера / Пер. с кит. А. Родионова, О. Родионовой. СПб., 2014. С. 202.
2. *Шамова Н.В.* Разграничение понятий «эквивалентность» и «адекватность» в переводе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 171–179.
3. 高方, 毕飞宇. 文学译介、文化交流与中国文化“走出去”——作家毕飞宇访谈录 (*Гао Фан, Би Фэйюй*). Литературный перевод, культурный обмен и китайская культура: «выход на мировой уровень» – интервью с писателем Би Фэйюем // 中国翻译 [Журнал китайских переводчиков]. 2012. Вып. 3. С. 49–53. (На кит. яз.)
4. 佟颖. 社会符号学翻译模式研究 [*Тун Ин*. Исследование моделей перевода в концепции социальной семиотики]. Тяньцзинь, 2016. С. 214.
5. 曾建松. 汉语数量词的主观意义研究 [*Цзэн Цзяньсун*. Исследование субъективного значения китайских чисел] // 外语学刊 [Журнал иностранных языков]. 2016. Вып. 3. С. 54–58. (На кит. яз.)
6. 沈玮. 论汉语俗语的文学图像. 博士论文 [*Шэнь Вэй*. О литературном образе китайского сленга: Дисс. ... докт. филол. наук]. 2010. С. 195. (На кит. яз.)

Wu Ai-rong, Xu Tingxiu

NUMERALS IN CHINESE LITERATURE: FUNCTIONS AND PROBLEMS OF TRANSLATION INTO RUSSIAN: ON THE EXAMPLE OF COLLECTION OF BI FEIYU'S NOVELLAS 'THE MOON OPERA'⁵

*Shanghai International Studies University
550, Rd. Dalian (W), Shanghai, China, 200083*

The article analyzes the features of the functioning of numerals in the texts of Chinese fiction, and also considers the problems of their translation into Russian. The research is based on the stories of Bi Feiyu, who is one of the Chinese writers of the 1960s. The analysis of the usage contexts allowed us to distinguish (in addition to the actual designation of the abstract quantity – this universal function was not considered) three more functions: the plot-forming function, the function of using numerals as a component in rhetorical techniques, and as a component of the idioms. The authors analyze the translation strategies: they give a description of the causes of translation difficulties and possible ways of translating numerals. The collection of novellas “The Moon Opera” published in Russia (translated by A. and O. Rodi-

⁵ Foundation project: Shanghai project of philosophy and social Sciences: study of language education in Central Asia within the framework of the “One Belt, One Road” initiative, 2018BYY001.

onovs, St. Petersburg: Azbuka, 2014) is taken as a source of material for the analysis of the translation into Russian. Difficulties associated with cultural, linguistic and emotional differences in the perception of numbers, as well as caused by ignoring the plot, are highlighted. Considering possible ways of translation, the authors draw on translation theory that focuses on social semiotics. This theory uses the concepts of domestication and foreignization. Depending on the presence of cultural values in the numeral in the original text the authors follow a literal translation (foreignization strategy), or a free translation / translation with equivalent replacement (domestication strategy).

Key words: Chinese literature; Bi Feiyu; functions of numerals; translation of numerals; translation problems; foreignization; domestication; equivalence.

About the authors: *Wu Ai-rong* – Dr. habil in Philology, Associate Professor, Dean of School of Russian and Eurasian Studies, Shanghai International Studies University (e-mail: airongwu@126.com); *Xu Tingxiu* – Staff, Foreign Affairs Office of the Shanghai Municipal People’s Government (e-mail: xutingxiu1995@qq.com).

REFERENCES

1. Bi Feiyu. *Lunar Opera (translated from Chinese. Alexey Rodionov, Olga Rodionova)*. Saint Petersburg, Azbuka, 2014. (In Russ.)
2. Gao Fang, Bi Feiyu. 2012. Wenxue yijie, wenhua jiaoliu yu zhongguo wenhua “zou-chuqu” – zuojia Bi Feiyu fangtanlu [Literary Translation, Cultural Exchange and Chinese Culture: “Going Global” – An Interview with Author Bi Feiyu]. *Chinese Translators Journal*, no. 3, pp. 49–53. (In Chine)
3. Shamova N.V. 2005. Definition of the concepts “equivalence” and “adequacy” in translation. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 171–179. (In Russ.)
4. Shen Wei. 2010. *Lun hanyu suyu de wenxue tuxiang* [On the Literary Image of Chinese Slang]. Doctoral dissertation. (In Chine)
5. Tong Ying. 2016. *Shehui fuhaoxue fanyi moshi yanjiu* [Research on the Translation Model of Social Semiotics]. Tianjin, Nankai daxue chubanshe. (In Chine)
6. Zeng Jiansong. 2016. Hanyu shuliangci de zhuguan yiyi yanjiu [Research on the Subjective Meaning of Chinese Numeral]. *Waiyu xuekan* [Foreign Languages Journal], no. 3, pp. 54–58. (In Chine)

УЧЕБНЫЕ ПРОГРАММЫ

А.И. Едличко

ПРОГРАММА ЛЕКЦИОННОГО КУРСА «ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ»

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Программа курса «Языковая ситуация и языковая политика в европейских странах» представляет собой междисциплинарный обзор ключевых вопросов, связанных с проблемами языковой политики в европейских странах и современной языковой ситуации, сложившейся в Европе. При разработке тематики программы учтены как классические методологические подходы к исследованию названных категорий (социолингвистический, законодательный, институциональный, медиальный, лингводидактический и др.), так и новые подходы (дискурсивный, политкорректный, плюрицентрический, экономический и др.). Кроме того, делается акцент на особенностях проведения языковой политики в некоторых европейских странах с учетом вариативности плюрицентричных европейских языков (данный аспект обсуждается в рамках дисциплины на примере немецкого языка и немецкоязычных стран). Тематическое содержание программы включает материал о соотношении языка и государства, языка и социума, языка и власти, понятии и типологиях языковых ситуаций и языковых политик, языковом планировании, языковом режиме, миноритарных языках, языковых правах, языковых контактах и конфликтах. В рамках курса анализируются практики языковых политик в европейских странах в различных социально-дискурсивных сферах: в области правового регулирования, языкового образования, науки, экономики, медиа, прикладного терминоведения и др. Рассматривается влияние теории политкорректности на развитие языковых политик европейских государств. Программа основывается на опыте чтения автором лекций на отделении лингвистики и межкультурной коммуникации и отделении перевода факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова.

Ключевые слова: языковая ситуация; языковая политика; языковое законодательство; языковое планирование; языковые права; языковые конфликты; миноритарный язык; вариант языка.

Едличко Анжела Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ang299@yandex.ru).

Один из неотъемлемых компонентов общенациональной политики государства – языковая политика, под которой понимается «совокупность мер, принимаемых государством, партией, классом, общественной группировкой для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков и языковых подсистем, для выделения новых или сохранения употребляющихся языковых норм, являющихся частью общей политики и соответствующих их целям» [Словарь... 2006: 265]. Иными словами, языковая политика, определяемая целенаправленной деятельностью различных государственных и общественных институциональных структур и/или отдельных личностей, влияет на специфику развития языковой ситуации в стране или конкретном регионе.

Помимо указанных ключевых характеристик языковой политики, исследователи называют и другие параметры, релевантные для ее проведения: законодательный (связан с фиксацией языка(-ов) в нормативных актах и правовым регулированием статуса языка(-ов)); демографический (языковая политика ориентирована на все население страны/региона или какую-либо часть); этнический (практики языковой политики способствуют урегулированию внутри- и межэтнических отношений); дискурсивный (определяется социокультурными областями распространения практик языковой политики: системой образования и науки, законотворчеством и судопроизводством, политической сферой, СМИ, экономикой и многими другими), см. [Марусенко, 2014: 15–18; Языковая политика... 2015: 6; Grin, 2003; Marten, 2016: 22–28; Spolsky, 2004: 5–6; Wingender, 2015: 23–28].

Междисциплинарный подход к исследованию феномена языковой политики предполагает ее исследование и интерпретацию в контексте различных аспектов, отраженных в проблематике авторского лекционного курса «Языковая ситуация и языковая политика в европейских странах». Тематика курса разработана с учетом как традиционных (законодательного, институционального, образовательного, медийного, лингводидактического), так и новых методологических подходов к изучению языковой политики (дискурсивного, политкорректного, плюрицентрического).

Одним из решающих параметров для осуществления языковой политики некоторых европейских стран (например, немецкоязычных) является учет собственного диатопического, или территориального варианта плюрицентричного языка (стандарта). Территориальные варианты немецкого языка, имеющие длительную историю, формируются и развиваются в рамках территориально-административных границ немецкоязычных государств и регионов, что влияет

на осознание национальной идентичности носителями определенной лингвокультуры (немецкой, австрийской и др.). Признание вариативности языка является результатом признания национальной идентичности, учет такого стандарта (например, австрийского, германского, швейцарского варианта немецкого языка) способствует проведению определенной языковой политики конкретного государства.

В рамках данного курса с целью формирования у обучающихся целостного восприятия и понимания изучаемой проблематики предлагается обзор сложившихся языковых ситуаций и языковых политик не только в 27 государствах-членах Европейского Союза, но и в других европейских странах, не входящих в настоящее время в ЕС (Великобритании, Исландии, Норвегии, Сербии, Черногории, Швейцарии и др.), а также в карликовых государствах (Ватикане, Монако, Лихтенштейне и др.).

Лекционный курс «Языковая ситуация и языковая политика в европейских странах» предназначен для студентов 3-го курса специалитета по направлению подготовки (специальности) 45.05.01 «Перевод и переводоведение» и 4-го курса бакалавриата по направлению подготовки (специальности) 45.03.02 «Лингвистика»¹. Дисциплина предлагается как курс по выбору профессионального блока дисциплин вариативной части основных профессиональных образовательных программ, который построен в соответствии с образовательным стандартом МГУ имени М.В. Ломоносова по направлению подготовки 45.03.02 «Лингвистика» (уровень бакалавриата) и по специальности 45.05.01 «Перевод и переводоведение» (специалитет). Формой промежуточной аттестации является зачет.

До начала прохождения курса обучающимися должны быть освоены такие учебные дисциплины, как «Практический курс 1-го/2-го иностранного языка», «Мир 1-го/2-го иностранного языка», «Язык и межкультурная коммуникация», «Введение в языкознание», «Теория 1-го/2-го иностранного языка». Общая трудоемкость дисциплины составляет 32 акад. часа.

Целью курса является ознакомление студентов с теорией и методологией исследования языковых политик и языковых ситуаций в современных европейских странах, а также систематизация знаний в области макросоциолингвистики. К задачам дисциплины относятся:

– формирование представления о соотношении языка и государства, языка и власти, языка и социума, языка и этничности;

¹ Курс читается автором с 2018 г. в шестом и восьмом семестрах соответственно.

- ознакомление с базовыми понятиями и терминами языковой политики и языковой ситуации, расширение знаний об основных типах и специфике языковых ситуаций и языковых политик;
- ознакомление с основными социолингвистическими теориями в области изучения языковой политики;
- формирование представления о связи языковой политики и вариативности языка;
- рассмотрение роли языковой политики в различных социокультурных сферах (законодательной, терминологической, образовательной, медийной и др.);
- формирование представления о проведении языковых политик в области миноритарных языков в Европе;
- ознакомление с современными научными работами по вопросам языковой ситуации и языковой политики и методами их анализа;
- формирование целостной картины понимания языковой ситуации и языковой политики в странах Европы;
- развитие навыков самостоятельного научного поиска.

Междисциплинарный характер категорий «языковая политика» и «языковая ситуация» определяет комплексный подход к подаче лекционного материала. Содержание курса базируется на исследованиях, выполненных в таких научных областях, как социолингвистика, социология языка, теория языковой политики и языкового планирования, теория вариантологии, теория языковой кодификации, гендерная лингвистика и теория политкорректности, теория дискурса, политология [Алпатов, 2014; Борисова, 2016; Едличко, 2019; Марусенко, 2014; Словарь..., 2006; Невежина, 2020; Прошина, 2017; Fishman, 1991; Grin, 2003; Marten, 2016; Spolsky, 2004; и многих других].

Освоение дисциплины и подача лекционного материала осуществляются тематически². Представим кратко содержательное наполнение курса.

Тема 1. Язык и государство. Язык и политика. Язык и социум.

Язык и этнос

Влияние государства на язык. Язык и идеология. Язык как инструмент власти. Язык и политика. Язык как объект политики. Языковые средства воздействия на массовое и индивидуальное со-

² Ряд тем данной программы были предложены автором при чтении авторского Межфакультетского курса (МФК) «Языковая политика Европы в эпоху глобализации» (2019/2020 уч. год) для гетерогенной группы российских и иностранных студентов разных курсов бакалавриата, специалитета и магистратуры разных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова.

знание. Соотношения языка и власти, языка и общества, языка и этничности. Этническое самосознание. Типы этнической идентичности. Роль языка в интеграции этноса. Понятие расы и нации. Понятие ключевых терминов: государственный язык, официальный язык, национальный язык, мажоритарный язык – миноритарный язык, материнский язык – родной язык, контактный язык и т.д. Общественные функции языка. Исследования взаимосвязи языка и государства, языка и политики, языка и общества в отечественной и зарубежной науке (В.А. Аврорин, В.М. Алпатов, Й. Вайсгербер, В. фон Гумбольдт, Т.Ю. Загрязкина, В.В. Наумов, М.М. Раевская, С.Г. Тер-Минасова, М. Фуко, А.Д. Швейцер, М. Clyne, A. Giddens, J. Habermas и др.),

Тема 2. Языковая политика в европейских странах: общие аспекты

Теоретические основы языковой политики. Отражение национальной политики государства в языковой политике. Языковая политика в рамках различных научных направлений. Понятие и модели языковой политики. Методика исследований языковой политики (В.М. Алпатов, Д.Ю. Гулинов, С.Н. Кузнецов, М.В. Марусенко, Д.А. Шевлякова, J. Fishman, E. Naugen, H. Marten, E. Shohamy, B. Spolsky, M. Strubell, M. Wingender и др.). Параметры языковой политики. Субъекты и объекты языковой политики. Типы языковых политик: ретроспективная, перспективная, конструктивная, деструктивная, централизованная, нецентрализованная (А.Д. Швейцер). Внутренняя и внешняя языковая политика. Статусная и корпусная языковая политика (Х. Клосс). Европейская корпусная инициатива. Национальные лингвистические корпуса. Типы статусов языка. Модели языковых политик в современных европейских странах. Основные этапы формирования языковых политик в странах Европы. Принципы реализации языковой политики в Европе на современном этапе. Европейские организации, определяющие языковую политику. Деятельность национальных организаций по изучению, поддержке и поляризации государственного(-ых) языка(-ов) внутри страны и за рубежом. Многоязычие как один из ключевых принципов языковой политики Европы. Программы и мероприятия, ориентированные на поддержку государственного и регионального многоязычия в европейских государствах. Европейский день языков. Лингвистические конкурсы и проекты.

Тема 3. Языковая ситуация в современных европейских странах

Понятие языковой ситуации и ее ключевые признаки: количественные, качественные, аксиологические (В.А. Виноградов). Понятие лингвокультурной ситуации. Типологии и подходы к пред-

ставлению языковых ситуаций. Факторы, влияющие на развитие языковой ситуации в государстве. Языковое разнообразие в Европе. Языковые ситуации в европейских странах: общая характеристика и специфика развития. Соотношение языковой ситуации и языковой политики государства.

Тема 4. Языковой режим Европы

Языковой режим: понятие, основные принципы выделения. Типы языковых режимов – «сильные», «слабые», «промежуточные» [Борисова, 2016]. Символическое измерение языкового режима. Языковая политика и языковой режим разъединения (Босния и Герцеговина), языковой режим объединения (Великобритания, Сербия). История формирования и развития языковых режимов Европейского союза (с 1957 г. по н. вр.). Особенности языкового режима современной Европы. Языковые режимы (моноязычие, сокращенное многоязычие, асимметричные сети, управляемое многоязычие, полное многоязычие (М. Газзола)) в ведущих международных и европейских организациях и экономическая эффективность таких режимов. Регламентирующие документы о принятии языковых режимов в различных социальных сферах.

Тема 5. Языковая политика и языковое планирование

Понятие языкового планирования (Э. Хауген). Объекты языкового планирования. Виды языкового планирования: корпусное и статусное (Х. Клосс); институциональное и индивидуальное и др. Основные этапы языкового планирования: 1) сбор материала в широких масштабах; 2) рассмотрение альтернативных планов действия; 3) принятие решений; 4) осуществление решений различными методами [Словарь... 2006: 270]. Языковое планирование в европейских странах на (социо)лингвистическом и политическом уровнях. Деятельность европейских и национальных организаций в области языкового планирования. Примеры индивидуального языкового планирования, стандартизации языка и кодификации языковых категорий. Планирование языкового развития в Европе. Языковые реформы в европейских странах: краткий исторический обзор и современное состояние (конец XX – начало XXI в. – орфографическая реформа немецкого языка, разработка орфографии хорватского языка, стандартизация миноритарных языков). Кодификация языковых норм. Лексикографические практики. Языковое прогнозирование.

Тема 6. Языковая политика и теория вариативности языка

Понятие плюрицентричности языка (Х. Клосс). Плюрицентричные европейские языки (английский, голландский, испанский, немецкий, португальский, французский, шведский). Теория вариативности языка: основные положения. Виды вариативности языка: диатопическая (территориальная), диастратическая (социальная, или социокультурная), диафазическая (функциональная), диахроническая (историческая). Вариант языка как отражение «конкретной лингвокультуры» (З.Г. Прошина). Диатопические варианты европейских языков, их поддержка государством. Языковая норма и стандарт. Вариативность языковых норм европейских языков, процессы кодификации норм. Типы кодификации нормы: авторитарная, социологическая (оценочная), образовательная, психологическая (Б. Качру). Типы вариантов языка (в зависимости от норм): нормоопределяющие, норморазвивающие, нормообеспечивающие (Б. Качру, З.Г. Прошина). Проведение государственной лингвокультурной политики европейскими странами (Австрия, Германия, Люксембург, Швейцария и др.) с учетом вариативности языка.

Тема 7. Дискурсивные характеристики языковой политики

Дискурс: понятие и специфика. Типы дискурсов (политический дискурс, медийный дискурс, спортивный дискурс, компьютерный дискурс, рекламный дискурс, лингводидактический дискурс и т.д.), их различия и сходства. Дискурсивные характеристики языковой политики (общая информация). Языковая политика в разных типах дискурса в европейских странах (краткий обзор). Разнообразие практик языковой политики на различных уровнях языка.

Тема 8. Языковое законодательство в европейских государствах

Законы о языках как «средство сознательного воздействия общества на язык» [Словарь... 2006: 268]. Договоры об утверждении языкового режима ЕС (с 1957 г.). Законодательная поддержка языкового разнообразия в современном Евросоюзе. Языковые права. Закрепление принципа равенства официальных языков ЕС в нормативных документах. Резолюция о многоязычии Европейского сообщества (1982 г.). Всеобщая декларация языковых прав: Барселонская декларация (1996 г.). Хартия Европейского союза об основных правах (2000 г.): структура и содержание. Действие языковых законов. Законодательный статус государственных языков европейских стран. Национальные нормативные правовые акты, отражающие языковую проблематику (Конституции; постановления; законы о языках, резолюции; распоряжения федерального, земельного, кантонального, регионального и др. уровней).

Тема 9. Языковая образовательная политика европейских стран: изучение и преподавание родного и иностранных языков

Языковая образовательная политика: понятие, типология. Цели политики языкового образования в европейских странах: многоязычие/плюрилингвизм; языковое многообразие; взаимопонимание; демократическая гражданственность; социальная сплоченность. Болонский процесс и укрепление позиции многоязычия. Нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность в области образования (образовательные стандарты, учебные планы и т.д.). Европейская стратегия мультилингвизма и ее цели. Общеευропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка. Общеевропейский языковой портфель. Программы Европейского центра современных языков Совета Европы. Основные тенденции и концепции развития языковой образовательной политики европейских стран на разных ступенях образования. Использование государственных языков в сфере образования. Статус английского языка как языка глобального общения в системах среднего и высшего образования Европы. Интеграция инновативных методик в языковое образование в европейских странах. Языковая интеграция мигрантов в социумы европейских стран. Языковая политика в области науки.

Тема 10. Английский язык как мировой и языковая политика современной Европы

Англо-американская языковая идеология. Причины распространения английского языка (исторические, политико-экономические, информационные, лингвистические) и параметры статуса английского языка как мирового (демографический и численный факторы, функциональный фактор, оценочный фактор, признак доступности, плюрицентричный характер, материальные факторы) [Прошина, 2017: 15–31]. Английский язык и многоязычие в Европе: соотношение понятий. Влияние английского языка на социокультурные характеристики европейских языков, появление новых гибридных феноменов (*Denglish/Denglish, finnglish, franglais/frenglish, spanglish, swenglish* и т.д.). Роль английского языка как лингва франка в Европе и его функциональный статус в разных социальных сферах. Английский язык и корпоративная языковая политика.

Тема 11. Терминологическая языковая политика

Прикладное терминоведение как направление языковой политики государства. Формы прикладной терминологической деятель-

ности. Модель осуществления терминологической политики: подготовка терминологической политики; формулирование терминологической политики; реализация терминологической политики; устойчивое развитие терминологической инфраструктуры и механизма адаптации для терминологической политики. Руководства по проведению терминологической политики. Этапы оптимизации и нормирования терминов. Фиксация терминов в регулирующих терминологических документах: терминологических стандартах, рекомендациях, специализированных словарях, глоссариях, лексиконах. Организации, проводящие терминологическую политику на интернациональном (ИНФОТЕРМ; Международная организация по стандартизации, ИСО; Международная электротехническая комиссия, МЭК), европейском (Европейский комитет по стандартизации, Европейский институт по стандартизации в области телекоммуникаций и др.) и государственном уровнях (Австрийский институт по стандартизации, Британский институт стандартов, Испанская Ассоциация по стандартизации, Немецкий институт по стандартизации, Союз немецких электротехников и др. организации).

Тема 12. Экономический аспект языковой политики

Экономическое измерение языка. Виды взаимосвязи между языком и экономикой: экономические факторы, языковые переменные и процессы, аргументы экономического порядка (Ф. Грен). Язык как материальный ресурс и форма человеческого капитала. Экономика языка как научное направление: становление и развитие. Основные направления исследований экономики языка: язык и трудовой доход, языковая динамика, язык и экономическая деятельность, экономика языковой политики (Ф. Грен). Языковые компетенции как языковой капитал. Языковой капитал в постиндустриальной экономике (С.И. Богданов, М.А. Марусенко, Н.М. Марусенко). Экономическая ценность языков. Экономика многоязычия. Иностраный язык как «средство достижения экономического благополучия, материального статуса» [Прошина, 2017: 25]. Расходы, связанные с реализацией языковых программ и проектов в европейских странах. «Экспорт языков» и их субсидирование. Языковая образовательная политика в экономическом измерении. Экономическая составляющая переводческих услуг в многоязычной Европе. Применение экономических подходов и методов анализа для языковой политики. Рентабельность языковой политики. Экономические последствия языковой политики.

Тема 13. Медиа как инструмент реализации языковой политики

Европейское медийное пространство: общая характеристика. Классические и новые медиа на государственных и миноритарных языках Европы, их поддержка государством и общественными организациями. Роль массмедиа в динамике языкового развития, их воздействие на состояние и развитие лингвокультурной ситуации в европейских странах. Шкала оценивания влияния СМИ на протекание языковых процессов: геолингвистический, интерлингвистический, интралингвистический уровни (Т.Г. Добросклонская). Значение медиа в формировании языковой политики страны/региона. Тематическое наполнение медийных текстов. Ключевые аспекты языковой политики, получающие отражение в СМИ. Медиатексты как маркер языковой политики в условиях мультикультурной Европы.

Тема 14. Языковая политика и политкорректность в европейских странах

Вербальная корректность и ее типы: коммуникативная (языковая) корректность, политкорректность, коммерческая корректность (С.Г. Тер-Минасова). Концепция лингвистической вежливости П. Браун и С. Левинсона. Теория политической корректности: становление и развитие. Основные принципы политкорректности в языке. Развитие феминистской лингвистики в Европе. Гендер как инструмент социального конструирования. Гендерная нейтральность в разных типах текстов. Языковая политика политкорректности как инструмент трансформации языка. Изменения, происходящие в современных европейских языках, обусловленные воздействием социальных факторов на кодифицированную норму языка. Нормативная документация в области политкорректного использования языка. Европейские руководства по использованию гендерно нейтрального языка.

Тема 15. Миноритарные языки Европы и проблема их сохранения

Языковые меньшинства в странах Европы: общая характеристика. Типологии официально признанных региональных и миноритарных языков Европы. Проблема витальности языков малочисленных народов Европы. Теории и критерии оценивания витальности языка (шкала межпоколенческой утраты языка Дж. Фишмана, шкала ЮНЕСКО и др.). Причины снижения жизнеспособности миноритарных языков. Международное и европейское языковое законодательство как инструмент сохранения миноритарных языков. Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств, ее принятие и ратификация европейскими странами. Нормативные

правовые акты, регулирующие языковые права национальных меньшинств: «Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам» (1992), «Венская декларация и программа действий» (1993) и др. Деятельность ЮНЕСКО по исследованию и сохранению исчезающих языков. Программы возрождения и поддержки языков. «Атлас мировых языков, находящихся под угрозой исчезновения». Федералистский союз европейских национальных меньшинств (Federal Union of European Nationalities, FUEN) и его роль в сохранении и поддержке языков европейских этнических меньшинств. Языковая политика европейских государств по отношению к миноритарным языкам в сфере законодательства, образования, медиа, культуры. Языковой активизм. Ревитализация некоторых миноритарных языков в Европе.

Тема 16. Языковые контакты и языковые конфликты на территории Европы

Социальные роли языков. Язык и национальная безопасность. Языковые контакты и языковые конфликты. Языковой конфликт: понятие, типология, причины возникновения, конфликтогенные факторы, ход, статус, последствия, способы их урегулирования. (Этно)языковые конфликты в современной Европе (франко-фламандский конфликт в Бельгии [Невежина, 2020], националистический конфликт в Испании, языковые конфликты в Ирландии, государствах Балтии и т.д.). Отношение населения к языковым конфликтам. Освещенность проблематики языковых конфликтов в различных источниках. Роль языковой политики государства в нейтрализации этноязыковых конфликтов. Языковой пуризм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алпатов В.М.* Языковая политика в России и мире // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. 2014. С. 11–24.
2. *Борисова Н.В.* Языковые территориальные режимы в этнических федерациях // Вестник Пермского университета. Политология. 2016. № 4. С. 98–120.
3. *Едличко А.И.* Функциональный статус миноритарных языков в странах Евросоюза // Социокультурные, этнические и языковые процессы на евразийском пространстве / Под общ. ред. Р.Х. Лукмановой. Уфа, 2019. С. 245–250.
4. *Марусенко М.А.* Языковая политика Европейского союза: институциональный, образовательный и экономический аспекты. СПб., 2014.
5. *Невежина Е.А.* Взаимодействие культур в полилингвальном пространстве: франко-фламандский конфликт от истоков до наших дней // Вестн. Моск. ун-та. 2020. № 2. С. 118–130.
6. *Прошина З.Г.* Контактная вариантология английского языка. Проблемы теории. World Englishes Paradigm: Уч. пособие. М., 2017.

7. Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. М., 2006.
8. Языковая политика в контексте современных языковых процессов / Отв. ред. А.Н. Биткеева. М., 2015.
9. *Fishman J.* Reversing language shift. Clevedon, 1991.
10. *Grin F.* Language Policy Evaluation and the European Charter for Regional or Minority Languages. Basingstoke, 2003.
11. *Marten H.F.* Sprach(en)politik. Eine Einführung. Tübingen, 2016.
12. Spolsky B. Language Policy. Cambridge, 2004.

Anzhela I. Edlichko

THE SYLLABUS OF THE LECTURE COURSE “LINGUISTIC SITUATION AND LANGUAGE POLICY IN EUROPEAN COUNTRIES”

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The syllabus of the discipline “Language situation and language policy in European countries” is an interdisciplinary review of key issues related to the problems of language policy in European countries and the current language situation in Europe. Classical methodological approaches to the study of these categories (sociolinguistic, legislative, institutional, medial, language teaching, etc.) as well as new ones (discursive, politically correct, pluricentric, economic, etc.) are analyzed. In addition, the course focuses on the specificity of language policy in some European countries, considering the variety of pluricentric European languages (e.g. the German language and German-speaking countries). The content of the program includes materials on the following topics: relationship between language and the state, language and society, language and power, definitions and typologies of language situations and language policies, language planning, language regime, minority languages, language rights, language contacts and conflicts. The course analyzes in detail the practices of language policies in European countries in various socio-discursive areas: legal regulation, language education, science, economics, media, applied terminology and others. The influence of the theory of political correctness on the development of language policies of European states is also discussed. The program is based on the author’s experience of lecturing at the Department of Linguistics and Intercultural Communication and the Translation Department of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies at Lomonosov Moscow State University.

Key words: language situation; language policy; language legislation; language planning; language rights; language conflicts; minority language; variety.

About the author: *Anzhela I. Edlichko* – PhD in Philology, Associate Professor at the Department of the German Language and Culture, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ang299@yandex.ru).

REFERENCES

1. Alpatov V.M. 2014. Yazykovaya politika v Rossii i mire. *Language policy and language conflicts in the modern world*, pp. 11–24. (In Russ.)
2. Borisova N.V. 2016. Yazykovye territorial'nye rezhimy v etnicheskikh federacijah [Language Territorial Regimes in Ethnic Federations]. *Bulletin of Perm University. Political Science*, no. 4, pp. 98–120. (In Russ.)
3. Edlichko A.I. 2019. Funkcional'nyj status minoritarnyh yazykov v stranah Evrosoyuza [Functional Status of Minority Languages in the European Union]. Lukmanova R.H. (ed.) *Socio-cultural, ethnic and linguistic processes in the Eurasian area*. Ufa, pp. 245–250. (In Russ.)
4. Marusenko M.A. 2014. *Jazykovaja politika Evropejskogo Sojuza: institucional'nyj, obrazovatel'nyj i jekonomicheskij aspekty* [Language Policy in the European Union: Institutional, Educational, and Economic Aspects]. S. Petersburg. (In Russ.)
5. Nevezhina E.A. 2020. Vzaimodejstvie kul'tur v polilingval'nom prostranstve: franko-flamandskij konflikt ot istokov do nashih dnei [The Interaction of Cultures in a Multilingual Space: the Franco-Flemish Conflict from the Origins to the Present Day]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 118–130. (In Russ.)
6. Proshina Z.G. 2017. *Kontakt'naya variantologiya anglijskogo yazyka. Problemy teorii. World Englishes Paradigm* [Contact variantology of the English language. World Englishes paradigm. Problems of theory]. Moscow. (In Russ.)
7. Mihal'chenko V.Yu. (ed.) 2006. *Slovar' sociolingvističeskikh terminov* [Dictionary of sociolinguistic terms]. Moscow. (In Russ.)
8. Bitkeeva A.N. (ed.) 2015. *Yazykovaya politika v kontekste sovremennyh yazykovyh processov*. Moscow (In Russ.)
9. Fishman J. 1991. *Reversing language shift*. Clevedon.
10. Grin F. 2003. *Language Policy Evaluation and the European Charter for Regional or Minority Languages*. Basingstoke.
11. Marten H.F. 2016. *Sprach(en)politik. Eine Einführung*. Tübingen. (In Germ.)
12. Spolsky B. 2004. *Language Policy*. Cambridge. (In Germ.)

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА И РЕЧИ

Ульвия Вагиф гызы Аббасова

ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ И ИНВЕРСИЯ КАК СВОЕОБРАЗНЫЕ «СИГНАЛИЗАТОРЫ» ЭМОТИВНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ЧИНГИЗА АБДУЛЛАЕВА «СУД НЕПРАВЫХ»)

*Бакинский славянский университет
AZ1014, Баку, С. Рустам, 33*

В статье рассматриваются вставные конструкции и инверсия как сигнализаторы эмотивности художественного текста. Вставные конструкции, инверсия и междометия относятся к таким знаменательным словам или словосочетаниям, которые не несут синтаксической нагрузки, но при этом они выражают отношение говорящих к высказываемому, придают им некую оценку, характеризуют способы их оформления. По мнению автора, они вполне вписываются в схему, которая организует эмотивное пространство художественного текста. Вставные конструкции и инверсия как языковые средства выполняют функции параллельных конструкций. Они способны маркировать пространственно-временные связи событий, при этом отражают сущностное свойство произведения. В результате исследования были выделены фрагменты из романа Ч. Абдуллаева «Суд неправых», в которых данные языковые средства в совокупности заряжают текст экспрессией. При этом учтено, что они, с одной стороны, дифференцируют чувства и эмоции, входящие в семантику эмотивного поля. С другой стороны, унифицируют по определенным признакам. Результаты исследования могут быть использованы в курсах лекций по лингвистике, анализу художественного текста на семинарских и практических занятиях. Текущая статья будет интересна лингвистам, занимающимся проблемами вставных конструкций и инверсии.

Ключевые слова: художественный текст; эмотивность; инверсия; вставная конструкция; терминология; Чингиз Абдуллаев.

I. Введение. В русском и английском языках имеются такие знаменательные слова или словосочетания, которые не являются членами предложения либо грамматически с ними не связаны, но при этом они выражают отношение говорящих к высказываемым мыслям, дают им определенную оценку, характеризуя способы их

Аббасова Ульвия Вагиф гызы – доктор философии по филологии, доцент кафедры общего языкознания Бакинского славянского университета (e-mail: kniga.ru.02@inbox.ru).

оформления. К ним, в частности, и относятся вставные конструкции, инверсия и междометия. Впрочем, каждый из них имеет свой алгоритм действий. Но они, по нашему убеждению, вполне вписываются в ту схему, которая организует эмотивное пространство художественного текста. Выявить роль этих языковых средств в проблеме, вынесенной в заголовок настоящей статьи, и есть основная цель работы.

Прежде всего определимся с терминологией вставных конструкций. Одно из классических определений было дано Д. Розенталем и М. Теленковой: «Это слова, сочетания или предложения, которые содержат в своем составе разного рода добавочные элементы, замечания, попутные уточнения, указания, поправки. Они разъясняют предложение или слова в отдельности и в различной степени распространяют их. Языковая природа вставных конструкций такова, что они способны иногда выпасть из синтаксических структур единого целого»¹. Это же определение почти слово в слово повторяет видный лингвист Е.М. Галкина-Федорук [Галкина-Федорук, 1964: 512].

II. Результаты исследования. Некоторые ученые считают, что вставные конструкции значительно шире используются в устной речи, нежели в письменной, хотя это и не аксиоматично. Своеобразное решение вопроса о характере морфологического выражения вставных конструкций предлагает А. Салиев. В одном из его объемных трудов есть расширенный раздел о вводных словах, выражениях, предложениях и вставных конструкциях соответственно.

Итак, А. Салиев предполагает, что вставные конструкции «продуцируют «мысли, словно набегающие друг на друга». И в такого рода ситуациях «ум наш, как будто бы отключается от определенного круга идей, ибо он постоянно «перебегает» от одних посторонних предметов к другим, так что любое размышление, если даже оно сосредоточенное, временами приостанавливается, а затем переключается со множеством всевозможных и очень непричастных к явлениям или фактам мыслей» [Салиев, 1982: 93–94].

О вставных конструкциях на сегодняшний день имеется очень большая лингвистическая литература [Старовойтова, 2000; Чистова, 2014; Морозкина-Хамматова, 2015; Эбзеева-Ленько, 2016; Туманова, 2018]. Однако, по нашему мнению, они требуют специального изучения в эмотивном пространстве художественного текста, так как в этих случаях речь будет идти в основном об эмоциях (или экспрес-

¹ Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976. С. 65.

сии), заключенных во «вставной» фразе. Соответственно тому мы отмечаем и специфическое языковое окружение, отражающее существенную сторону авторского сознания или же персонажа, и вставка такого рода, между прочим, может быть весьма значимой. Как верно подчеркивает О.С. Ахманова, «она в литературной транслитерации вносит в предложение в целом важную дополнительную информацию»².

Внимательно вчитываясь в текст романа Чингиза Абдуллаева «Суд неправых», можно заметить, как эмотивные смыслы различных вставок усиливаются благодаря их всевозможным комбинациям с другими лингвистическими признаками или приемами. Например, инверсией, эллипсисом, повтором, паузами, внутренними монологами героев и т.д. Проиллюстрируем данные тезисы некоторыми примерами. Так, уже в самом начале романа мы замечаем видоизменение интенционального тона Дронго по поводу его повторного приглашения на Совет фирмы. В самый ответственный момент, когда сыщик-эксперт был уже предельно близок к разгадке тайны убийства двух банкиров Бильдербергского клуба, его неожиданно отзывают. По прошествии некоторого времени его вновь зовут на помощь, которую Дронго именуется уже не иначе как «вызов на ковер». Совершенно естественно предположить (и это неоднократно, кстати, указывается автором романа в скобках), что герой мог бы справедливо обидеться. («Мне тогда, то есть в свое время, пояснили, что расследование на этом и закончено».)³

Сам интенциональный тон Мортонa – одного из высших руководителей Бильдербергского клуба, – безусловно, обижает Дронго, и это подчеркивается автором. В нескольких фрагментах текста романа преобладает эмотивный смысл «сожаление» с оттенком сомнения и обиды со стороны приглашенного эксперта. Об этом и свидетельствует, в частности, повтор такой вставной конструкции, как “was that it?” (так, кажется?)

Упомянутая в самом начале нашей статьи Е.М. Галкина-Федорук точно установила, что «вставные конструкции не указывают на мнение говорящего к высказываемым мыслям, не содержат в себе оценки сообщения, не называют его источниками и не имеют связей с другим сообщением» [Галкина-Федорук, 1964: 515]. Однако к хрестоматийному правилу мы прибавим: в случае обнаружения или вычленения эмотивных смыслов вставные конструкции как бы обретают добавочный смысл, а именно несут немаловажную эмоцио-

² Ахманова О.С. Словарь литературоведческих терминов. М., 1969. С. 89.

³ Абдуллаев Ч.А. Суд неправых. Роман. М., 2018. С. 32.

нальную нагрузку. И здесь мы целиком и полностью согласимся с мнениями лингвистов Салиева, Ахмановой, Ильина, Лучинской, Смирнова и других, которые сосредотачивают внимание на этом аспекте.

Это можно проследить на примере другого рода фрагментов из названного романа Ч. Абдуллаева. Так, почти до конца романа «Суд неправых» Дронго не может отделаться от мысли о том, что его используют в нечистоплотной игре. В связи с этим и растет ненависть к тем, кто посылает его на трудновыполнимые задания. Это, собственно говоря, и репрезентируется автором с помощью соответствующих вставных конструкций.

Помимо вводных слов и вставных конструкций, одним из мобильных способов воссоздания эмотивного смысла в художественных текстах является инверсия. Следует заблаговременно уведомить: вопрос о том, каковы основные принципы словорасположения в современных языках – один из радикальных в синтаксисе. Существо дела заключается в том, что в литературных языках неродственных групп (а нас в первую очередь интересуют славянские и романо-германские) различаются сферы, которые обладают индивидуальными нормами в порядке следования слов.

Например, в академической нормативной грамматике – «Русской грамматике» (1982) – верно зафиксировано, что «относительно строгими нормативами в расположении слов характеризуется именно прозаическая письменная речь» [Салиев, 1982: 188–189]. Но необходимо уточнить, что нас прежде всего интересует опора на эмотивные смыслы, реализуемые в романах Чингиза Абдуллаева. В «Русской грамматике», понятно, не дифференцируются тексты по признакам научного или художественного направлений. Такая задача и не может стоять в «Грамматике». Но для нас такая градация важна. Ведь Ч. Абдуллаев является признанным мастером жанра «политического детектива», и художественный текст азербайджанского писателя отчасти напоминает стиль модернизма, а он, в свою очередь, обладает некоторыми специфическими признаками разговорной речи, и для нее характерна определенная степень свободы словорасположения. Вместе с тем мы должны констатировать, что сочинения Ч. Абдуллаева объективно являются яркими образцами прозаической письменной речи. В ней же в качестве основной функции порядка словорасположения считается «осуществление важнейших коммуникативных задач при актуальном членении предложения» [Русская грамматика, 1982: 190].

В русле избранной нами темы статьи важно напомнить, что разные типы предложений имеют собственный порядок слов. Так,

в русском языке прямой или обратный порядок слов прежде всего традиционно связан с интонацией. В связи с этим логическому ударению многие ученые справедливо уделяют меньше внимания, как нехарактерному явлению для инверсии. Напротив, известный немецкий лингвист и филолог Карл Беккер в решении указанной проблемы в современном (для его времени – примечание наше) английском языке заострял внимание на таких средствах актуального членения, в которых одновременно учитывались как инверсия, так и логическое ударение. Это, оказывается, специфично для английского языка. Он полагал, что «значение этих двух факторов в той степени идентично, что их вполне возможно считать одними и теми же явлениями» [Даниленко, 1990: 87].

Порядок слов помогает в различении этих и других членов пространенного предложения, причем при совпадениях их в той или иной форме. Об этом есть большая лингвистическая литература (см. работы А. Ганыпиной и В. Василевской, 1987; И. Ивановой, 1956 г.; соответствующие разделы вышеназванной «Русской грамматики, 1982). Последний аспект интересует нас в первую очередь, так как непосредственно связан с выражением эмотивных смыслов в текстах разных типов.

Например, И. Иванова указывает, что в современном английском языке «явление смещения подлежащего в его постпозицию, делает его более рематичным и соответственно экспрессивным» [Иванова, 2010]. А. Мельничук на материале русского языка показывал, что обычный, то есть общепринятый и удобный для восприятия порядок слов может быть осознанно изменен авторами художественных текстов под влиянием особых стилистических задач [Мельничук, 1987].

Далее А. Гальперин в одном из своих центральных трудов вплотную приблизился к возможности выражения эмотивного смысла в английском языке посредством инверсии. Он предполагал, что «любая перестановка, которая в той или иной степени нарушает привычный для данного языка порядок слов, обязательно влечет за собою изменения в логике изложения материала, с одной стороны, либо сообщает эмоциональную окраску высказыванию в целом – с другой» [Гальперин, 2005: 99–100].

Нам представляется, что в романе Ч. Абдуллаева «Суд неправых» центральной задачей коммуникативного назначения с помощью инверсии становится динамика выражения эмотивного состояния героев посредством уточнения вопросов. Для азербайджанского писателя в первую очередь важно, чтобы информация, получаемая сыщиком-экспертом, была максимально точно выраженной, а цель –

видимой и недвусмысленной. Как в терминологии: один вопрос – краткий и однозначный ответ. Если что-то в вопросе кажется неясным, незамедлительно следует эмоциональная реакция Дронго: «А я могу узнать – почему?»⁴ Если необходимо добавление, формируется лаконичное «Я тебе скажу еще...»⁵ Убежденность в правоте сделанного оформляется инверсионными выражениями «Я лично перезвонил»; «Я так не говорил»⁶. В случае неверия – а иначе работать на профессиональном уровне нельзя – реплика: «Почему вам я должен верить?»⁷ Логическое ударение, падающее на личное местоимение, в данном случае особо значимо, так как сосредотачивает внимание именно на реакции главного действующего лица. Или такой примечательный факт: иногда Абдуллаев умело совмещает предложения с инверсией («Скучным он становился, когда дела не было») с вставной конструкцией: «Переодевался Дронго, как правило, неторопливо (а он, собственно, никогда и не торопился, чтобы не потерять самообладания), но на задания не опаздывал» в составе одного ССЦ. Нетрудно видеть, что оба предложения эмоционально окрашены по двум приведенным позициям. В первом случае инверсия связки при именном сказуемом дается для выделения ее предикативного члена. Но в плане отражения эмотивного смысла ключевым в предложении становится именно лексема «скучный». Во втором случае вставная конструкция дисгармонирует с инверсией, так как показывает поведение человека намеренно степенного при принятии каких либо ответственных решений. Поэтому и ключевое эмотивное понятие здесь – «взвешенность». Этих фраз в контексте романа очень много. Существо дела заключается в том, что все они заряжают читателя определенным набором эмоций, причем самого различного характера и назначения, так что в тексте этого романа происходит формирование экстенциональных эмотивных смыслов⁸.

Завершая разговор об инверсии как своеобразного фиксатора (или же сигнализатора) экспрессии в художественных текстах, хотелось бы отметить, что в некоторых произведениях мировой литературы это правило синтаксиса становится проводником диктального эмотивного смысла. Чаще всего ученые в качестве наиболее ярких примеров указывают на «грусть», «тоску» и «страдание».

⁴ Абдуллаев Ч.А. Суд неправых. Роман. М., 2018. С. 14.

⁵ Там же. С. 15.

⁶ Там же. С. 17.

⁷ Там же. С. 26.

⁸ Примечание: мы намеренно не передаем здесь английский перевод, так как он в основном прост и предельно точен.

Попытаемся подойти к употреблению данных языковых средств с логической позиции. Например, в подлиннике романа Д. Дефо «Робинзон Крузо» есть предложение: “A dark flag slowly-slowly rippling out a mast from one”. В русском переводе: темный (имеется в виду пиратский – *примечание наше*) флаг медленно-медленно спускался с мачты). В романе Р. Олдингтона «Смерть героя» встречаем: “Men in the battle killed, as a rule, were saluted thus” (Почести такие отдают, как правило, павшим воинам).

Обратим внимание на специфический слог двух приведенных фраз. В их интонационном оформлении интуитивно угадывается нечто поэтическое. В первом случае – морская тема. Сравним лермонтовское: «Не гнутся высокие мачты», или лозунговое: «Все флаги в гости к нам». Здесь и сказуемое употребляется нередко препозиционно чаще в целях сохранения ритмического рисунка. Во втором случае военная тема, и эмотивный смысл репрезентируется не высказанным в тексте словом «смерть». А это понятие экзистенциально и приближается по значению к таким отдельным лексемам или выражениям, как *страх, скука, надежда, тревога, разочарование, печаль*.

Вот почему два нами предложения приобретает некую экспрессивную окраску. Инверсия служит сигнализатором того содержания, которое вкладывает в него автор. Так, в первом предложении спуск пиратского флага, с одной стороны, означает окончание военных действий. (Пираты всегда поднимают свой флаг с соответствующей орнаментовкой именно в начале боя.) С другой стороны, прилагательное “dark” (с цветообозначением: темный) и последующее выражение “slowly-slowly” (медленно-медленно) означает предвестие каких-нибудь драматических событий; это знак предупреждения чего-либо.

Главный смысл второго предложения вытекает из текстового ключевого понятия «смерть», которое, безусловно, связано в романе Олдингтона с войной. С инверсией в указанном направлении часто встречаешься на страницах романа Ч. Диккенса «Домби и сын». Т.В. Анисимова, анализирувавшая этот роман с лингвистических позиций, отмечала следующий любопытный факт. «В этом огромном двухтомном сочинении мы немало обнаруживаем эмоционально насыщенных фрагментов. Автор таким способом преследует определенную цель – погрузить читателя в повседневную жизнь Лондона, заставить его прочувствовать каждую деталь и тем самым увидеть мир глазами героя. Параллельно-вставные конструкции, характерные для разговорной речи, в свою очередь, только усиливают данный эффект. Кроме того, здесь также немало разговорно-

речевых конструкций, которые реализуются в этом романе с помощью инверсий в сочетании с ненормативной пунктуацией [Анисимова, 1984: 117–118].

Выводы. Итак, из отмеченного в статье вытекает следующее: лингвистический анализ таких языковых средств, как вставные конструкции и инверсия, выполняя функции параллельных конструкций, способны маркировать пространственно-временные связи событий, отражая при этом сущностное свойство произведения. Избраны главным образом фрагменты из романа Ч. Абдуллаева «Суд неправых», в которых данные языковые средства в совокупности заряжают текст экспрессией. При этом нами было учтено, что они, с одной стороны, дифференцируют чувства и эмоции, входящие в семантику эмотивного поля. С другой – унифицируют по определенным признакам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анисимова Т.В.* Чарльз Диккенс в русской и советской критике // Типология соответствия и контактные связи в русской и зарубежной литературе. Красноярск, 1984. С. 111–125.
2. *Галкина-Федорук Е.М.* Современный русский язык. Ч. II. Морфология. Синтаксис. М., 1964.
3. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. 3-е изд. М., 2005.
4. *Даниленко В.П.* У истоков учения об актуальном членении предложения (период до Анри Вейля) // Филологические науки. 1990. № 5. С. 82–89.
5. *Иванова И.П.* Грамматика английского языка. 3-е изд., доп. и перераб. М., 2010.
6. *Мельничук А.С.* Порядок слов и синтаксическое членение предложения в славянских языках. 2-е изд., доп. и перераб. Киев, 1987.
7. *Морозкина Е.А., Хамматова С.Р.* Выражение эмотивности в художественном тексте (на материале романа У.Г. Симмса «Мартин Фабер») // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 1. С. 172–178.
8. *Русская грамматика.* Т. II. Синтаксис. Под редакцией Н.Ю. Шведовой. М., 1982.
9. *Салиев А.Н.* Мышление как система. М., 1982.
10. *Старовойтова И.А.* Вставные конструкции как явление коммуникативного синтаксиса: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2000.
11. *Туманова А.* Вставные конструкции как средство выражения этнокультурной информации в художественном тексте писателя-билингва // *Przegląd Wschodnioeuropejski.* Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie. 2018. № 9. С. 273–282.
12. *Чистова К.О.* Особенности передачи вставных конструкций при переводе с английского языка на русский (на материале рассказа У. Бойда «Одержимый»): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2014.
13. *Эбзеева Ю.Н., Ленько Г.Н.* Лексические средства выражения эмотивности (на материале текстов художественных произведений современных английских, французских и немецких авторов) // Вестник РУДН, серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания, 2016. № 1. С. 142–151.

PARENTHETICAL INSERTIONS AND INVERSION AS SPECIAL “SIGNALS” OF THE EMOTIVENESS OF THE ARTISTIC TEXT (ON THE EXAMPLE OF CHINGIZ ABDULLAYEV’S NOVEL “THE COURT OF THE WRONGS”)

*Baku Slavic University
33 S. Rustam, Baku, AZ1014,*

The article considers parenthetical insertions and inversion as signals of emotivity of a literary text. Parenthetical insertions, inversion, and interjections refer to such significant words or phrases that do not carry a syntactic load, but they express the attitude of the speakers to the utterance, give them a certain assessment, and characterize the ways of their design. According to the author, they fit perfectly into the scheme that organizes the emotional space of a literary text. The main goal of the work is to identify the role of such language tools as inversion and parenthetical insertions as some “signaling” of the emotivity of a literary text. As a result of the research, fragments from the novel by Ch. Abdullayev “The Court of the Wrongs” were identified in which these linguistic means in total charge the text with expression. At the same time, it is taken into account that, on the one hand, they differentiate feelings and emotions that are part of the semantics of the emotive field. On the other hand, they are unified according to certain criteria. The results of the research can be used in courses of lectures on linguistics, analysis of literary text at seminars and workshops. This article will be of interest to linguists dealing with the problems of parenthetical insertions and inversion. В результате исследования были выделены фрагменты из романа Ч. Абдуллаева «Суд неправых», в которых данные языковые средства в совокупности заряжают текст экспрессией.

Key words: artistic text; emotivity; inversion; plug-in construction; terminology; Chingiz Abdullayev.

About the author: *Abbasova Ulviya Vagif* – PhD in Philology, Associate Professor of the Department of General linguistics, Baku Slavic University (kniga.ru.02@inbox.ru)

REFERENCES

1. Anisimova T.V. 1984. Charlz Dikkens v russkoy i sovetzkoy kritike [Charles Dickens in Russian and Soviet criticism]. *Tipologiya sootvetstviya i kontaktnyye svyazi v russkoy i zarubezhnoy literature*. Krasnoyarsk, Krasnoyarskiy gos. ped. Institut, pp. 111–125. (In Russ.)
2. Galkina-Fedoruk E.M. 1964. *Sovremennyy russkiy yazyk. Chast II. Morfologiya. Sintaksis* [Modern Russian language. Part II. Morphology. Syntax]. Moscow, MGU. (In Russ.)

3. Galperin I.R. 2005. *Tekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya. 3-e izd.* [Text as an object of linguistic research. 3rd ed.]. Moscow, Editorial URSS. (In Russ.)
4. Danilenko V.P. 1990. U istokov ucheniya ob aktualnom chlenenii predlozheniya (period do Anri Veylya). *Filologicheskiye nauki*, no.5, pp. 82–89. (In Russ.)
5. Ivanova I.P. 2010. Grammatika angliyskogo yazyka. Izdaniye tret'ye, dopolnennoye i pererabotannoye [English grammar. Third edition, supplemented and revised]. Moscow, Iskusstvo. (In Russ.)
6. Melnichuk A.S. 1987. *Poryadok slov i sintaksicheskoye chleneniye predlozheniya v slavyanskikh yazykakh* [Word order and syntactic division of sentences in Slavic languages]. Kiyev, Naukova dumka. Izdaniye vtoroye. Dopolnennoye i pererabotannoye. (In Russ.)
7. Morozkina E.A., Khammatova S.R. 2015. Vyrazheniye emotivnosti v khudozhestvennom tekste (na materiale romana U.G. Simmsa “Martin Faber”) [Expression of emotiveness in literary text (based on the novel by W.G. Simms “Martin Faber”)]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. T. 20, no. 1, pp. 172–178. (In Russ.)
8. Russkaya grammatika. 1982. *Tom II. Sintaksis* [Russian grammar. Volume II. Syntax] In N.Yu. Shvedova (ed.). Moscow, Nauka. (In Russ.)
9. Saliyev A.N. 1982. *Myshleniye kak sistema* [Thinking as a system]. Moscow, Prosveshcheniye. (In Russ.)
10. Starovoytova I.A. 2000. *Vstavnyye konstruksii kak yavleniye kommunikativnogo sintaksisa* [Parenthetical insertions as a phenomenon of communicative syntax]. Diss. ... na sois. kand. filol. nauk. Saint Petersburg. (In Russ.)
11. Tumanova A. 2018. Vstavnyye konstruksii kak sredstvo vyrazheniya etnokulturnoy informatsii v khudozhestvennom tekste pisatelya-bilingva [Parenthetical insertions as a means of expressing ethnocultural information in the literary text of a bilingual writer]. *Przeegląd Wschodnioeuropejski. Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie*, no. 9, pp. 273–282. (In Russ.)
12. Chistova K.O. 2014. *Osobennosti peredachi vstavnykh konstruksiy pri perevode s angliyskogo yazyka na russkiy (na materiale rasskaza U. Boyda “Oderzhimyy”)* [Features of the transfer of plug-in constructions when translating from English into Russian (based on the story of W. Boyd “Obsessed”): Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. (In Russ.)
13. Ebzeyeva Yu.N., Lenko G.N. 2016. Leksicheskiye sredstva vyrazheniya emotivnosti (na materiale tekstov khudozhestvennykh proizvedeniy sovremennykh angliyskikh. frantsuzskikh i nemetskikh avtorov) [Lexical means of expressing emotiveness (based on the texts of works of art by contemporary English, French and German authors)]. *Vestnik RUDN. Seriya: Russkiy i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya*. 2016, no. 1, pp. 142–151.

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ 19.
ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ» В 2021 г.**

	№	С.
<i>Когнитивные исследования</i>		
<i>Болдырев Н.Н.</i> Феномен производности в культуре и языке	2	50
<i>Горбачевская С.И., Леонтьева В.А.</i> Способы выражения деонтической модальности в текстах разных жанров (на материале немецкого языка)	1	42
<i>Грецкая С.С.</i> К вопросу о «калейдоскопических» концептах в лингвистике	3	83
<i>Давыдова М.А.</i> Развернутая когнитивная метафора как экспонент метафорической кластеризации в дискурсе У. Черчилля	3	103
<i>Давыдова М.А.</i> Роль когнитивной метафоры в формировании концептосферы политического лидера (на материале предвоенных выступлений У. Черчилля)	1	52
<i>Дербишева З.К.</i> От параметрического анализа лексики к языковой картине мира	1	19
<i>Заботкина В.И.</i> К вопросу о когнитивных основах контакта двух культур	2	17
<i>Ирисханова О.К.</i> Проявления кросс-модальной иконичности в разных типах дискурса	2	29
<i>Карасик В.И.</i> Коммуникативные характеристики абсурда	2	40
<i>Молчанова Г.Г.</i> Генерационная поликодовость коммуникативных модулов. Какой он, человек нового поколения?	2	9
<i>Молчанова Г.Г.</i> Интертекстуальность и мифотехнологии в постмодернистском тексте	1	9
<i>Робустова В.В., Манченкова А.И.</i> Репрезентирующая функция имен собственных	1	32
<i>Сергиенко П.И.</i> Социальная роль PR сквозь призму когнитивной метафоры в профессиональном англоязычном дискурсе	3	93
<i>Язык и межкультурная коммуникация</i>		
<i>Avetisyan N.G.</i> Growing Trend Towards Borrowing From English – Threat To The Russian Language?	1	62
<i>Александрова О.В.</i> Межкультурная коммуникация и ее символы	2	63

	№	С.
<i>Ахренова Н.А.</i> Особенности репрезентации концепта COVID-19	4	108
<i>Демьянков В.З.</i> Об усвоении неродного языка и корпусной лингвистике: что такое <i>хайли лайкли</i> ?	2	70
<i>Едличко А.И., Токарева С.В.</i> Отражение миграционного кризиса в протестном правопопулистском дискурсе современной Германии: стратегический и тактический уровни	1	88
<i>Елистратов В.С.</i> «Два Ивана», или русско-французский басенный диалог (Лафонтен и Крылов)	2	98
<i>Загряжкина Т.Ю.</i> <i>Mobilité / Мобильность</i> в дискурсе о языковом образовании: ключевое слово и социальный императив	3	26
<i>Загряжкина Т.Ю.</i> Проблема множественности в языке и культуре, или «лингвистический узел» дискурса современности	2	82
<i>Касаткин М.Л.</i> Прецедентные высказывания как лингвопрагматическое средство отражения общественно-политических реалий Германии	1	72
<i>Невежина Е.А.</i> Феномен <i>рештиграбен</i> во франкоязычной прессе Швейцарии	3	41
<i>Орлянская Т.Г.</i> Регламентирующая основа японской ментальности <i>ката</i>	1	82
<i>Раевская М.М.</i> Дискурс власти в современном мире: социально-ориентированная коммуникация испанской монархии	4	93
<i>Смирнова В.Е.</i> Языковая репрезентация представлений французов об этничности народов России (на материале воспоминаний французских авторов XVI–XVII вв.)	4	122

Традиции и современные тенденции культуры

<i>Глазова Е.А.</i> Французская реклама в контексте культурного разнообразия	4	59
<i>Жбанкова Е.В.</i> Польская художественная интеллигенция в борьбе с нацизмом в годы Второй мировой войны	4	38
<i>Иванова И.Е.</i> Особенности французской кухни начала XIX в.: культурологический комментарий к роману И. Андрича «Травницкая хроника»	3	176
<i>Калуцков В.Н.</i> «Письма Русского путешественника» Н.М. Карамзина: литературно-географические аспекты	4	26
<i>Калуцков В.Н., Дубинина И.С.</i> Юг США: смена пространственных культурных кодов в городских ландшафтах	3	165
<i>Карелина Н.А., Френк Г.Ю.</i> Роль культурного наследия Первых наций в развитии аборигенного туризма в Канаде (на примере провинции Онтарио)	4	86
<i>Карташева Н.В.</i> Российская неакадемическая этнография второй половины XIX в. как источник изучения культурного наследия коренных народов Сибири	4	47

	№	С.
<i>Крюкова О.А.</i> Дискурс о женской идентичности в произведениях Кристины Пизанской	2	146
<i>Моклецова И.В.</i> Свообразие жанров деловой письменности в творческом наследии Андрея Н. Муравьева (к постановке проблемы)	1	117
<i>Овчинникова Ю.С.</i> “la muerte sonriente”: юмористическо-игровые образы смерти в мексиканской и мексикано-американской культурах	2	156
<i>Павловская А.В.</i> Пандемия COVID-19 и особенности национального карантина	4	9
<i>Павловская А.В.</i> Пандемия COVID-19 и проблемы сохранения традиционной культуры	3	150
<i>Павловская А.В.</i> «Ростбиф Старой Англии»: мясо как фактор национальной идентичности британцев	1	100
<i>Робустова В.В.</i> Кодированная функция имен собственных в художественном тексте (на примере романа Льва Кассиля «Будьте готовы, Ваше высочество!»)	2	165
<i>Сиднева С.А.</i> Опыт реконструированной традиции в карнавальном обряде салентийских греков “La Morte te lu Paolinu”	4	68
<i>Царегородцева Г.И.</i> Влияние советского фактора на работу англо-американской комиссии по расследованию ситуации в Палестине (1945–1946 гг.)	4	77
<i>Шевлякова Д.А.</i> Международный день итальянской комедии дель арте: механизмы сохранения и трансляции культурно-исторического наследия	2	136
 <i>Региональные исследования</i>		
<i>Павловский И.В.</i> С чего начинается Родина: к вопросу о региональных границах Европы	1	128
 <i>Теория и практика обучения иностранным языкам</i>		
<i>Martin Filip.</i> (Do Not) Forget Your Native Language! Teaching of Czech Language for Russian Speaking Students	1	141
<i>Джабер М.Х.</i> Методическое сопровождение курса китайского языка как второго иностранного для обучения студентов по направлению 45.03.02 «Лингвистика»	3	204
<i>Егорова Ю.В.</i> Ассоциаты как метод работы с лексикой русского языка как иностранного	1	153
<i>Колушикина А.И.</i> Гендерная нейтральность как предмет лингводидактического исследования англоязычной учебной литературы	3	214
<i>Сафонова В.В.</i> Переводческая образованность как неотъемлемое качество преподавателя университета XXI в.	2	176

	№	С.
<i>Сафонова В.В., Колесникова А.Н., Любимова А.А.</i> Параметры оценивания уровня сформированности фонологической компетенции при изучении английского языка как лингва франка	3	186
<i>Теория и практика перевода</i>		
<i>Миловидова А.И., Платэ М.А.</i> Обучение основным принципам перевода базовых терминов, связанных с деятельностью компаний	1	177
<i>Михайловская М.В.</i> К вопросу о лингвистике информационно-психологической войны: идеологемы как инструмент семантического манипулирования	3	222
<i>Полубиченко Л.В.</i> Межсемиотический перевод в семиотически гетерогенных текстах	4	130
<i>У Айжун, Сюй Тинсю.</i> Числительные в произведениях китайской литературы: функции и проблемы перевода на русский язык (на материале сборника повестей Би Фэйюя «Лунная опера»)	4	146
<i>Хухуни Г.Т., Осипова А.А.</i> Референция или прагматика? (о возможных стратегиях переводов Библии)	2	215
<i>Чжоу Мэнхань.</i> «Мастерская перевода» в методике обучения студентов-переводчиков	1	161
<i>Информационно-коммуникационные технологии в образовании</i>		
<i>Fadeeva V.A.</i> Distance Language Learning with PowerSchool Learning LMS in a Higher Education Context: an Empirical Study	1	185
<i>Titova S.V.</i> Developing Students' Collaborative and Language Skills through MOOC Integration in CLIL	3	9
<i>Назаренко А.Л.</i> Изучение иностранных языков в сотрудничестве через телекоммуникации: «вариация на тему»	2	189
<i>Титова С.В., Барина К.В.</i> Способы предоставления обратной связи и организации рефлексии в онлайн-обучении иностранным языкам	2	200
<i>Язык. Познание. Культура</i>		
<i>Арапова М.А.</i> Европейский гуманитарий в пьесе Ивана Вырыпаева «Иранская конференция»	2	126
<i>Афинская З.Н.</i> Семантико-понятийная характеристика терминов в контексте междисциплинарных исследований (на материале французского языка)	3	112
<i>Богданова Л.И.</i> Оценки и ценности в структуре глаголов 'стыда'	2	106
<i>Воробьева Е.Ю.</i> Гендерная семантика в номинациях цвета товаров повседневного спроса во французском языке	3	143

	№	С.
<i>Кочетова М.Г.</i> Грамматическая метафора в научных текстах как источник развития современного английского языка (на материале публикаций о COVID-19)	2	117
<i>Миндрул О.С.</i> Изменения в британской произносительной норме: от Received Pronunciation (RP) до Standard Southern British (SSB)	3	121
<i>Соловьева Ю.О.</i> Жанрово-стилистические особенности постов правовой тематики	3	133
 <i>Теория языка и речи</i>		
<i>Аббасова У.В.</i> Вставные конструкции и инверсия как своеобразные «сигнализаторы» эмотивности художественного текста (на примере романа Чингиза Абдуллаева «Суд неправых»)	4	170
<i>Бубнова Г.И.</i> Перцептивно-слуховая сегментация устно порождаемой речи	3	51
<i>Валитур А., Джамалзад М.</i> Экспериментальное исследование акустических факторов произношения русских щелевых согласных в иранской аудитории	3	65
 <i>Вопросы лексикологии и лексикографии</i>		
<i>Ilson R.</i> The Lexicography of Concepts: Abrahamic Variations	3	77
 <i>Учебные программы</i>		
<i>Едличко А.И.</i> Программа лекционного курса «Языковая ситуация и языковая политика в европейских странах»	4	157